

ISSN 2949-5121 (PRINT)
ISSN 2949-5148 (ONLINE)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРО
СВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

2023 № 4

- Общеизвестные научные категории как теоретико-методологический базис научных исследований
- Семантическая процедура: установление поля смысла
- Перевернутая истина

ISSN 2949-5121 (print)

2023 / № 4

ISSN 2949-5148 (online)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Философские науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Современные философские исследования» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.7.1 – Онтология и теория познания (философские науки); 5.7.2 – История философии (философские науки); 5.7.6 – Философия науки и техники (философские науки); 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Contemporary Philosophical Research” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.7.1. – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 5.7.2. – The history of philosophy (philosophical sciences); 5.7.6. – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 5.7.7. – Social and political philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2949-5121 (print)

2023 / № 4

ISSN 2949-5148 (online)

CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL RESEARCH

Учредитель журнала «Современные философские исследования»
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Бондарева Я. В. – д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. – д-р филос. наук, проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. – д-р филос. наук, проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации;

Виноградов А. И. – д-р филос. наук, проф., Мурманский арктический государственный университет;

Евстифеева Е. А. – д-р филос. наук, проф., Тверской государственный технический университет;

Ильин В. В. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана;

Кондаков А. М. – д-р пед. наук, проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС);

Костадинович Д. – д-р наук, доц., Университет Ниша (Сербия);

Кравченко В. В. – д-р филос. наук, проф., Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет);

Курабцев В. Л. – д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Лебедев С. А. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Микосиба М. – д-р наук, почётный профессор, Университет Тиба (Япония);

Михалкин Н. В. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет;

Синенко В. Я. – д-р пед. наук, проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования;

Янич М. – д-р наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

Рецензируемый научный журнал «Современные философские исследования» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам онтологии и теории познания, истории философии, философии науки и техники, социальной и политической философии.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Современные философские исследования» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-73345.

Индекс журнала «Современные философские исследования» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40724.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках “eLibrary” (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philosmgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Современные философские исследования. – 2023. – № 4. – 144 с.

© ГУП, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.philosmgou.ru

Founder of the journal "Contemporary Philosophical Research":
State University of Education

Issued 4 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya. V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., State University of Education

Deputy editor-in-chief:

B. L. Gubman – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Dr. Sci. (Philosophy), Mytishi Branch of Bauman Moscow State Technical University

Editorial board:

V. P. Berkut – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Peter the Great Military Academy of the Strategic Missile Forces of the Ministry of Defence of the Russian Federation;

A. I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Murmansk Arctic State University;

E. A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State Technical University;

V. V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Bauman Moscow State Technical University;

A. M. Kondakov – Dr. Sci. (Education), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems;

D. Kostadinović – PhD, Assoc. Prof., University of Niš (Serbia);

V. V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow Aviation Institute (National Research University);

V. L. Kurabtsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., State University of Education;

S. A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Lomonosov Moscow State University;

M. Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan);

N. V. Mikhalkin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State University of Psychology and Education;

V. Ya. Sinenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute;

M. Janjić – Doctor of Philology, Prof., University of Niš (Serbia)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Contemporary Philosophical Research" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists, including but not limited to ontology, theory of cognition, history of philosophy, philosophy of science and technology, and social and political philosophy.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, postgraduate students, and anyone interested in philosophy.

The journal "Contemporary Philosophical Research" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73345).

The subscription index of "Contemporary Philosophical Research" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philosmgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Contemporary Philosophical Research. – 2023. – No. 4. – 144 p.

© SUE, 2023.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

Phone: +7 (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.philosmgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

- Бондарева Я. В., Буренков С. В., Костадинович Д., Курабцев В. Л., Беркут В. П.*
Общепризнанные научные категории как теоретико-методологический базис научных исследований. Часть III. 6
- Ильин В. В., Кокоева И. А., Родин П. Н., Шимко А. В., Яловенко Я. В.* Семантическая процедура: установление поля смысла. Статья II. 19

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- Алёхина Е. В., Заложных Ю. С.* Современные славянофилы: оценка Специальной военной операции как противостояния идеологий суверенной государственности и ультраглобализма. Часть I. 36
- Чикаева Т. А.* Об актуальности и научно-практической значимости суждений Е. Н. Трубецкого о Родине и патриотизме 47

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

- Кудряшев А. Ф., Елхова О. И.* Перевернутая истина 58

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Афанасьева М. А.* Глобализация религиозного сознания: восточный путь 71
- Евстифеева Е. А., Филиппченкова С. И., Токарчук Е. Г.* Аксиологический ресурс феномена примирения 84
- Жульков М. В.* Мировая цивилизационная сеть: модель глобального мира. 91
- Климов С. Н., Сетин А. Н.* Внутренняя миграция: специфика проявления в России. 103
- Удалова Л. В.* Суицидальное поведение как индикатор социальной патологии 113
- Урядов А. В.* Роль информации в основных эволюционных стратегиях выживания: «номинального бессмертия» и «быстрого реагирования» 120

РЕЦЕНЗИИ

- Губанов Н. Н.* Новая фундаментальная книга философии и методологии науки. Рецензия на книгу: Лебедев С. А. Философия. Методология. Наука: избранные статьи. М.: Проспект, 2023. 720 с.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БОРИСА ВЛАДИМИРОВИЧА БИРЮКОВА

- Прядко И. П.* Б. В. Бирюков – учёный и организатор науки: заметки к прошедшему юбилею 133

CONTENTS

ONTOLOGY AND THEORY OF COGNITION

- Ya. Bondareva, S. Burenkov, D. Kostadinovich, V. L. Kurabtsev, V. P. Berkut.* Generally Recognized Scientific Categories as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part III 6
- V. Ilyin, I. Kokoeva, P. Rodin, A. Shimko, Ya. Yalovenko.* Semantic Procedure: Setting the Value Field. Article II.....19

HISTORY OF PHILOSOPHY

- E. Alekhina, Yu. Zalozhnykh.* Modern Slavophiles: Assessment of the Special Military Operation as a Confrontation Between the Ideologies of Sovereign Statehood and Ultra-Globalism. Part I 36
- T. Chikaeva.* On The Relevance and Scientific and Practical Significance of the Judgments of E. N. Trubetskoy about the Motherland and Patriotism 47

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

- A. Kudryashev, O. Elkhova.* Inverted Truth 58

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

- A. Afanasyeva.* Globalization of Religious Consciousness: Eastern Way 71
- E. Evstifeeva, S. Filippchenkova, E. Tokarchuk.* Axiological Resource of the Phenomenon of Reconciliation..... 84
- M. Zhulkov.* The World Civilization Network: A Model of the Global World..... 91
- S. Klimov, A. Setin.* Internal Migration: The Specifics of Its Manifestation in Russia 103
- L. Udalova.* Suicidal Behavior as an Indicator of Social Pathology 113
- A. Uryadov.* The Role of Information in the Main Evolutionary Survival Strategies: “Nominal Immortality” and “Rapid Response”..... 120

REVIEWS

- N. Gubanov.* New Fundamental Book of Philosophy and Methodology of Science. Book Review: Lebedev S. A. Philosophy. Methodology. Science: Selected Articles. Moscow, Prospect Publ., 2023. 720 p. 122

TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF BORIS VLADIMIROVICH BIRYUKOV

- I. Pryadko.* B. V. Biryukov – Scientist and Facilitator of Science: Notes to the Last Anniversary 133

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 101

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-6-18

GENERALLY RECOGNIZED SCIENTIFIC CATEGORIES AS A THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS FOR SCIENTIFIC RESEARCH. PART III

Ya. Bondareva¹, S. Burenkov¹, D. Kostadinovich², V. Kurabtsev³, V. Berkut⁴

¹ State University of Education

ul. Veri Voloshinoy 24, Mytishi 141014, Moscow Region, Russian Federation

² University of Niš

Univerzitetskitrg 2, Niš 18106, The Republic of Serbia

³ HSE University

ul. Myasnitskaya 20, Moscow 101000, Russian Federation

⁴ The Military academy of Strategic rocket troops after Peter the Great

ul. Karbysheva 8, Balashikha 143900, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. Based on philosophical methodology, consider in detail the content of some general scientific (philosophical) categories “form”, “phenomenon”, “property”, “function”, “character” (that is, categories that reflect the essence of the ways in which the internal signs of phenomena in the environment are manifested), as well as “environment”, “condition”, “cause”, “ground”, “consequence”, “necessity”, “randomness”, “nature of the phenomenon”, “possibility” (categories reflecting the impact of the environment on the phenomenon under study) and define them in modern edition.

Methodology. The work was carried out based on a systematic approach using classification methods and comparative analysis.

Results. Research within the framework of the system of philosophical categories because of cognitive activity, which is a systematization of information about a phenomenon and the naming of this phenomenon, is still relevant today. The categories reflect the characteristics of phenomena of a certain class, record the essential properties of the phenomena and the connections between them. In addition, based on the content of general scientific categories, methods of cognition are formed. They also have a general scientific character and participate in all scientific research without exception. This fact gives special importance to understanding the essence of general scientific (philosophical) categories, which, working to solve problems of scientific research, are transformed into methods of scientific research. This circumstance determines the need for a detailed presentation of the content of general scientific (philosophical) categories in their modern edition.

Research implications. The results of the study can be used to improve the methodological competencies of both teachers of philosophical disciplines and students.

Keywords: form, phenomenon, property, functions, character, environment, condition, cause, basis, consequence, necessity, randomness, nature of the phenomenon, possibility

ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ НАУЧНЫЕ КАТЕГОРИИ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ БАЗИС НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ЧАСТЬ III

Бондарева Я. В.¹, Буренков С. В.¹, Костадинович Д.², Курабцев В. Л.³, Беркут В. П.⁴

¹Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Университет в Нише

18106, г. Ниш, Университетская площадь, д. 2, Республика Сербия

³Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация

⁴Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого

143900, Московская обл., г. Балашиха, ул. Карбышева, д. 8, Российская Федерация

Аннотация

Цель. На основе философской методологии детально рассмотреть содержание некоторых общенаучных (философских) категорий: *формы, явления, свойства, функции, характера* (т. е. категорий, отражающих суть способов проявлений внутренних признаков явлений в среде), а также *среды, условия, причины, основания, следствия, необходимости, случайности, природы явления, возможности* (категорий, отражающих воздействие среды на исследуемый феномен) – и дать им определение в современной редакции.

Процедура и методы. Работа выполнена на основе системного подхода с использованием методов классификации и сравнительного анализа.

Результаты. Исследования в рамках системы философских категорий как результата познавательной деятельности, представляющей собой систематизацию сведений о каком-либо явлении и назывании этого явления, сегодня по-прежнему актуальны. В категориях отражаются признаки явлений определённого класса, фиксируются существенные свойства явлений и связи между ними. Кроме того, на основе содержания общенаучных категорий формируются приёмы познания. Они также имеют общенаучный характер, участвуют во всех без исключения научных исследованиях. Этот факт придаёт особое значение пониманию сути общенаучных (философских) категорий, которые, работая на решение задач научных исследований, трансформируются в приёмы научного исследования. Данное обстоятельство детерминирует необходимость детального представления содержания общенаучных (философских) категорий в их современной редакции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в совершенствовании методологических компетенций как у преподавателей философских дисциплин, так и у обучающихся.

Ключевые слова: форма, явление, свойство, функции, характер, среда, условие, причина, основание, следствие, необходимость, случайность, природа явления, возможность

Introduction

Having presented in previous articles the essence of philosophical categories that reflect the internal, immanent characteristics of phenomena, let us move on to the consideration of general scientific categories that reflect the ways in which internal processes occurring in phenomena are manifested.

Categories “form”, “phenomenon”, “property”, “function”, “character”

Let's start with the content of the “form” category. As a rule, form is considered as a way of existence and expression of content. Sometimes form is understood as a way of expressing, existing and organizing content¹. At first glance, this approach remains largely

¹ Кокорин А. А. Методология научных исследований: учебное пособие. М.: Московский государственный областной университет, 2015. С. 149.

true to the Aristotelian tradition. At the same time, it contains a nuance that cannot be ignored. If form is a way of expressing not only the existence of content, but also its organization, then two questions immediately arise: a) is form a way of expressing the essence of content; b) why form is associated specifically with the organization of content, and not with its structure, quality, essence, functions, etc.

The remark about the unity of content and form is fair. It is also true that their delimitation is possible only in abstraction, but it is still possible and necessary when it comes to scientific categories. Their precise, strict definition involves the use of an abstraction mechanism, without which it is impossible to understand the nuances and features of these phenomena.

Form (lat. *forma*) – “primarily the external outline, the external appearance of an object, the external expression of some content..., as well as the internal structure, structure, a certain and determining order of an object or the order of a process...”¹. The above thesis carries a charge of compromise, since its authors propose to distinguish between both external and internal forms of phenomena. It receives uncompromising development in the following conclusions: «The external form is associated with the configuration of the object, its external spatial and temporal boundaries»². And further: “The internal form characterizes the method, the connection between the elements of the content of a thing, its contradictions, sides, tendencies, etc.”³.

Summarizing the above, we will make an intermediate conclusion: a) while rightly distinguishing between the external and internal forms of phenomena, we must not forget about the existence of their content and identify with it primarily their internal form; b) under changing conditions, the internal form can become external and vice versa; moreover, under certain conditions, dynamic transformations of forms into content, and contents into the forms of new, changed phenomena, are possi-

ble; c) under certain conditions of existence, it is quite strictly possible to distinguish between the contents of phenomena (a set of interrelated elements) and their forms.

Thus, the category “form” reflects the essence of stable ways of manifesting the contents of a phenomenon in the environment. Phenomena resonate in the environment not only with their contents, but with their essences⁴. Science says that stable ways of manifestation of phenomena in the environment of entities are reflected in the philosophical category “phenomenon”. At the same time, in modern scientific literature there are many comments, clarifications, and reflections on the essence of the category “phenomenon”.

Firstly, there are works in which the phenomenon is interpreted as everything that is sensually perceived. This approach to the phenomenon is acceptable, but, in our opinion, with certain reservations, which can be expressed in two questions: are phenomena only perceived sensorily or is the intellect involved in this process? Is it legal to determine the content of the category “phenomenon” without showing its connection with the essence of objects, things, processes! It seems to us that both questions have the right to life in the context of our reflections. It is confirmed by the conclusion contained in another encyclopedic source: “Phenomenon, ... Essence, the content of something (objects, processes) in external expression, the direct reflection of a thing in sensory perception” [3, c. 215]. As can be seen, here too the phenomenon is associated exclusively with the sensory perception of things. This is on the one hand. On the other hand, its existence is presented not only as an external expression of essence, but also of content. Thus, rigor in the approach to the phenomenon is lost because it is known that the external expression of the content is realized by the form of the phenomenon.

Secondly, one cannot ignore the original, somewhat, as it seems to us, camouflaged position regarding the content of the category “phenomenon”. Why are these adjectives used? Only because the author of the point of view,

¹ Форма // Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 490.

² Кокорин А. А. Методология научных исследований: учебное пособие. М.: Московский государственный областной университет, 2015. С. 150.

³ Там же. С. 155.

⁴ Там же. С. 169.

which we will cite in a literal version just below, defines “phenomenon” as a category “to designate in an object, a process, what is directly discovered and manifested before us” [4, c. 166]. It is clear that there is no indication of the connection between the phenomenon and the essence, just as there is no clear position regarding the essence of the process of direct detection of phenomena in the environment.

Thirdly, many researchers defend the fact of a direct connection between phenomenon and essence. True, they express their understanding of this fact in their own way. One can come across the following conclusions in this regard: a phenomenon is “the detection of individual properties of an essence, accessible to the senses”; phenomenon – “a set of external properties, aspects, connections and relationships, objects, processes, which represents a head start for the manifestation, discovery of the essence”¹. Essence is part of the content of an object, and phenomenon is the form of its manifestation; phenomenon is a way of discovering essence.

As you can see, the conclusions regarding the content of the category “phenomenon” are very broad, and in a certain sense, contradictory. At the same time, if they are summarized and integrated, then it is possible to determine the essential features of the named category quite strictly. Summary: a) the phenomenon is organically connected with the essence that determines its existence; b) a phenomenon is an external expression of an essence, representing it in the environment; c) the phenomenon is perceived and reflected both at the sensory level and at the intellectual levels.

Sustainable ways of manifesting the qualities of a phenomenon are usually classified as their properties. This point of view is widespread in the literature. At the same time, there are authors who claim a certain originality in their approaches to understanding the properties of phenomena. Let’s pay attention to some of them.

In one of the encyclopedic sources, we read: “Properties are what are inherent in any object,

what constitutes its specific existence...”². It is hardly possible to deny the authors of this conclusion that the properties of a phenomenon are in one way, or another connected with their existence. What is confusing about this conclusion is that the properties of a phenomenon are in no way connected with their qualities.

Certain contradictions contain the following premise: “Properties, ... The essence of someone, something, a quality, a sign that constitutes a distinctive feature of someone, something” [6, c. 148]. We can say this: this conclusion is a heap of contradictions. Their essence: properties are considered both as an essence, and as a quality, and as a sign. It is unlikely to absolutely deny the connection of properties with essences, qualities, and signs of phenomena. The connection cannot be denied, but identification is out of the question.

Perhaps the most common point of view is that a property is “an aspect of an object that determines its difference or similarity with other objects and manifests itself in interaction with them” [1, c. 16]. It is obvious that properties work in the processes of searching for similarities and differences between phenomena. But not only them. This gives the right to believe that properties are only one of the directions in the search for similarities and differences between phenomena. In our deep conviction, those researchers who rightly connect the properties of phenomena with the ways of expressing their qualities in the environment are closest to the truth. On this basis, we can draw the following conclusion: agreeing in the main with the content of the above provisions, we note that more precisely the essence of the category “property” is expressed by the definition “the category “property” reflects the essence of stable ways of manifestation of the qualities of phenomena in the environment” [2, c. 106].

The traditional version of presenting properties as external manifestations of expressions of contents, essences and qualities of phenomena would seem to be universal. But this is far from true. Firstly, in the world of phenomena eve-

¹ Кокорин А. А. Методология научных исследований: учебное пособие. М.: Московский государственный областной университет, 2015. С. 178.

² Свойство // Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 408.

rything functions, while manifesting its internal capabilities in the environment. Secondly, in the process of their functioning they influence the environment, changing it. And this sign (sign of functioning) is inherent in all phenomena without exception. Consequently, there must be a general scientific, philosophical category that would reflect the essence of this process. This category is “function”. What is the essence of this category? Here, reflections on the essence of the functions of phenomena that are presented on the pages of modern encyclopedic literature are of interest.

Firstly, since functional analysis is primarily associated with mathematics, it is often emphasized that a function in mathematics expresses diverse quantitative patterns in nature¹.

Often functions are interpreted through activity, actions, and the work of phenomena. So we read: “Function, ... (Lat. Function – performing work) ... duty, range of activity of something, work to be performed ... Meaning, purpose, role”². It is possible to present more broadly the points of view on the essence of the category “function”, but they, one way or another, overlap with the above positions. This frees us from further work in this direction.

Critically reflecting on the above, it is right to state: unfortunately, the priorities of the mathematical, quantitative in the interpretation of the essence of a function significantly narrows the possibilities of a deep approach to understanding their essence, since qualitative determinants of functions remain outside the zone of attention. Of course, functions are associated with the actions (interactions) of phenomena, but they are not the only ones. This again does not allow us to strictly approach their understanding of their essence. In a word, the above approaches do not sufficiently guide us to strictly determine the ontological basis of functions. And it exists. It is formed by the interacting content, essence, and quality of phenomena. They manifest their integrated

capabilities in a sustainable way in the environment. These are the functions of phenomena. In other words, “function” is “a category that reflects stable ways of manifestation in the environment of content, essences and qualities of phenomena integrated with each other”³. Not all systems of philosophical categories include the category “character” in their composition. Traditionally, science studies mainly human character. This is what psychology does. At the same time, life leads us to understand the nature of natural phenomena (temperature, pressure, humidity, and others); the nature of social phenomena (the nature of war, political regime, economy, and so on); the nature of intellectual phenomena (the nature of thinking, method, style, way of thinking, and so on).

Often, there is a conversation about the nature of the interaction of system elements. At the same time, the question of the elements of which systems are being discussed is leveled: natural, social, or intellectual. It is obvious that the term “character” of a phenomenon can be legitimately used in relation to both natural, social and intellectual processes. This puts on the agenda the question of the philosophical, general scientific meaning of the category “character”.

In the scientific literature we find a definition of the nature of phenomena. In one of the sources, you can read: “Character (from the Greek: Character – a distinctive feature, sign) is a feature of a person’s behavior, manifested in his manners, actions, and mindset”⁴. As can be seen, despite the psychological bias, character is interpreted as a certain line of behavior of a phenomenon in the environment, determined by its internal properties.

Reflecting on the “character of phenomena” as a philosophical category, it is legitimate to note: a) the nature of a phenomenon is a phenomenon determined by its internal characteristics; b) this is a stable line of behavior of phenomena in the environment, connecting their forms, phenomena, properties, that is, integrating their functions;

¹ Функция // Современный экономический словарь / Б. А. Райсберг, Л. Ш. Лазовский, Е. Б. Стародубцева. М.: НИЦ ИНФРА-М., 2023. С. 144.

² Кокорин А. А. Методология научных исследований: учебное пособие. М.: Московский государственный областной университет, 2015. С. 177.

³ Кокорин А. А. Методология научных исследований: учебное пособие. М.: Московский государственный областной университет, 2015. С. 179.

⁴ Характер // Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 502.

c) finally, character is a sustainable way of influencing the environment through its interrelated functions. In other words, the philosophical category “character of a phenomenon” reflects the essence of the way a phenomenon behaves in the environment, formed as a result of the integration of its functions.

Categories “environment”, “condition”, “cause”, “foundation”, “consequence”, “necessity”, “randomness”, “nature of the phenomenon”, “possibility”

Philosophical categories were presented above, reflecting the essence of the ways in which internal signs of phenomena in the environment are manifested. At the same time, the philosophical algorithm of cognition directs us to study the influence of the environment on the phenomenon under study. Which is what you should do now.

The first thing that catches your eye is the fact of the existence of two groups of phenomena affecting the analyzed phenomena. Some of them directly interact with knowable phenomena. Others, indirectly, through the first group of phenomena. It is quite clear that the intensity of the first group of phenomena on the cognizable phenomenon differs significantly from the intensity of the influence of the second group of phenomena. It follows that the interest in studying the phenomena of direct influence exceeds the interest in the phenomena of the second group. Phenomena that directly affect cognizable phenomena form the environment. In our opinion, there is a philosophical category of the same name that reflects its essence. In other words, the philosophical category «environment» reflects the totality of phenomena that directly affect the objects and processes under study. Is it right to qualify it as a philosophical category?

In our deep conviction, yes, it is legal. This is evidenced by the fact: all phenomena of reality (nature, society, consciousness) are in specific environments and experience their influence in the processes of existence, development and functioning. This gives us the right to qualify the category “environment” as a general scientific one. Speaking about

the environment in which a cognizable phenomenon exists, one can be convinced that the environment influences it in a very diverse way. These influences can be divided into three classes: “passively influencing cognizable phenomena, changing their external characteristics of form, phenomenon, properties; actively influencing them and leading to changes in the contents, essences and qualities of the objects of research”¹. Finally, there are environmental phenomena that not only interact with cognizable phenomena, but in certain situations become elements of the latter. The first class of phenomena are conditions. The second class of phenomena are causes. The third class of phenomena is foundations. There is a triad: conditions – reasons – grounds. Of course, these phenomena are in dialectical connections with each other: they interact, mutually penetrate each other, and can change their status, even to the point of mutual transformation. It is clear that only in the interests of science and knowledge do we strictly delimit them. In science there are philosophical categories of the same name that express the essence of the names of classes of phenomena. Everything seems strict and everything is clear. Despite the fact that there is a certain ontological basis for determining the essence of conditions, causes and grounds, in the scientific literature one can find a lot of interesting, contradictory and even subjectively arbitrary understanding of the “conditions”, “reasons” and “grounds” of the categories. Let’s pay attention.

There are conclusions that focus on considering conditions as circumstances, prerequisites that contribute to something. At the same time, they also consider conditions as the basis for the phenomena of processes.

One of the most common positions directs us towards understanding conditions as such “phenomena that are necessary for the occurrence of a given event, but in themselves do not predetermine it”².

¹ Кокорин А. А. Методология научных исследований: учебное пособие. М.: Московский государственный областной университет, 2015. С. 182.

² Данильян О. Г., Тараненко В. М. Философия: учебник. М.: Эксмо, 2005. С. 240.

There are studies that believe that: “Conditions are a set of various factors that contribute to the generation of an effect by a cause, but do not themselves produce an effect”¹.

It is impossible to ignore the position of those authors who identify conditions and causes. In particular, they write: “When any phenomenon occurs, a set of causes operates, which are called conditions” [7, с. 322]. Of course, the phenomena and causes of the phenomenon are functionally of the same order, closely related, and located in dialectical unity. At the same time, in fairness it should be noted: it is hardly legitimate to identify them.

Summarizing the above, we draw the following conclusions: a) the conditions are truly passive, and not active environmental phenomena; b) they are a necessary, but not the main link for the development and functioning of phenomena; c) conditions are necessary for the realization of the possibilities of causes as active environmental phenomena.

We gradually came to the conviction that causes are active conditions that cause changes in the contents, essences and qualities of phenomena. However, an analysis of the literature suggests discrepancies.

Thesis 1: “So, the cause should be interpreted as the interaction of bodies, elements, phenomena, generating a consequence – certain changes in the interacting elements, bodies, phenomena or causing a new phenomenon”². This conclusion is interesting in that it is focused on understanding the nature of the causes that grow from the interaction of phenomena, as well as in that the causes are proposed to be considered as phenomena causing profound changes in the environment, up to the formation of new phenomena. At the same time, the above position seems to be not entirely correct in terms of an unambiguous connection between cause and effect. In real life, not only causes give rise to effects. The latter, as will be shown below, are the result

of the “work” of both causes, conditions, and foundations.

Thesis 2: “Cause is a philosophical category to designate a phenomenon, a process that causes, causes another phenomenon, process”³. Of course, causes are one of the main factors that give rise to other phenomena, but they are not the only factors. Along with them, as already noted, conditions and grounds work. This position is replicated in works that categorically state: “A cause is the interaction of phenomena, objects, systems, in which one phenomenon (cause) gives rise to another (effect)” [1, с. 17].

Thesis 3: It is interesting because its authors connect the actions of causes to generate effects with certain conditions. Let us present this conclusion in a literal version: “When one phenomenon, under certain conditions, modifies or gives rise to another phenomenon, the first acts as a cause, the second as a consequence”⁴. This provision is, of course, more specific in terms of understanding the essence of the consequences.

Along with conditions and causes, there are phenomena that in certain situations become elements of cognizable phenomena. Such phenomena are the grounds for their development, forming the ontological basis of the philosophical category “foundation”. Reflecting on the essence of the latter, resorting to the analysis of scientific literature, it is not difficult to notice the following.

Firstly, the named category does not appear on the pages of literature as often as it should. At the same time, there are sources that quite specifically reflect the attitude towards its content.

Secondly, there are sources that offer definitions of the category «base». In particular: “The basis, ... the reason for something, the main thing on which something is built, something is created, that which leaves the core, the core is the starting material for the formation of something...” [3, с. 216]. Fourthly, there are

¹ Философия: учебное пособие / под ред. В. П. Кохановского. Ростов н/Д.: Феникс, 2001. С. 286.

² Философия: учебное пособие / под ред. З. Т. Фокиной. М.: Вузовская книга, 2012. С. 320.

³ Данильян О. Г., Тараненко В. М. Философия: учебник. М.: Эксмо, 2005. С. 500.

⁴ Философия: учебное пособие / под ред. В. П. Кохановского. Ростов н/Д.: Феникс, 2001. С. 282.

interpretations of the foundations of phenomena through properties. In particular, one can come across the statement that the basis of phenomena is certain properties, signs or relationships that make their occurrence possible.

Fifthly, it seems to us that the categories “substance” and “substrate” have been unjustifiably forgotten, which actually reflect the essence of the foundations, the fundamental principles of everything that exists. In essence, they are the historical and philosophical determinant of the category “foundation”. The latter takes its place in the triad: conditions – causes – grounds. Thus, the category “foundation” reflects the totality of phenomena on the basis of which phenomena are formed and developed. In essence, the triad conditions – causes – grounds forms the process of determining the existence of phenomena. Determinism is a phenomenon that connects, integrates conditions, causes and foundations.

The integration of conditions, causes and reasons occurs differently in different situations. This gives us the right to talk about different ways of connecting them. These differing methods are directly related to determining the essence of such philosophical categories as “necessity”, “randomness”, and “nature of the phenomenon”.

How do modern authors speak about the category “necessity”?

Firstly, all authors, without exception, rightly believe that necessities “grow” and are formed as a result of connections between phenomena. This conclusion will be confirmed by virtually all the provisions that will be given in this work.

Secondly, there is a point of view, the essence of which boils down to the following: “Necessity is a philosophical category that expresses the objective connections of the material world” [3, с. 217]. As can be seen in this edition, necessity is associated exclusively with material phenomena. If we accept this position as true, then the category “necessity” cannot be qualified as philosophical. The realities of life convince us that the necessary processes take place both in the material and in the spiritual world.

Thirdly, the most widely and widely expressed point of view in the scientific literature is that necessities are associated with internal laws, structure, and order. In a categorical edition, this position is presented as follows: “Necessity is such a development of phenomena that inevitably follows from the internal, essential properties and relationships of these phenomena” [9]. There is hardly any sufficient reason to associate necessity exclusively with the internal characteristics of phenomena. Without much difficulty one can be convinced that they arise as a result of an organic combination of both internal and external parameters of phenomena.

Synthesizing the content of the above premises with the essence of the real processes of existence, we can summarize: “a) necessities are specific types of combination of conditions, causes and grounds, and not just causes; b) necessities are types of connections not only of internal conditions, causes and grounds, but also external ones; c) necessity – actually operating mechanisms of existence, necessarily realized in the course of the emergence, development and functioning of phenomena; d) necessity and chance coincide, in many respects, in their content, being certain ways of connecting conditions, causes and grounds, but they differ radically in their functional orientation. It is possible to understand these differences only after the nature and essence of chance is determined”¹.

However, it is necessary to formulate a definition of the category “necessity”. It reflects the conditions, causes and grounds, connected in a certain way, creating the basis for the mandatory occurrence, development and specific functioning of phenomena.

Now let us pay attention to the main approach to the essence of randomness in the works of modern researchers: “randomness are connections between phenomena determined by secondary, unimportant factors”². Or: “randomness is something that is deter-

¹ Кокорин А. А. Методология научных исследований: учебное пособие. М.: Московский государственный областной университет, 2015. С. 181.

² Бучило А. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2021. С. 117.

mined not by an essence, but by a phenomenon, not by the general laws of the functioning and development of objects, but by individual factors, as a result of which an event may or may not occur" [5; 8]. As follows from the text, it is in many ways consonant with the previous position. True, it expresses even more deeply the statement that randomness are the product of the influence of single factors on phenomena.

Without going into other details of points of view existing in the literature, we will offer our vision of the essence of the philosophical category «randomness». Firstly, in our opinion, all phenomena of reality are a product of the action of necessities. Secondly, necessities differ significantly from each other, since they are formed as connections of different conditions, causes and grounds. Third, accidents are a product of the interactions of necessities.

Thus, the category "randomness" reflects an unexpected result that arises as a result of a collision of needs, changing the direction of development of phenomena in a certain subject area. This result is evidence of the "victory" of a "stronger" need over a "weaker" one.

When discussing the essence of philosophical categories, one cannot ignore the category "nature of a phenomenon". It is philosophical, since all phenomena of existence, without exception, have their own genesis. Natural phenomena, social phenomena and phenomena, human consciousness have genetic determination. It is this fact that allows us to consider this category as a general scientific one.

It is not difficult to understand that the phenomena of reality are formed as a result of the action of certain conditions, causes and foundations connected in certain ways. The latter form necessary and random processes. Their struggle ultimately leads to the emergence of certain phenomena. It would be a mistake to ignore these processes and not reflect them in the content of the philosophical category "nature of a phenomenon".

Facts suggest that every process and phenomenon arise because of the interaction of necessities and accidents. This picture can be presented as follows. Having arisen because of necessities, accidents begin to have a reverse

effect on the necessities that gave rise to them, with which they are in a state of struggle, since they are opposite to them. Based on this contradictory struggle between necessities and accidents, those necessities that are destined to "survive" are formed; it is they who play the role of shaping this or that phenomenon. Such needs are different from all others. They are universal in nature and shape phenomena. This is the necessity of necessities. It is legitimate to give this specific type of need its own «name». This is the nature of the phenomenon.

Ultimately, we come to the conclusion that the "nature of a phenomenon" is a philosophical category that reflects necessity (i. e., the connection of conditions, causes, grounds), which plays a major, fundamental role in the formation and emergence of a particular phenomenon. In modern science, there are discussions about the content of the philosophical category "possibility". There are many judgments in which this category is reflected in its own way.

Thus, possibility, and this is fair, qualifies as potential being. In some cases, it is presented not only as the potential existence of phenomena, but also as a tendency for the development of existing existence.

But there are researchers who, along with the above-mentioned signs of possibilities, see in them the prerequisites for the future state of phenomena. Let's not be unfounded, we will give one of the conclusions in this regard: "Possibility is the existence of a new thing in its potential state, it is an objective tendency of the formation of an object, a prerequisite for its future state"¹.

An additional signal regarding the essence of possibilities is given by authors who in their works consider the possible and the impossible as proto-possibles. In this regard, the following conclusion should be given: "The impossible is something that does not correspond to the objective laws of the functioning and development of objects and cannot appear in a given system" [7, с. 325]. In our deep conviction, the main signs of the possible are: a) possibility is an event in potential; b) the

¹ Тарасов Ю. Н. Философия: учебное пособие. М.: МПСИ: МОДЭК, 2006. С. 469.

possibility is organically connected with the trends in the development of phenomena; c) these trends are based on objective laws; d) possibility – a necessary process of occurrence of phenomena; e) possibility is the opposite of impossibility.

In a word, possibility is the existence of phenomena in its potential form, based on an objective, necessary basis. The latter, again, is formed by interrelated conditions, causes and grounds. The realized possibility turns into reality.

In philosophy there is a category of the same name, which is not always clearly interpreted. There are nuances in the interpretations that you should pay attention to. At the same time, we note: the essence of the category “reality” has already been discussed in one of the previous articles. It was considered in the context of its relationship with the categories “being” and “existence”. Here it will be presented in a slightly different context – in relation to the category “opportunity”. However, this will not be the basis for radical changes in the understanding of its content.

Firstly, there is an opinion that reality is the actual existence of something¹. It is obvious that in this context the category “reality” is interpreted through the concept of “existence”.

Secondly, the priority and most widespread is the presentation of reality as a realized possibility.

Thirdly, in the scientific literature one can find the statement that reality is the existence of beings. In other words, in this premise reality is presented as the existence of the essence of phenomena. It seems to us that this conclusion is important because it focuses attention on the ontological basis of reality.

Fourthly, there are researchers who tend to believe that the concept of “reality” is used in the sense of the completeness of the manifestation of some quality. Obviously, such an approach is focused on searching for connections between reality and the quality of phenomena and processes of existence.

Fifthly, it is considered fair that reality is understood as the actual existence of phenomena.

What conclusions can be drawn by analyzing the above?

1. It is obvious that there is no complete unity in the interpretation of the essence of the category “reality”.

2. Unjustified confusion of the contents of the categories “being”, “existence”, “reality” is allowed.

3. It is clearly not enough (although fair) to interpret reality as a realized possibility.

4. There is a basis for understanding reality as a reality that connects essential and inessential features of phenomena.

General conclusion: nevertheless, the most accurate authors are those who place reality above the being and existence of phenomena because it is nothing more than a manifestation of the essential features of phenomena. Thus, “reality” is a philosophical category that reflects the external manifestations of the essential features of actually existing phenomena.

Conclusion

Thus, on the basis of philosophical methodology, we examined in detail the content of some general scientific (philosophical) categories “form”, “phenomenon”, “property”, “function”, “character” (that is, categories that reflect the essence of the ways in which internal signs of phenomena are manifested in the environment), as well as “environment”, “condition”, “cause”, “ground”, “consequence”, “necessity”, “randomness”, “nature of the phenomenon”, “possibility” (categories reflecting the impact of the environment on the phenomenon under study) and give them a modern definition. In the future, we will consider the content and logical relationship of the categories “separate”, “single”, “special”, “universal”, “identity”, “difference”, “opposite”, “contradiction”, “struggle”.

Статья поступила в редакцию 14.08.2023.

¹ Большой толковый словарь русских существительных / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс, 2008. С. 302.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельская Н. О., Орлова И. И. Философские категории как методологический базис научных исследований // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов VI Международной научной конференции, Москва, 25 ноября 2022 г. М.: Сам Полиграфист, 2022. С. 16–27.
2. Горбунов А. С., Мирошкин М. С. Методологические проблемы научных исследований: к вопросу о функциях науки // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции, Москва, 25 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 106–116.
3. Колесниченко Ю. В. Методологический инструментарий научного исследования: способы и подходы // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции, Москва, 25 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 215–222.
4. Колесниченко Ю. В., Архангельская Н. О. Неоклассика как этап развития науки // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов VI Международной научной конференции, Москва, 25 ноября 2022 г. М.: Сам Полиграфист, 2022. С. 166–175.
5. Концепция модернизации системы дополнительного профессионального педагогического образования Новосибирской области / В. Я. Синенко, И. Л. Беленок, А. Н. Величко, М. Г. Волчек // Сибирский учитель. 2011. № 4 (77). С. 22–28.
6. Майкова В. П., Горбунов В. С., Наместникова И. В. Системный подход как основа научной методологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 148–158.
7. Песоцкий В. А., Колесниченко Ю. В. Исследование и его роль в научном познании // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции, Москва, 25 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 322–332.
8. Синенко В. Я. Современная модель повышения квалификации работников образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2009. № 1 (1). С. 91–93.
9. Development of Competitive Relations in the Russian Market of Educational Services / E. Y. Ivinskaya, A. A. Nikitin, A. S. Markovichev, A. Z. Zhafyarov, O. A. Milinis, G. N. Zhukov, V. Y. Sinenko, I. A. Mavrina // International Review of Management and Marketing. 2016. Т. 6. № 1. С. 65–69.

REFERENCES

1. Arhangel'skaya N. O., Orlova I. I. [Philosophical Categories as a Methodological Basis for Scientific Research]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 25 noyabrya 2022 g.* [Philosophical and Methodological Problems of Research of Russian Society: Collection of Proceedings of the VI International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2022]. Moscow, Sam Poligrafist Publ., 2022, pp. 16–27.
2. Gorbunov A. S., Miroshkin M. S. [Philosophical Categories as a Methodological Basis for Scientific Research]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 25 noyabrya 2021 g.* [Philosophical and Methodological Problems of Research of Russian Society: Collection of Proceedings of the V International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2021]. Moscow, Russian University of Transport (MIIT) Publ., 2022, pp. 106–116.
3. Kolesnichenko Yu. V. [Methodological Tools for Scientific Research: Methods and Approaches]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 25 noyabrya 2021 g.* [Philosophical and Methodological Problems of Research of Russian Society: Collection of Proceedings of the V International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2021]. Moscow, Russian University of Transport (MIIT) Publ., 2022, pp. 215–222.
4. Kolesnichenko Yu. V., Arhangel'skaya N. O. [Neoclassicism as a Stage in the Development of Science]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 25 noyabrya 2022 g.* [Philosophical

- and Methodological Problems of Research of Russian Society: Collection of Proceedings of the VI International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2022]. Moscow, Sam Poligrafist Publ., 2022, pp. 166–175.
5. Sinenko V. Ya., Belenok I. L., Velichko A. N., Volchek N. G. [The Concept of Modernization of the System of Additional Professional Pedagogical Education in the Novosibirsk Region]. In: *Sibirskij učitel'* [Siberian Teacher], 2011, no. 4 (77), pp. 22–28.
 6. Maykova V. P., Gorbunov V. S., Namestnikova I. V. [Systematic Approach as a Basis for Scientific Methodology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2019, no. 1, pp. 148–158.
 7. Pesocky V. A., Kolesnichenko Yu. V. [Research and Its Role in Scientific Knowledge]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 25 noyabrya 2021 g.* [Philosophical and Methodological Problems of Research of Russian Society: Collection of Proceedings of the V International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2021]. Moscow, Russian University of Transport (MIIT) Publ., 2022, pp. 322–332.
 8. Sinenko V. Ya. [Present-Day Model of Skills Level Improvement of Educational Personnel]. In: *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom* [Professional Education in Russia and Abroad], 2009, no. 1 (1), pp. 91–93.
 9. Ivinskaya E. Yu., Nikitin A. A., Markovichev A. S., Zhafyarov A. Z., Milinis O. A., Zhukov G. N., Sinenko N. Yu., Mavrina I. A. Development of Competitive Relations in the Russian Market of Educational Services. In: *International Review of Management and Marketing*, 2016, vol. 6, no. 1, pp. 65–69.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yana V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department, Department of Philosophy, State University of Education.

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Sergey V. Burenkov – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy, State University of Education;

e-mail: sergeivburenkov@gmail.com

Danijela Kostadinovic – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Faculty of Philosophy, University of Niš (The Republic of Serbia);

e-mail: danijela.kosladinovic@filfak.ni.ac.rs

Vasily L. Kurabtsev – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Faculty of Humanities, HSE University;

e-mail: kurabtsev@mail.ru

Victor P. Berkut – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department of Humanities, The Military academy of Strategic rocket troops after Peter the Great;

e-mail: v_berkut@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Государственного университета просвещения;

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Буренков Сергей Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Государственного университета просвещения;

e-mail: sergeivburenkov@gmail.com

Костадинович Даниэла – доктор филологических наук, доцент факультета философии Университета Ниша (Республика Сербия);

e-mail: danijela.kosladinovic@filfak.ni.ac.rs

Курабцев Василий Леонидович – доктор философских наук, доцент, профессор факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

e-mail: kurabtsev@mail.ru

Беркут Виктор Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого;
e-mail: v_berkut@mail.ru

FOR CITATION

Bondareva Ya. V., Burenkov S. V., Kostadinovich D., Kurabtsev V. L., Berkut V. P. Generally Recognized Scientific Categories as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part III. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 4, pp. 6–18.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-6-18

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Generally Recognized Scientific Categories as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part III / Я. В. Бондарева, С. В. Буренков, Д. Костадинович, В. Л. Курабцев, В. П. Беркут // *Современные философские исследования*. 2023. № 4. С. 6–18.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-6-18

УДК 13

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-19-35

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА: УСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛЯ СМЫСЛА. СТАТЬЯ II

Ильин В. В.¹, Кокоева И. А.¹, Родин П. Н.¹, Шимко А. В.¹, Яловенко Я. В.²

¹ Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, Калужский филиал
248000, г. Калуга, ул. Баженова, д. 2, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Эксплицировать существо установления смысла в герменевтической процедуре.

Процедура и методы. Соотносительные техники коррелирования образно-выразительных контекстов с релевантными информационными полями.

Результаты. Показано: содержательное наполнение абстракций осуществляется проекцией информационно-образного измерения мысли на предметно-вещные реалии с использованием специфических приёмов – атрибуции; предикации; эссенциализации; реификации; дескрипции; характеристики; интерпретации; моделирования; онтологизации; операционализации; объективации; верификации; остенсиализации и др.

Теоретическая и/или практическая значимость. Критико-аналитическое исследование производимых продуктивным расширяющим синтезом инноваций подводит к необходимости учёта их внутренней архитектуры (конституция, конфигурация, композиция и проч.) в качестве маркера познавательной состоятельности.

Ключевые слова: значение, интерпретация, понимание, смысл, текст

SEMANTIC PROCEDURE: ESTABLISHING THE FIELD OF MEANING. ARTICLE II

V. Ilyin¹, I. Kokoeva¹, P. Rodin¹, A. Shimko¹, Ya. Yalovenko²

¹ State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

² Moscow State Technical University named after N. E. Bauman (Kaluga branch)
ul. Bazhenova 2, Kaluga 248000, Russian Federation

Abstract

Aim. To explicate the essence of establishing meaning in a hermeneutic procedure.

Methodology. Correlative techniques for correlating figurative and expressive contexts with relevant information fields were applied in the research.

Results. It is shown that the meaningful filling of abstractions is carried out by the projection of the information-figurative dimension of thought on the subject-matter realities using specific techniques: attribution; predication; essentialization; reification; description; characterization; interpretation; modeling; ontologization; operationalization; objectification; verification; ostensitization, etc.

Research implications. A critical and analytical study of innovations produced by a productive expanding synthesis leads to the need to consider their internal architecture (constitution, configuration, composition, etc.) as a marker of cognitive viability.

Keywords: meaning, interpretation, understanding, sense, text

Введение

Смысл – содержание утверждений, пространство мысленных достояний; в более приземлённой формулировке – множество признаков, относимых к именам. В процедурном аспекте конституируется специфическими техниками, изучаемыми аппаратом лингвистической, логической, философской (гносеологической) семантики. Рассмотрим их по возможности более тщательно.

Лингвистическая семантика

Лингвистическая семантика устанавливает смысл по знаковой оболочке выражаемого – характеру языковой фиксации идей, изобразительно-выразительному оформлению мыслей. Инструментами наполнения высказываний лингвистическим смыслом служат отработанные принципы идентификации компонентов объективации мыслительного материала через язык в отнесении к релевантным разрядам.

Язык как деятельность (коммуникация): фонологический, артикуляционный, интонационно-мелодический, аффектационный, эмфатический, эмотивный, поведенческий – ситуационный – фон излагаемого с отношением к происходящему в разных системах квалификаций и уяснений по способам репрезентации (языковая, речевая подача), ориентации (отнесение к целям), фасцинации (отнесение к ценностям).

Язык как продукт деятельности (текст):

– морфологический пласт: характер словообразования, изменения (статус префиксальных, суффиксальных, флективных, служебных групп и т. д.);

– синтаксический пласт: характер словосочетаний, композиции предложений;

– лексический пласт: характер изъяснения (узуальность – окказиональность, экспрессивность; использование профессионализмов, диалектизмов, арготизмов, жаргонизмов);

– грамматический пласт: характер языкового оформления (статусность частей речи; словооформительное маневрирование; типы опредмечивания, олицетворения и т. д.);

– стилистический пласт: характер выражения, фразировки (словотворчество; идиоматика, фразеологистика; апелляция к бытовизму, паремологическому, афористическому материалу, тропному слогу; ритмика; выстраивание стереобата «собственного голоса» (Н. С. Лесков) и т. д.)

По всему видно: лингвистическая семантика изучает правила языковой объективации мыслей вне их проекции на предметные реалии; интерес её занят способом выразительно-изобразительного представления.

Так, по семантике словоформ «мать – дочь» устанавливается: всякая мать была дочерью; не всякая дочь способна быть матерью. Утверждение: «мать “Х” (где “Х” – имя собственное, относящееся к конкретному лицу женского пола) не имеет дочери» по аналитической противоречивости ложно. Утверждение «мать “Х” (с той же атрибутикой) имеет дочь» на том же (тавтологическом) резоне истинно.

Сложнее с эпизодом коллизионного тезиса «король современной Франции лыс». Прямолинейная «текстовая» оценка влечёт однозначный вердикт: правильно построенное высказывание. Контекстуальная оценка влечёт уточнённое: как следует из принимаемого во внимание изложения, «король» – суть посаженный на воровском сходке лысый предводитель каморры – южно-итальянской местности по имени «Франция»; заявленный тезис истинен. Сверхтекстовая, законтекстная оценка влечёт альтернативный вердикт: отнесение к знаниям о мире – экстралингвистическим реалиям – исключает возможность наличия в западноевропейском государстве – Франции – с республиканской формой правления, возглавляемом президентом, монаршей особы; заявленный тезис ложен.

Ещё сложнее выглядит дело в диспозиции лингвистически опосредуемого мыслетока в разных этноязыковых обществах. Строй языка навязывает правила концептуализации мира, формирует некую генеральную картину космоса, сцепленную с месторазвитием, которая не обладает чертами прозрачности, универсальности [7].

Коллизия выглядит едва не головоломкой в проекции рассуждений на культурно-историческую подкладку мыследеятельности. Здесь в пору говорить о релятивизации уже не только этнолингвистической, но и национально-антропологической. Избегая пространности аргументирования, сошлёмся лишь на диверсифицированность категориальных дихотомий:

– «космос – хаос» в европейском ареале: по Г. Д. Гачеву, стройность мира во французском менталитете суть эффект баланса стихий, слаженности контрастирующего; для немецкого же менталитета естественно представлять не хаос вначале и космос потом, но сразу космос, план, целесообразность, строй как исконные [4, с. 65];

– «белое – чёрное»: в западной и восточной частях ойкумены цветовая оппозиция имеет диаметрально противоположное смысловое наполнение.

Было бы свехупрощением полагать, будто обозначенные нюансы версифицируются лингво-семантически.

Логическая семантика

Сходно с лингвистической логическая семантика трактует смысл по форме, характеру языковых выражений. Более конкретно – с позиций правил приписания значений переменным (системы интенциональной логики – Монтегю, Крессвел, Кокчнарелла, Галлин, Томасон, Доуги, Руж, Купер и др.; системы семантики возможных миров – Кангер, Джонсон, Тарский, Хинтикка, Мередит, Прайор, Крипке и др.). Центрируется его величество «знаковое выражение», позволяющее выстраивать системы представления смыслов ресурсами интенционального языка (с формальным синтаксисом и формальной же семантикой), анализируемого аппаратом семантической теории категорий (Лесневский, Айдукевич, Котарбиньский и др.), апеллирующей к объектам в возможных мирах.

Проблема – какие сущности, онтологические присутствия осваиваются формальным языком – решается его понятийной сеткой. В построениях Фреге-Рассела кате-

гориальным ядром оказываются «имена» (собственные, индивидов), «высказывания». В построениях Лесневского категориальным ядром пребывают «общие имена» (в языках Фреге-Расселовского типа общие имена выступают одноместными предикатами). Общую (четырёх-разрядную) типологию языков с использованием теории семантических категорий предлагает Тарский.

Для наших целей архиважно подчеркнуть: во всех данных далеко идущих мероприятиях материей анализа являются синтаксически когерентные формулы языка и их самоотносительная (на базе истинностных значений) интерпретация. (Ламбек выстраивал исчисление категорий как сугубо синтаксическую теорию; по аналогичным лекалам организовывались позднейшие вариации – конструкции Дочена, Эмса, Моррили, Морггата и др. Прецеденты организации «чистых» систем категорий по типу гегелевской в философии являли образчик банальной логомахии – Шептулин, Оруджев, Абдильдин и др.).

Логический подход к экспликации и фиксации «смысла» руководится высказанным Фреге весьма жёстким требованием: «В совершенной совокупности знаков (! – авт.) каждому выражению должен соответствовать лишь один определённый смысл...» [16, с. 27]. Трезво оценивая перипетии воплощения начала интенциональной однозначности в логической технике, правильно выдвинуть крайне осторожное суждение: ввиду необозримости вариантов соотнесения с конкретными именами конкретных смыслов, равно как невозможности полной и окончательной формализации данной процедуры (в первую очередь, где референция «сильно» влияет на смысл, а также – персонально значимых, личностно детерминированных точках соотнесения, индивидуальных уплотнениях, психологических, прагматических сгущениях) не удаётся выработать достаточно богатую исчислительную тактику логической реконструкции «смысла», не подменяемого «интенционалом».

Философская семантика

Лелеемое толкование «смысла» философской семантикой – претендующая на сущностное воспроизведение реалий идейно-содержательная конденсация, обособливающая когнитивные данности по признаковым концентратам: смысл суть что-тость вещей, полагаемая мыслью.

Если пользоваться математической лексикой, «смысл» есть образный компакт, по тесноте соединения видо-отличительных (различительных) групп, обладающий свойствами:

– замкнутости: включение всех своих предельных точек;

– ограниченности: на множестве смыслов E имеется фиксированный смысл M , такой, что для всякого $x \in E$ выполняется неравенство $|f(x)| < M$.

В статусном отношении смысловая функция – образная. Типологическая развёртка образного отношения к миру дана ранее [7]. Здесь утрируем статусное несовпадение образности как воспроизводительной (1) и вообразительной (2) формы [9].

(1) Воспроизводительная образность – конкретно-чувственная, визуализированная, эстетическая, получаемая мимезисом форма, технологически визируемая экфразисом – репродуктивно-материальным воссозданием.

(2) Вообразительная образность – абстрактно-мысленная, концептуализированная, ноэтическая, получаемая поэзисом форма, технологически визируемая эйдезисом – продуктивно-идеальным созданием.

Изделия (1) в качестве коррелятов имеют перцептивно данные конкретные; изделия (2) в качестве коррелятов имеют апперцептивно данные абстракты. Одни непосредственны – так или иначе сцепляемы с наглядно-созерцательным планом; другие – опосредствованы, так или иначе с таковым планом не сцепляемы (провальная кантовско-гуссерлевская фантазмагория категориального созерцания).

Поскольку (1) – безотносительны, тогда как (2) – относительны, задача обретения

«смысла» получает очертания трёхзвенной конфигурации.

(А) обследование (1) живым созерцанием с прямым выявлением содержания образно-аналоговой репрезентации.

(В) редукция (2) к (1) с нахождением адекватных репрезентирующих трансляций-корреспонденций.

(С) самостийное критико-аналитическое движение в (2) с сосредоточением мысли на его идее.

Характеризовать указанные гносеологические стратегии – дело трудное, громоздкое, в особенности принимая во внимание экстенсивно-ограниченный масштаб выполняемой работы; интенсивно – отсутствие в предмете исследования ясности ранней весны. От исторического многообразия, идейной несосредоточенности защищает кристаллизация понимания «зачем», укрощающая производимого веками необозримого «как».

Избирая указанную стратегию реагирования на безбрежный массив фактического в качестве безупречной, сжато выскажемся об (А–С); наши оценочные суждения коротко сводятся к следующему.

(А) Пафос платформы передаётся установлением некоего монолита Tatbestand, предусматривающего удостоверение мысленного вещным; ipso facto вводится эквиваленция – бинарное отношение (конгруэнция, подобие, изоморфизм, равномощность и т. п.), – отобразительно элементы смыслового множества по операции совпадения отождествляются с элементами предметного множества. Смыслы реифицируются.

Если брать элементарные лингвистические ситуации, с фонологической точки зрения слова «звучат» – произносятся тоном, а потому – «значат»; тон репрезентирует смысл. Ввиду прямых уловлений в речепроизводстве присутствия мягких / жёстких, громких / тихих, сильных / слабых, плавных / порывистых и т. п. звуков вплоть до криков, стонаний («плач Иереми») производится квалификация существа организации речи в диапазоне: безмятежность – отчаяние, радость –

горе, удовлетворение – негодование и т. д. В простейших случаях «смысл» доподлинно сводим к каким-то базовым ситуативно прозрачным приметам, если угодно, «семантическим примитивам». Но не всегда, не везде, не во всем.

Доктринально невозможно выполнить некую всеохватывающую звукопись, находя эквиваленцию в проекции множества звуков на множество языковых смыслов. Стихия языка не поглощается стихией звука. Тем более, беря в расчёт аспекты имитации, альтернатики, аллюзии, стилизации, этниции (в силу которой, скажем, «идиллия» лишена национально элемента, ибо «слащавость» чужда русскому характеру¹) и др.

Если брать элементарные логические ситуации, имеется соблазн выстраивать рассуждения на весьма простых допущениях, воспринимаемых в «любое время» [12, с. 282–283] через призму здравого смысла.

С высот современности линия неких «заговорных» формулировок критики не выдерживает. Сошлёмся лишь на расшатывающую позиции здравого смысла аксиому выбора, имеющую негативный (антиномичный) фон аксиому свёртывания (выводимую в актуальном виде из состава основоположений в оформленной Цермело аксиоматической теории множеств – Z).

Аналогичный соблазн просматривается же в элементарных ситуациях экстенциональной замены. Преткновение в том, что правила замены равных действуют в тривиальных случаях полноценной языковой фиксации фактов. При адресации к смыслодержимым контекстам, зависимым от внеязыковых факторов, отождествление по экстенциональным показателям (с соблюдением равнообразности) невозможно: вмешиваются управляемые референцией связи («фон» личности – модальности, эпистемы, доксы, пересказы и т. д.)

Экстенциональные системы логики стройнее, но беднее интенциональных;

¹ Аксаков С. Т. Воспоминания // Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1955. С. 121.

интенции на «изящность – обильность» в качестве локомоции деятельности регулируют бимодальное распределение исканий с тайной потугой добиться-таки замены смысловых значений предметными.

Устойчивое стремление замкнуть смысловые данности на наглядные предметные их корреляты – платформа Tatbestand, – словно вспышка света, озаряет философские семантические штудии, воплощается в пёстрый спектр уже охарактеризованных техник lux in tenebris:

- протоколы наблюдения, операциональные определения;
- бездоказательные «прозрачные» допущения (аксиомы, постулаты);
- ясновидческие узрения сущностей.

Не растекаясь мыслью по древу, отдадим дань гипнозу принципа «прозрачных практик», эксплуатация которого игнорирует очевидности. В науке, как жизни, достойное возвеличения девальвируется, денонсируется, демонтируется. Деструктивная линия данных «трёх Д» находит изящное поэтическое выражение:

Уходит вдаль с веками
То, что радовало взгляд².

Евклидова геометрия, ньютонова физика, канторова теория множеств, гильбертова программа формализации...

Уходит в никуда и то, что, казалось бы, никогда туда не может, не должно уходить. Чудесный миг озарения причастием счастью, – и тот эфемерен!

Вспомним экзистенциальный апофеоз ставшего пилигримом Фауста:

И это торжество предвосхищая,
Я высший миг сейчас переживаю.
В предчувствии минуты дивной той
Я высший миг теперь вкушаю свой³.

² Гёте И. В. Фауст. Часть 54 / пер. Б. Пастернака // WorldArt: [сайт]. URL: http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=4538&public_page=54 (дата обращения: 10.08.2023).

³ Гёте И. В. Фауст. Часть 56 / пер. Б. Пастернака // WorldArt: [сайт]. URL: http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=4538&public_page=56 (дата обращения: 10.08.2023).

Высший миг, вкушаемый... на краю уже готовой могильной бездны?! Горчайшая досада! Разочарование!! Так – в жизни.

А в науке? Не обижает ли правда неразрешимости, невыполнимости, недожности, нераспознаваемости, нераспределенности, неперечисляемости, неалгоритмизируемости, несходности, непараметризируемости, невычислимости, неопределённости, неуточнённой, некорректности? Не дезориентирует ли неумная требовательность к чёткости, стройности, строгости, однозначности, доказательности, ясности? Как быть с «континуумом», «тёмной материей», «трансцендентностью», «целесообразной организацией мира»?

Рельефно просвечиваемые контуры метатеоретической установки на прецизионность вполне понятны: апелляция к Tatbestand (в многогранных ветвлениях-переливах, модификациях-деривациях) нацелена на отсеивание фикций, оперативно обслуживает процедуру демаркации: разобщение науки – ненауки идёт по демонстративному удостоверению, питаемому участием самоосновных факторов: упрямых фактов, свидетельств здравого смысла, показаний обыденного опыта, адаптивных приёмов действия, эффективных технологий, привязки образов первоначальных понятий к свойствам, отношениям, взаимодействиям тел.

«Понятие» от «предмета» дистанцируется отвлечением – выправлением, выхолащиванием первичных, естественных, объективных качеств. Возникают смысло-несущие образосодержащие кальки.

Удаление из конкретных связей действительности «протяжения» с целью автономного освоения «размерности» формобразует геометрическое понятие «фигура»; позднейшие витки более мощных удалений-отвлечений обуславливают нарастание абстрагирования, влекут трансформацию «фигуры» в «пространство», «пространства» – в «многообразие». (Соответственная «мировая линия» абстрагирования очевидна в физике: от «тела» – к «материальной точке»; от неё

– к «фазовому пространству»; от него – к «многообразию»).

В случае обострения ностальгии по «настоящему» – «невыдуманному» реальному – снятию вопросов – что такое «воображаемая» (!) геометрия Лобачевского? что такое «гладкое многообразие» Римана, где задано «поле» со «связностью»? – реализуется когнитивный противоход с реставрацией эмпирической генеалогии базовых концептов.

Эпистемологически востребованность, полезность данного типа реконструктивного интеллектуального движения связана с развенчанием пустомыслия; напор спекуляций сдерживается плотной визуальной достоверностью. Иного не дано. В отсутствии проскопии спасают широкие, разносторонние возможности наиболее наглядных (хотя и неабсолютных – казус геоцентризма) способов поддержки идей; сведением образного к осязаемому, ментального к материальному обретается необходимый противовес внутреннему демонизму символотворчества.

«Прежде чем дать человеку крылья», искусство «ломает ему ноги»¹, – высказывает Чаплин. Воображение, не ломая ног, даёт человеку крылья. Однако же летать, не приземляясь, без остановки нельзя. Нужна опора, – требуются ноги, на которых можно стоять, выстаивать, разогнаться, чтобы затем – летать. Продуктивная способность самостийного «Я» (по расширяющему синтезу) производить представления из собственного самодвижения – редчайший божественный дар творчества; насколько же продуцируемые им порождения весомы, глубоки, состоятельны, – оперативно решается отсеиванием нелепых предположений в документальном подкреплении – в первую очередь сведением абстрактов и конкретам, интенционалов к экстенционалам, сем (семем) к реалемам, концептов к денотатам, смыслов к значениям.

¹ Чаплин Ч. Письмо Чарли Чаплина дочери Джеральдине // Дилетант: [сайт]. URL: <https://diletant.media/articles/35044008> (дата обращения: 10.08.2023).

(В) По неспособности подвести под смысловые креации более или менее надёжную «документальную» базу Tatbestand пользуются редукцией «вообразительного» к «воспроизводительному», прибегая к двоякого рода трансмиссиям (без участия не приспособленной к таким предприятиям логической семантики).

а) Первый тип трансмиссии лучше всего передаётся синтагматической линейкой: держать в поле интеллектуального зрения; не терять из виду; усматривать; обнаруживать; устанавливать; узреть; освободить от покровов; обнажать; делать явным; раскрывать; разоблачать; показывать в истинном свете; сообщать открытость. Речь не о мистических исступительных техниках, не о впадении в экстаз (который Тиллих толковал как стояние вне себя); речь о типе интеллектуального созерцания, позволяющего в едином различать многое, упаковывая фрагментированное в цельную синкретичную картину.

Инструментально характеризуемое созерцание – специфичный герменевтический акт, свёрнутая интерпретация, крепящаяся на приёмах освоения антропоморфизируемой реальности в лице партиципации, синхронии, эмпатии, мультипликации и др.¹ и в качестве паушального эффекта влекущая «живое откровение». Как в посвящённых рукам Жанны-Мари строках Рембо:

Они в дугу сгибают спины,
Они добры, как светоч дня,
Они фатальнее машины,
Сильнее дикого коня².

Интригующее чувственно-сверхчувственное «видение» «верхних конечностей», запечатлевающее восторженный тёплый, искренний след, оставляемый в душе переживаемым.

¹ См.: Ильин В. В. Философия: учебник. М.: Проспект, 2019. 400 с.

² Рембо А. Руки Жанн-Мари // Мир поэзии: [сайт]. URL: <http://mirpoezylit.ru/books/5881/28> (дата обращения: 10.08.2023).

Момент интимно-исповедальной подлинности герменевтического (не экзальтированного) акта отработывает гносеология, вводящая установление истины (присущности существу) по «усмотрению» (в редакции: окинуть взором, обследовать) – упоительным техникам «интроскопии» (Лейбниц); «фанероскопии» (Пирс); «чистого», «абсолютного» «переживания» (Гуссерль); «трансрационального» (Франк); «симпатического понимания» (Шпет) и др.

На смену холодной отчуждённости вещиности идёт горячая вовлечённость абсолютной субъективности, пробивание к которой, настаивал Гуссерль, конституирует «всё сущее в его смысле и значимости» [5, с. 265].

Кант отказывается от тематизации «воображения», полагая его источником выпуска беспредметных, пустых представлений. Гуссерль пытается фундировать продуктивную способность души воспроизведением «логонов» (абсолютной) субъективности. Последнее обслуживает череда редукций, подводящая к чаемому – мыследанному «так-бытию», которое опытным образом (!) интендируется, мыслится [20].

Нет необходимости критически разобрать всесторонне разобранное и раскритикованное. Важно подчеркнуть пафос: из рефлексии представления бытия сознанием имплицитно проясняется прозрачность представляемого сознанием бытия. Пафос отменен: пропитывание абстрактного конкретным, включение отстранённого от сущего в сущее; исполнение негодно: редуцированное к беспредметной трансцендентальности сознание не может быть «сознанием о», модусом существования которого выступает знание (соотносящееся с какой-то предметностью). (На фоне сказанного неубедительны феноменологические тезисы: чистая субъективность обладает (!) миром, придаёт ему «новые обличия» [5, с. 205]; движение в чистой субъективности открывает «совершенно новый вид опытного (! – авт.) познания, мышления, теоретизирования», где философствующий

методолог занимает позицию над (?? – авт.) своим естественным бытием (это – как? – авт.) и над (?? – авт.) естественным миром (это – где? – авт.)» [5, с. 205]. Своей открытой абсурдностью одно исключает другое).

б) Второй тип трансмиссии утрирует единство поискового познавательного строения: способом референциальной модели смысловая реальность (2) отображается в предметной реальности (1). Рабочей машиной является типика форм реификации абстракций, изменяющая модальность значимости. В немногих словах уточним инструменты опредмечивания компонентов духовности – способов иммерсивного перехода от *ens in mente* к *ens per se*.

Для начала подчеркнём: в принципиальном случае при необходимости прояснить смысл в гносеологии руководствуются принципом предметности. (В отличие от логики, руководствующейся принципом «несомненности». В формальном доказательстве количество аргументов отвечает императиву безусловности, – по аксиоме силлогизма $\frac{A \rightarrow X \rightarrow Y \rightarrow \dots \rightarrow Z \rightarrow C}{A \rightarrow C}$. Доказательством «суждения, – отмечает Есенин-Вольпин, – оказывается всякий честный приём, благодаря которому ... суждение становится неоспоримым» [6, с. 91]).

Экспликация смыслового наполнения абстракций в философской семантике производится проекцией информационно-образной базы на вещьную. Подобное действие обслуживают технические приёмы двойного назначения, уточняющие как смысл, так и значение. В первом случае (смысл) поисковая динамика концентрируется в идеальном, во втором случае (значение) – в материальном ареале:

– атрибуция: поле смысла – введение образно-признакового состава (свойств); поле значения – введение вещественно-признакового состава, самого по себе диверсифицированного (существенное / несущественное; собственное / несобственное; случайное / необходимое; отделимое / неотделимое; общее / отличительное и т. п.), но субстанционального;

– предикация: поле смысла – наделение отношениями, выразительно – раз-

несение предметности по признакам (по Аристотелю) – рода (*genus*); вида (*species*); собственной (*proprium*), окказиональной (*accidens*) причастности; плюс (по Порфирию) видоразличия (*differentia*); в элементарных случаях – фиксации двухместных отношений *aRb*, в неэлементарных случаях – функций от *n* переменных; поле значения: наделение имён некоторой области предметной количественно-качественной определённости;

– эссенциализация: поле смысла – выделение идейной существенности; поле значения – выделение вещьной существенности;

– реификация: поле смысла – внедрение идеальных реалий (эйдетических сущностей – воображаемых, виртуальных мнимостей, получаемых в абстракциях отождествления, экстраполяциях, антиципациях, асимптотизациях, идеализациях, генерализациях – фикций (предельные случаи, устремления), своеобразных функционалов познания – отображаемых на себя абстрактных многообразий); поле значения – овеществление, опредмечивание абстракций, проецируемых на комплексы не идеального, но материального царства;

– дескрипция: поле смысла – ментальная фиксация признаковой базы в терминах специальных символических языков; поле значения – визуальная фиксация признаковой базы в терминах факторегистраций, протоколов наблюдения;

– характеристика: поле смысла – информационно-аналоговая экспликация локально значимых отличительных черт; поле значения – процедурная их экспликация;

– интерпретация: поле смысла – наделение формальных выражений (записей, формул, исчислений) образными воплощениями (компоненты теоретической системы *S* сопоставляются с компонентами теоретической системы *S'*, т.е. *S* интерпретируется *S'*: каждому утверждению (формуле *F*) *S* ставится в изоморфное отношение утверждение (формула *F'*) *S'*); поле значения – наделение формальных выражений вещьными воплощениями, в силу чего бинарные отношения *aRb* получают

не образную, но реификационную редактуру;

– моделирование: поле смысла – установление взаимосвязи (нахождение точек соотнесения) языковых выражений описываемым ими структурным отношениям (прецеденты Бельтрами, Клейна, Пуанкаре, демонстрирующие непротиворечивость гиперболической геометрии использованием псевдосферы, внутренних поверхностей круга, шара); поле значения – прямое соотнесение понятий (пространство образов – теории, системы, языковые каркасы) с отображаемыми ими вещами (пространство событий – в казусе геометрии Лобачевского – поверхности постоянной отрицательной кривизны).

Множество приёмов бинарного технологического исполнения дополняет множество приёмов унарного технологического наполнения, заточенных на констигуирование исключительно предметного значения элементов образно-символической сферы. Здесь:

– отологизация: придание бытийственности, перевод представлений в разряд сущностного (незфемерного) сущего (увязывание умопостигаемого с чувственно осязаемым);

– операционализация (инструментализация, метризация): фундаментализация абстракций эмпирически обозримыми техниками их деятельностного опробования, экспериментальными манипуляциями;

– объективация (субстантивация): перевод понятий из образно-символического модуса существования в вещно-природный сущностный модус (трансляция опосредованного в непосредственное – фундамент испытания, доказательства, проверки, удостоверения);

– верификация: эмпирическое выполнение теоретических схем, постулатов, конструкций с целью установления их адекватности ресурсом опытного оправдания (принципиально и потенциально неверифицируемые понятийные комплексы концептуально вирулентры – пусты);

– остенсилизация: радикальное исключение абстракций, лишение их самодовлеющего статуса «самосущего» как неких гипостазированных реалий непосредственной апелляцией к визуализируемому значению смысла (данной в живом созерцании фактуальной эквиваленции); замена идеальных типов материальными прототипами означает введение онтологических заместителей, перевод существования из пространства *in mente* в *in re*.

Всё вместе реализует полезную санацию выпадающих в воображительный произвол концептуализаций, теоретизаций, тематизаций, версификаций, протекающих как ничем не скованные, вольные, безотносительные упражнения интеллекта в самоизобретательстве, стержень которого – волюнтарная, гносеологически самовластная подмена возможного действительным в допущении ничем не оправданного «чистого» существования. По принципу ли свёртывания $\{X/\varphi_x\}$, по формуле ли Баркан (в модальной логике предикатов)

$$\diamond \exists x P(x) \rightarrow \exists x \diamond P(x).$$

(С) Сверхцель (В) – определять и определять мыслеток, уместать его в границы дозволенного. В невозможности трансляции, проекции смыслов на ареал крепких, чётко очерчиваемых значений («внешнее оправдание») довольствуются учётом особенностей доктринации предметной базы под углом зрения уяснения её перспективности, прогрессивности. В лексике Эйнштейна существо такого рефлексивного хода выражается сосредоточением внимания на индикаторах «внутреннего совершенства».

Достоинства теории – устанавливаются ли её самодостоинствами? Многое в мысли (как жизни) измеряется желанием: чем больше концептуально удовлетворённых желаний, тем больше мыслительного восторга; чем больше мыслительного восторга, тем больше счастья; чем больше счастья, тем больше согласия. Со всем, на всё. Даже и на прославление непрославляемого.

На данном основании гносеология требует наделять разум не крыльями – ги-

рями, ставить надёжный заслон бесчинствующей игре ума. Разгулу воображения.

Требование руководства «чистого» разума не случайно. Нужны сдержки, противовесы как предохранения, острастки, предотвращающие от производства бесплодных пустоцветов, пустотелой, пустопорожней, пустяковой, ничтожной мякины.

Как указывалось, схема (В) акцентирует визуализацию. Говоря откровенно, последняя (что выказала непредвзятая оценка тщаний эмпиризма, фактуализма, индуктивизма, ассоцианизма) процедурно сильна, тогда как эвристически слаба. Суть в том, что далеко не все (скорее всего, – большинство) концептуально плодотворные конструкции транслируемы в эмпирию.

Принцип наблюдаемости как демаркационное основание (различение науки / ненауки) хорош, но не всеяден: наука не избавляема от умозрений, сиречь комбинирования «чистыми» отрешённо-отчуждёнными смыслами, не имеющими предметных коррелятов (визуализируемых сущностей). Данный принцип в современном знании играет не столько конституирующую, сколько координирующую роль, проводя линию дополнительности физических облигаторных состояний в зависимости от условий (пространство – сила; координата – импульс; энергия – время) в границах неопределённости: $\Delta p_x \Delta x \geq \hbar$; $\Delta E \Delta t \geq \hbar$.

Как заявлять дар выделения смысловой значимости из результатов, получаемых проявлением воображительной спонтанности, действующей по превосхождению пределов опытно данной природы? Как квалифицировать смысловые доминанты без предметных воплощений?

Уяснением поисковой ценности. Опорная линия здесь – избличение восходов и закатов теоретизирования, не получающего предметного удостоверения.

Предпосылочной канвой последующих рассуждений будет трёхвенная диспозиция.

(1) Отсутствие специфических идеаций (узрение, усмотрение, всматривание, вы-

сматривание), через сверхчувственные (категориальные, эйдетические, наличие коих не удалось обосновать ни Канту, ни Гуссерлю) созерцания наделяющих когнитальные существенности предметными значениями.

(2) Получаемые продуктивным воображением содержания ноэматичны; статусно выступая абстрактными сгустками атрибуций в возможных мирах, не имеют эстетматичных эквивалентов. Так, простейшая «точка» – лишённая размерности эфемерность – не допускает физикалистской, операционалистской визуализации; будучи «идеальным полем», она «мыслима».

(3) Вообразительный, генерируемый в качестве *liberae sunt nostae cogitationes* смысл как таковой не корреспондирует никакому образоподобному. Лексема «образ» (в прочтении и «живое», и «эйдетическое» созерцаемое) в обсуждаемом случае не релевантна; лучше пользоваться лексемой «идейное поле», играющей роль гносеологического функционала (обобщение абдуктивно вводимого отображения произвольной признаковой базы в сопредельные сферы).

Руководствуясь сказанным, подытожим: мыслительной локомоцией в (С) случае выступает имитационное конструирование с эвристическим рычагом: выстраиванием виртуальных реальностей в модусе *als ob*. Технически инновационные идейные поля выполняются сеткой относительно произвольных допущений по принципу сослагания «что, если». Так, пополнение евклидовой плоскости (пространства) бесконечно удалёнными (несобственными) элементами – по обусловливанию (!) – влечёт пересечение в них любых (и параллельных) прямых во вновь образуемом проективном многообразии.

Проективная геометрия – содержательный дериват воображительного (!) расширения, перехода на иной сектор обзора: вследствие обогащения умственного рассмотрения бесконечно удалёнными (не визуализируемыми!) элементами развёртываются проективные преобразования (отображение проективной плоскости

(пространства) в себя), возникают приложени-
я (гомология, центральное проекти-
рование). (Прямая аналогия с ситуацией
в художественном опыте, развязывающем
безусловную – ничем не скованную – сво-
боду переводом мыслетока в модальность
als ob. Вспомним Пушкина:

Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несёт,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждёт?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орёл, тяжёл и страшен,
На черный пенё? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет (! – авт.) закона.
Гордись: таков и ты поэт (творец! – авт.),
И для тебя условий (! – авт.) нет¹.

Закон творчества – мыслительно-вооб-
разительный произвол!

Возможно ли наладить категориальное,
эйдетическое созерцание несобственных то-
чек, прямых, отрицающих параллельность?

Вопрос риторический. Убеждение в на-
личии идеации – разглядывание сущности
умственным взором – нельзя воплотить в
форме гносеологически полноценной точ-
ки зрения. Эйдетическая эссенциальная
«очевидность» – косный теоретико-позна-
вательный идол.

Рефлективная, критико-аналитическая
квалификация креативных имажинаций
проводится исследованием внутренней ар-
хитектуры – конституции, конфигурации,
композиции, оценкой перспективности
модельно-модальных поисковых инициа-
тив. Первенство отдаётся введению компа-
ративов, учитывающих:

1. Строение, соотношение, взаимное
расположение частей в целом с позиций
оптимальности, результативности, дости-
жимости.

¹ Пушкин А. С. Езерский // Александр Пушкин:
[сайт]. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/ezerskij.htm> (дата обращения: 10.08.2023).

В литературе отчётлива тенденция: «из-
ящность при краткости, точности, откры-
тости». Адресуемся к:

– Гийому де Лоррису, Жану де Мёну –
авторам средневекового «Романа о Розе»:

Успех имеет настоящий
Её (красы – авт.) подруга – Простота.
Была и третья здесь сестра,
Ей храбрость добавляет ценность,
Ей имя было – Открытость².

– Сумарокову: «... многоречие свой-
ственно ... скудоумию ... Быстрота разума
слов берёт по размеру мыслей и не имеет в
словах ни излишества, ни недостатка»³;

– Пушкину: «Должно бы сказать: рано
поутру – а ... пишут: Едва первые лучи
восходящего солнца озарили восточные
края лазурного неба – ах как это всё ново
и свежо, разве оно лучше только, что длин-
нее»; «точность и краткость – вот первые
достоинства прозы. Они требуют мыслей,
без них блестящие выражения ни к чему не
служат»⁴;

– Чехову: «Чем короче, тем лучше»⁵;
«чем теснее ... компактнее, тем вырази-
тельнее и ярче»⁶.

Индикаторам, позволяющим соот-
носить изображаемое с выражаемым,
Биркгоф пытался сообщить количествен-
ную детализацию – вводил эстетическую
меру (М) как частное от деления меры упор-
ядоченности (О) на меру сложности (С):
 $M = \frac{O}{C}$ [18].

Здесь, правда, – комплекс технических
трудностей: как толковать меры упоря-
доченности, сложности; какими показа-

² Лоррис Г. де, Мён Ж. де. Роман о Розе. М.: Героика
и спорт, 2007. С. 43.

³ Сумароков А. П. Письмо об остроумном слове //
Сумароков А. П. Полное собрание сочинений. Т. 10.
М.: Университетская типография, 1787. С. 370.

⁴ Пушкин А. С. О русской прозе // Пушкин А. С.
Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Критика и публи-
цистика. М.: Гослитиздат, 1962. С. 27.

⁵ Чехов А. П. Письмо Чехову Ал. П., 17 или 18 апреля
1883 г. Москва // Чехов А. П. Полное собрание со-
чинений и писем: в 30 т. Т. 1. М.: Наука, 1974. С. 63.

⁶ Чехов А. П. Е. П. Гославскому // Чехов А. П. Полное
собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 8. М.: Наука,
1977. С. 171.

телями их измерять? как исчислять? как проводить метризацию: «эстетическое» – нечто «качественное», тогда как «мера эстетического» – нечто «количественное», между которыми не может быть лобовой корреляции. Не говоря о трудностях методологических, метатеоретических, о чём хорошо у Степуна: «Делая эстетическую эмоцию методом постижения дискурсивной истины, мы губим ценность теоретического знания, делая дискурсивное мышление методом художественного восприятия, мы губим ценность эстетического творчества» [15, с. 68].

В логике отрабатываются методы решения единого класса задач (алгоритмы) строятся аксиоматики, проводятся исследования непротиворечивости, полноты, независимости, разрешимости, выводимости компонентов формальных систем, формальных систем в целом.

В философии (гносеологии, методологии) предлагаются качественные и количественные критерии плодотворной организации знания¹.

Только один пример. Современные платформы наилучшей композиции физики артикулируются в терминах оптимального сочетания базисных идей: хроногеометрия, частицы, поля. Регулятором образования единств выступает минимальность отправных допущений. Полагается: трёхосновность избыточна; вариации складываются выборкой двух начал. Намечаются проекты:

(1) частицы – поля: модели суперсимметричных преобразований (между фермионными и бозонными волновыми функциями); суперструны, супермембраны;

(2) хроногеометрия – поля: геометродинамика – модели Энштейна-Уилера, Калуцы-Клейна;

(3) хроногеометрия – частицы: модели прямого межчастичного взаимодействия Фоккера-Фейнмана, Кулакова.

Радикальная минимализация оснований уготовливает переход на монистиче-

скую платформу «Холон» (whole – hole): вакуум – хроногеометрия [3].

2. Прагматику. Гипотеза Праута (сложность строения атомов химических элементов, образованных конденсацией атомов водорода) в отсутствии опытного подтверждения поддерживается соображениями практической пригодности.

3. Когеренцию. Согласуемость тезисов (положений, утверждений, допущений) с фундаментальными законами, капитальными устоями тезауруса. В более широком контексте – связность пробных установлений с установлениями базисного знания (Basic Knowledge – BK), базового консенсуса (Basic Consensus – BC) относительно прочных, инвариантных комплексов научной картины мира (НКМ).

Согласуемость любого (и неподтверждённого, но эвристичного) знания с комбинацией BK + BC – достаточное основание его принятия по вписываемости в фации [8].

Сошлёмся на принцип Понселе: если одна фигура непрерывным образом получается из другой, свойства первой переносятся на вторую. Интересный, качественный принцип, не имеющий строгой формальной редакции; принимается без обоснования (как, скажем, и тезис кратности отношений Дальтона).

В опытном знании оправдание выказывающих перспективность смыслов идёт на расширении интервала доверия, невзирая на такую «мелочь», как противоречие фактам: Шрёдингер сформулировал основное уравнение нерелятивистской квантовой механики, вступающее в пике с опытными данными; противоречие игнорировалось ощущением хороших видов на будущее, что впоследствии подкрепилось учётом собственного момента количества движения микрочастицы – спина.

4. Систему отсчёта. «Тому, кто намерен приобрести знания посредством доказательства, следует не только больше знать начала и считать их более достоверными, чем доказываемое из них, – отмечает Аристотель, – но для него ничто другое не должно быть более несомненным и более известным, чем то, что противоположно

¹ См.: Ильин В. В. История и философия науки: учебник. М.: Проспект, 2019. 336 с.

началам» [1, с. 184]. В согласии с творческим десижонизмом недоказуемые начала принимаются по иницилирующей силе.

Показательна в данном отношении динамика космологических идей.

(а) в архаичной кинематике, игнорирующей роль центрального тела, отработывался триумвират:

– геоцентризм (Гиппарх с впоследствии поддержавшим его Птолемеем);

– гелиоцентризм (Аристарх с впоследствии поддержавшим его Коперником);

– бицентризм: центр «солнечной» планетарной системы – Земля с обращающимся вокруг него Солнцем и обращающимся вокруг него планетами «солнечной» системы (Герклид Понтийский с впоследствии поддержавшим его Тихо Браге);

(b) ревизия архаичного гелиоцентризма Кеплером (замена круговых траекторий эллиптическими), Ньютоном (перевод рассмотрения из кинематической плоскости в динамическую – полноценная количественная демонстрация преимуществ гелиоцентризма учётом роли более массивного центрального тела);

(с) ревизия опытно обоснованного гелиоцентризма Кеплера – Ньютона Гершелем, сместившим сектор обзора с солнечной на галактическую систему;

(d) расширение системы Гершеля Хабблом переходом от Галактики к Метагалактике;

(e) расширение линии Хаббла переходом от Метагалактики к Супергалактике. Etc.

С позиций философской семантики динамика смысловых ресурсов подчинена тройкой тенденции: с одной стороны, преодолению планетарного локализма; с другой стороны, синхронизации обстановки в макро- и мегамире (учитывая квантово-механическую парадигму, актуализируется унитаризация микро-, макро-, мегаотсеков сущего в единой теории поля); с третьей стороны, дискредитации узколобого антропоцентризма (Земля не уникальна, одна из планет; Солнце не уникально – одна из звёзд; галактика не уникальна – фрагмент множества метагалактик; гиперболизация вселенского антропоцентризма не оправ-

дана). (В данной категориальной сетке геоцентричность антропного принципа (АП) толкуется с позиций телеологичности нашего космолокала, не имеющего (в своей выделенности) дискурсивного объяснения).

В качестве регулятива «текущих» рассуждений «система отсчёта» сдерживает неумный фанатизм инноватики, вводит фиксированные интервалы реальности, задающие потенциальную осмысленность о них утверждаемого.

Так, в науке (да и философии, отказывающейся от концептуализации безграничного «мира в целом») оконтуривается предметно обозримый слой сущего, вводящий постулаты осмысленности. (Те же законы сохранения теряют силу в проекции на универсум, как таковой [21]).

В неспособности руководствоваться явной системой отсчёта состояние когнитивной несосредоточенности, как в казусе атрибутики временного ряда, а именно: фундаментальные естественнонаучные законы (закон сохранения энергии) вводятся в предположении временной инверсии, что рассогласуются с повседневным (макро)опытом человечества, навязывающим идеологию временной анизотропии. (Некую модель разрешения коллизии даёт Чернавский, диверсифицируя свойства энергии [13, с. 39]).

5. Целеустремления. Система генеральных интенций дальнего порядка, преобладающих формообразовательную определённую мыслетока.

Применительно к литературному процессу весьма тонкие зависимости анонсирует Тынянов. Здесь правила:

– смены художественных систем (чередование мотивированности – немотивированности);

– циклики стилей;

– единства и тесноты стихотворного строя (ритмика);

– отличия стиха от прозы (центровка звучания – значения);

– динамической смены жанров (отсутствии жёсткой иерархии в связке «центр – периферия»);

– нарушение равновеликости элементов сцепки «форма – содержание» (подвижность конструктивной организации целого утративанием ведущей роли того или другого компонента категориальной альтернативы) [14].

В логике очевидна смена базовых ориентаций поиска по вектору «строгость – богатство» выразительности формальных систем: творческие дихотомии формализм – интуиционизм; номинализм – реализм; эстенсиональность – интенциональность.

Философия проявляет щепетильность по части духоподъёмности смыслообразующих интерпретативных рам. В прояснение мысли оттолкнёмся от реальной коллизии современной картины мира.

Общеизвестны «аномальные» свойства воды:

- пребывание во всех агрегатных состояниях;
- зависимость удельного объёма от температуры;
- низкая вязкость, уменьшаемая с давлением (у других веществ – наоборот);
- высокие гидратирующие, растворяющие способности;
- особенности поверхностного натяжения, сжимаемости, диссоциации и т. п.

Вопросы: какова генеалогия необычных свойств воды, какова роль гидросферы в геоморфогенезе (вода занимает около 70% поверхности Земли), оформлении земной модификации (хотя иное неведомо) жизни (65% человеческого тела состоит из воды) и т. п., [2, с. 167] – пока (!) безответны.

Молчание общей химии проблематизирует капитальную рамочную диспозицию: проработка интригующей сюжетике вокруг воды составляет ли компетенцию науки? Малейшие сомнения на сей счёт влекут эрозию чёткости демаркации *наука – ненаука*. Самое элементарное – подписаться под линией «фидеизм»: причина счастливой аномальности воды – «подарок свыше». (Что чисто концептуально – отрешённой воображительной генерацией смыслов – усиливается «точным» алгебраическим «доказательством» бытия Божия, над которым раздумывал Мопертюи и прямо

предлагал Эйлер, отсылая Дидро к сакраментальной записи $\frac{a+b^n}{n} = x$. Dixi! Хотя наука не решает проблем веры.) Но тогда что такое натурализм, объективизм, реализм, эволюционизм, естественно-историческая трактовка фактуры? Где научное знание с эссенциально-номологическим, а не буафорско-декоративным? Как ни крути, – это точно не случай *miscere utile dulci*.

Заключение

Третьейский судья в подобных случаях – гносеологическая рефлексия общей природы изучаемых явлений, в отношении которой две взаимоисключающие ценностные позиции.

Одна – негативная (по вопросу сущности «числа» артикулированная Курантом): проблема, что «представляют собой числа, касается больше философа, чем математика, и является предметом ... философских исследований. Математика ... не нуждается ни в каком предварительном теоретико-познавательном исследовании ... сущности ... числа» [11, с. 21].

До Куранта в эстематичной стилистике подобную же мысль выражал Кронекер: целые числа создал господь Бог (в согласии с чем какие бы то ни было философские рефлексии исключатся), всё остальное (какое? – авт.) дело рук человеческих.

Прямо скажем, соображения странные тем более на фоне специальных изысканий о свойствах числовой реальности Эйлера, Гаусса, Дедекинда, Кантора, Цермело, Неймана, Эрмита, Лузина, Литлвуда, Гельфонда, Линника и др.

Другая – позитивная, для общего места артикулированная Даламбером: «... нет науки, которая не имела бы своей метафизики, если под этим понимать всеобщие принципы, на которых строятся ... учения и которые являются зародышами всех истин, содержащихся в ... учении и изучаемых им» [19, с. 253]. И повторённая Эйлером: всякая наука имеет свою метафизику [17, с. 43, 267].

Последнее воплощается в принятии решений с далеко идущими последствиями о субстантивности изучаемого: в мате-

матике – что такое бесконечность, число, множество, континуум и т. д.; в естество-, общественности – что такое пространство, время, движение, инерция и т. д.; в антропологии, гуманитаристике – что такое человек, общество, история, культура и т. д.

Небольшое рельефное свидетельство. Предлагавший исчисление флюксий (образ дифференциального и интегрального исчисления) Ньютон столкнулся с необходимостью семантизировать «первые» и «последние» отношения. Одни – «едва-едва зарождающиеся», другие – «только-только исчезающие». Речь – о концептуализации «бесконечно малых количеств», представляющих почти «ничто». В какой понятийной сетке тематизировать «почти ничто», Ньютон толком не знал.

На технические сложности его метода обращал внимание Карно: эвристика

Ньютона «имеет тот большой недостаток, что количества рассматриваются в состоянии, когда они, так сказать, перестают быть количествами», становясь «ничем» [10].

С высот наших дней очевидно: проблеме смысла флюксий в адекватном виде Ньютон не разрешил. Разрешилась она разработкой дифференциального исчисления, теории пределов, математического анализа, комбинирующих точными концептами – непрерывность, производная, приближение, близость, интегральная сумма, направление, сумма ряда, внутренняя сходимость последовательности (Эйлер, Даламбер, Карно, Бернулли, Коши, Больцано, Вейерштрасс, Куммер и др. вплоть до Картана).

Статья поступила в редакцию 06.09.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Аналитики первая и вторая / пер. Б. А. Фохта. Л.: Госполитиздат, 1952. 439 с.
2. Булгаков С. Н. Два града: исследование о природе общественных идеалов. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2002. 587 с.
3. Владимиров Ю. С. Метафизические истоки противостояния науки и религии // Два града. Диалог науки и религии. Калуга: Издательство Н. Бочкаревой, 2002. С. 290–304.
4. Гачев Г. Д. Наука и национальные культуры. Ростов-н/Д.: Ростовский университет, 1992. 316 с.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2004. 400 с.
6. Есенин-Вольпин А. С. Ко второй проблеме Гильберта // Проблемы Гильберта. М.: Наука, 1969. С. 83–91.
7. Ильин В. В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: Московский университет, 2013. 384 с.
8. Ильин В. В. Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания. М.: Гаудеамус: Академический проект, 2014. 203 с.
9. Ильин В. В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М.: Проспект, 2018. 176 с.
10. Карно Л. Размышления о метафизике исчисления бесконечно малых / пер. Н. М. Соловьева. М.; Л.: Объединённое научно-техническое издательство, 1936. 352 с.
11. Курант Р. Курс дифференциального и интегрального исчисления / пер. З. Г. Либина, Ю. Л. Рабинович. М.: Наука, 1967. 407 с.
12. Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 312 с.
13. Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / сост. В. А. Копчик. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 495 с.
14. Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция: избранные труды. М.: Аграф, 2002. 496 с.
15. Степун Ф. Лики культуры. М.: Юрист, 1994. 704 с.
16. Фреге Г. Избранные работы / сост. В. В. Анашвили, А. Л. Никифоров. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. 159 с.
17. Эйлер Л. Механика. Основы динамики точки / пер. В. С. Гофмана, С. П. Кондратьева. М.; Л.: Объединённое научно-техническое издательство НКТП СССР, 1938. 499 с.
18. Birkhoff G. D. Aesthetik Measure. Cambridge: Harvard University Press, 1932. 226 p.
19. Alembert D. Mélanges de littérature, d'histoire, et de philosophie. Berlin: Paris; Briasson, 1753. 364 p.

20. Husserl E. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen (Philosophie Husseriana. Bd. III. Den Haag)*. Berlin: Springer, 1977. 533 p.
21. Wheeler J. A. *From Relativity to Mutability // The Physicist's Conception of Nature*. Dordrecht: Boston: Springer, 1973. P. 202–247.

REFERENCES

1. Aristotle. *Analytica Priora* (Rus. ed.: Foht. B. A., transl. *Analitiki pervaya i vtoraya*). Leningrad, Gospolitizdat Publ., 1952. 439 p.).
2. Bulgakov S. N. *Dva grada: issledovanie o prirode obshchestvennykh idealov* [Two Cities: A Study of the Nature of Social Ideals]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2002. 587 p.
3. Vladimirov Yu. S. [Metaphysical Origins of the Confrontation between Science and Religion]. In: *Dva grada. Dialog nauki i religii* [Two Cities. Dialogue between Science and Religion]. Kaluga, N. Bochkareva Publ., 2002, pp. 290–304.
4. Gachev G. D. *Nauka i nacional'nye kul'tury* [Science and National Cultures]. Rostov on Don, Rostov University Publ., 1992. 316 p.
5. Husserl E. G. *Die Krisis Der Europaischen Wissenschaften Und Die Transzendente Phanomenologie* (Russ. ed.: Sklyadnev D. V., transl. *Krizis evropejskih nauk i transcendental'naya fenomenologiya*). St. Petersburg, Vladimir Dal', 2004. 400 p.).
6. Esenin-Vol'pin A. S. [To the Second Hilbert Problem]. In: *Problemy Gil'berta* [Gilbert's Problems]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 83–91.
7. Ilyin V. V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form* [Theory of Knowledge. Symbolology. Theory of Symbolic Forms]. Moscow, Moscow University Publ., 2013. 384 p.
8. Ilyin V. V. *Teoriya poznaniya. Social'naya epistemologiya. Sociologiya znaniya* [Theory of Knowledge. Social Epistemology. Sociology of Knowledge]. Moscow, Gaudeamus Publ., Akademicheskij proekt Publ., 2014. 203 p.
9. Ilyin V. V. *Teoriya poznaniya. Evristika. Kreatologiya* [Theory of Knowledge. Heuristic. Creatology]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 176 p.
10. Carnot L. *Lazare Réflexions sur la métaphysique du calcul infinitésimal* (Rus. ed.: Solov'ev N. M., transl. *Razmyshleniya o metafizike ischisleniya beskonechno malyh*). Moscow, Leningrad, United Scientific and Technical Publ., 1936. 352 p.).
11. Courant R. *Vorlesungen über Differential- und Integralrechnung* (Rus. ed.: Libin Z. G., Rabinovich Yu. L., transl. *Kurs differencial'nogo i integral'nogo ischisleniya*). Moscow, Nauka Publ., 1967. 407 p.).
12. Lukasevich Ya. *Aristotelevskaya sillogistika s tochki zreniya sovremennoj formal'noj logiki* [Aristotelian Syllogistic from the Point of View of Modern Formal Logic]. Moscow, Foreign Literature Publ., 1959. 312 p.
13. Kopcik V. A., compl. *Sinergeticheskaya paradigma. Nelinejnoe myshlenie v nauke i iskusstve* [Synergetic Paradigm. Nonlinear Thinking in Science and Art]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2002. 495 p.
14. Tynyanov Yu. N. *Literaturnaya evolyuciya* [Literary Evolution]. Moscow, Agraf Publ., 2002. 496 p.
15. Stepun F. *Liki kul'tury* [Faces of Culture]. Moscow, Yurist Publ., 1994. 704 p.
16. Frege G. *Selected Works* (Rus. ed.: Anashvili V. V., Nikiforov A. L., comps. *Izbrannye raboty*). Moscow, Dom intellektual'noi knigi Publ., 1997. 159 p.).
17. Euler L. *Mechanica, sive Motus scientia analytice exposita. Theoria motuum planetarum et cometarum* (Rus. ed.: Gofman V. S., Kondrat'ev S. P., transl. *Mekhanika. Osnovy dinamiki tochki*). Moscow, Leningrad, United Scientific and Technical Publishing House of the NKTP USSR Publ., 1938. 499 p.).
18. Birkhoff G. D. *Aesthetic Measure*. Cambridge, Harvard University Press, 1932. 226 p.
19. *Alembert D. Mélanges de littérature, d'histoire, et de philosophie*. Berlin, Paris, Briasson, 1753. 364 p.
20. Husserl E. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen (Philosophie Husseriana. Bd. III. Den Haag)*. Berlin, Springer, 1977. 533 p.
21. Wheeler J. A. *From Relativity to Mutability*. In: *The Physicist's Conception of Nature*. Dordrecht, Boston, Springer, 1973, pp. 202–247.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ильин Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: vvilin@yandex.ru

Кокоева Ирина Александровна – ассистент кафедры непрерывного образования Центра повышения квалификации и профессиональной переподготовки Государственного университета просвещения;
e-mail: Kokoevaia@mail.ru

Родин Павел Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: pn_rodin@mail.ru

Шимко Алексей Владимирович – ассистент кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения;
e-mail: ashimko83@gmail.com

Яловенко Яна Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных наук Калужского филиала Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана;
e-mail: yana2307@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktor V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, State University of Education;
e-mail: vvilin@yandex.ru

Irina A. Kokoeva – Assistant, Department of Continuous Education of the Center for Advanced Training and Professional Retraining, State University of Education;
e-mail: Kokoevaia@mail.ru

Pavel N. Rodin – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy, State University of Education;
e-mail: pn_rodin@mail.ru

Alexey V. Shimko – Assistant, Department of Constitutional and Civil Law, State University of Education;
e-mail: ashimko83@gmail.com

Yana V. Yalovenko – Cand. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Department of Social Science, Kaluga Branch of Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: yana2307@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Семантическая процедура: установление поля смысла. Статья II / В. В. Ильин, И. А. Кокоева, П. Н. Родин, А. В. Шимко, Я. В. Яловенко // *Современные философские исследования*. 2023. № 4. С. 19–35.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-19-35

FOR CITATION

Ilyin V. V., Kokoeva I. A., Rodin P. N., Shimko A. V., Yalovenko Ya. V. Semantic Procedure: Setting the Value Field. Article II. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 4, pp. 19–35.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-19-35

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 130.2

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-36-46

СОВРЕМЕННЫЕ СЛАВЯНОФИЛЫ: ОЦЕНКА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ КАК ПРОТИВОСТОЯНИЯ ИДЕОЛОГИЙ СУВЕРЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И УЛЬТРАГЛОБАЛИЗМА. ЧАСТЬ I

Алёхина Е. В.¹, Заложных Ю. С.²

¹Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Калужский музей изобразительных искусств

248000, Калужская обл., г. Калуга, ул. Ленина, д. 104, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить влияние социально-философских идей славянофилов в современной России в понимании сущности СВО, её целей и значения. Обосновать тезис о том, что наиболее востребованной идеей является убежденность в необходимости полного восстановления государственного суверенитета на основе национальных традиций в противовес бесконтрольному заимствованию чужих форм.

Процедура и методы. Сопоставлены принципы социально-философской мысли славянофилов классического периода XIX в. и современная неославянофильская мысль.

Результаты. Авторы обосновывают тезис о том, что начало СВО оценивается неославянофилами как вступление России в новый этап своей истории – возрождения и суверенного развития, фактического разрыва с западной цивилизацией, развернувшей в лице НАТО и США войну с Россией. Победоносный её исход для России означает не только восстановление исторических земель и воссоединение народа, но и выход на не капиталистический путь развития. Таким образом, СВО приобретает тотальный характер: борьбы освободительной, цивилизационной и священной, религиозной. Для неославянофилов политика «новых западников» по всеобщей цифровизации рассматривается как угроза национальной безопасности и «второй фронт» борьбы за суверенитет.

Теоретическая и/или практическая значимость обусловлена необходимостью суверенизации и мобилизации сфер социальных наук и образования для осмысления проходящего в мире глубинного перелома и выбора правильных решений с опорой на принципы русской философской традиции.

Ключевые слова: глобализм, западничество, культурно-историческая целостность, национальное самосознание, славянофильство, соборность

MODERN SLAVOPHILES: ASSESSMENT OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION AS A CONFRONTATION BETWEEN THE IDEOLOGIES OF SOVEREIGN STATEHOOD AND ULTRA-GLOBALISM

E. Alekhina¹, Yu. Zalozhnykh²

¹State University of Education

ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 24141014, Moscow Region, Russian Federation

²Kaluga Museum of Fine Arts

ul. Lenina 10, Kaluga 4248000, Kaluga Region, Russian Federation

© CC BY Алёхина Е. В., Заложных Ю. С., 2023.

Abstract

Aim. To identify the influence of the social and philosophical ideas of the Slavophiles in modern Russia in understanding the essence of the SMO (Special Military Operation), its goals and significance. To substantiate the thesis that the most popular idea is the conviction that that it is necessary to fully restore the state sovereignty on the basis of national traditions as opposed to the uncontrolled borrowing of foreign forms.

Methodology. The principles of social and philosophical thought of the Slavophiles of the classical period of the 19th century and those of the modern neo-Slavophile movement are compared.

Results. The author substantiates the thesis that the beginning of the SMO is assessed by neo-Slavophiles as Russia's entry into a new stage of its history - revival and sovereign development, an actual break with Western civilization, which launched a war with Russia on behalf of NATO and the United States. Its victorious outcome for Russia means not only the restoration of historical lands and the reunification of the people, but also an access to a non-capitalist path of development. Thus, the SMO acquires a total character: a liberation, civilizational and sacred, religious struggle. For neo-Slavophiles, the policy of the "new Westerners" for universal digitalization is seen as a threat to national security and a "second front" in the struggle for sovereignty.

Research implications. There is need to sovereignize and mobilize the spheres of social sciences and education to understand the profound change taking place in the world and make the right decisions based on the principles of the Russian philosophical tradition.

Keywords: globalism, Westernism, cultural and historical integrity, national identity, Slavophilism, conciliarity

Введение

Для понимания сути происходящих «тектонических изменений в мире» [9] полезно возвращаться к социально-философским идеям славянофилов, предложившим своё осмысление России как культурно-исторической целостности именно после победоносной войны с Наполеоном и «объединённым Западом». Их идеи оказались особенно востребованы в начале XXI в. в связи с кризисом идеологии западного глобализма и процессом выстраивания русской геополитической идеологии с опорой на цивилизационный подход.

Как философски оформленная идеология русского национального самосознания консервативного типа, противостоящая западничеству, *славянофильство включает следующие аспекты:* 1) православная церковь является основой соборного (истинно свободного) единства народа, русской культуры и государственности; 2) государство выполняет служебную роль по осуществлению христианской миссии церковного народа, чему соответствует сильная централизованная власть в противоположность договорному принципу

буржуазных демократий; 3) соборное сознание народа, воспитанного в церкви, становится основой общинности как органической формы жизни, объединяя личность и общество в принципе служения (вопреки индивидуализму, «исключительности» одних и «служебности» других). В условиях ускоряющегося процесса отступления от Христа европейских народов утверждалась богоизбранность России в осуществлении христианской глобальности. Отсюда мысль Достоевского об «отзывчивости» (открытости, универсальности) и «всечеловечности» русского народа.

Все эти аспекты социально-философских размышлений славянофилов исходят из главного тезиса: *церковь* – это великая сила, собирающая миллионы людей в единый народ, который, соединяясь с Христом в церковных Таинствах, учится любить и служить, что является определяющим для развития страны и её культуры. Следовательно, смысл исторических событий, судьба России определяются положением церкви в государстве, чистотой и крепостью веры; отступление от истинной христианской жизни, секуляризация, при-

водит к социальным катастрофам. Свою главную задачу славянофилы видели в способствовании, по современной терминологии, цивилизационной самоидентификации русского народа, ведь, по верному замечанию А. С. Хомякова, на русских лежит «грех неведенья»: «Мы России не знаем» [5, с. 183], «думаем не своей головой и чувствуем не своей душой» [6, с. 9]. Из этого трагического заблуждения следуют искажённое национальное существование и все беды.

Неославянофилы и западничество

С середины 80-х гг. XX в. советское руководство встало перед лицом стагнации всей хозяйственно-политической системы и необходимости смены концепции развития. Страна находилась в состоянии выбора между двумя принципиально различными вариантами будущего развития. По определению митрополита Иоанна (Снычёва), один – «славянофильский», эволюционный, предполагал «проведение в жизнь комплекса мер по возрождению русского народа и оздоровлению его национального самосознания ... Вторая “западническая” модель реформирования СССР практически полностью отвергала русский исторический опыт государственного строительства и общественного устройства ... Как показали дальнейшие события, позиции русофобского космополитического ядра в аппарате оказались слишком прочными» [4, с. 333]. Разрушительные социально-экономические и политические реформы сопровождались «шквалом безнравственности и цинизма ... “масскультуры” и фальшивых ценностей “общества потребления” ... Церковь подверглась бешеным атакам еретиков и сектантов» [4, с. 333].

Соглашаясь с этой оценкой, подчеркнём, что атаки «еретиков и сектантов», о которых пишет митрополит, с конца 80-х гг. активно поддерживались властью Украины, ассоциировавшей независимость и самостоятельность именно с деятельностью греко-католической униатской

церкви, захватившей приходы УПЦ в трёх западных областях. Важно отметить, что бандеровцы принадлежали к униатской церкви (которая находилась под властью Ватикана) и символизировали собой крайнее западничество.

В России преобладали другие процессы: господство либеральной идеологии и плюрализма освобождало церковь от гонений, и в этих условиях сначала малочисленная линия славянофилов стала усиливаться, охватывая все сферы общества. Против западников, перехвативших власть у КПСС, консолидировались православный русский народ и интеллигенция, сохранившие и укрепившие национальную идентичность, здоровый консерватизм, традиционализм. Движущей силой в этом процессе стала РПЦ МП в лице её патриарха Алексия II и архиереев (прежде всего, митрополита Кирилла), учредивших ежегодные Всероссийские Образовательные Рождественские чтения и съезд Всемирного русского народного собора. Именно на этих масштабных площадках обсуждались важнейшие темы, объединялись патриоты, распространялась научно-просветительская литература, появились подлинные лидеры. Отметим особое место в духовном возрождении народа трудов упомянутого выше митрополита Иоанна (Снычева), голос которого звучал в переломные 90-е гг., как набатный колокол. Рассматривая тысячелетнюю историю России, он подробно останавливается на поворотных событиях, в которых проявилась ключевая роль православного соборного самосознания народа.

Идейное противостояние славянофильской и западнической линий усилилось на фоне крайнего разочарования в современном Западе. Глубокий идейно-теоретический раскол произошёл по отношению к пандемии COVID-19, которую можно рассматривать как «точку сбора» глобального проекта, направленного на управление человечеством. С 2022 г. этот раскол углубился по отношению к СВО, ознаменовавшей переход глобалистов в открытую – военную – стадию противостояния.

Наиболее востребованной социально-политической славянофильской идеей на сегодня является убежденность в необходимости для России полного *восстановления государственного суверенитета* на основе приоритета национальных ценностей и традиций в противовес бесконтрольному заимствованию чужих форм. Ибо, по верному замечанию А. С. Хомякова, «общество, которое вне себя ищет сил для самосохранения, уже находится в состоянии болезненном» [7, с. 28].

После киевского переворота 2014 г. в патриотической общественно-политической мысли появляются публикации, в которых открыто делается вывод о том, что на основе западной либеральной идеологии в России создана капиталистическая колониальная система управления с соответствующей армией, финансово-экономической сферой, СМИ, культурой, образованием, здравоохранением¹. Особенно широко эта тема представлена в публикациях депутата Е. А. Фёдорова, координатора НОД: «... с разрушением СССР Россия, как и все остальные бывшие республики, была встроена в глобальную иерархическую структуру западной экономической и политической системы с единым типом государственного устройства: власть олигархии в форме демократической республики». Неизбежно, как полагает депутат, России придётся пройти весь технологический путь восстановления суверенитета: «Поэтому и военная операция, что не смогли это сделать мирным путём»².

Проследивая *динамику отношений Запада к России* за последние три десятилетия, становится понятно, что замена коммунистической идеологии на западную либеральную, оправдавшую распад СССР и внедрение не суверенной политэкономической модели, было только первым эта-

пом в глобальных планах Запада по окончательному разрушению и подчинению России как страны-цивилизации. Процесс разочарования в «евроромантических» надеждах и углубления национального самопознания обозначил В. В. Путин на встрече с военными корреспондентами: «... нашим западным партнёрам, как я их всё время называл, мы же всё предложили, мы считали, что мы свои, буржуинские, мы хотим быть в этой семье так называемых цивилизованных народов». Постепенно пришло понимание, что нас «нагло кинули, просто обманули».³ Оказалось, что цивилизационные различия России и Запада с их несовместимыми «культурными кодами» сильнее, чем принадлежность к единому социально-экономическому строю. 22 мая сего года парламентская ассамблея государств-членов НАТО приняла декларацию, в которой содержится термин *ruscism*. Появление этого слова означает, что идёт *экзистенциальная война*, в результате которой одна из сторон должна перестать существовать в нынешнем виде.

Соответственно, изменились базовые подходы наших общественно-политических мыслителей. Появилось осознание неизбежности задачи уничтожения гегемонии Запада. Политолог и видный общественный деятель А. Г. Дугин считает, что в СВО мы выступаем за многополярный мир, в котором западная цивилизация будет одним из «макрорегионов». Относительно содержания противостояния Россия – Запад, он уточняет, что СВО – это борьба христианской империи с антихристианской, империалистической англосаксонской псевдо-империей [2]. Развивая эту идею, председатель общества «Царьград» и заместитель главы Всемирного русского народного собора К. В. Малофеев рассматривает военную операцию на Украине как реализацию Россией имперской миссии в контексте борьбы Вечной Империи

¹ Лодочник Г. О «суверенной демократии» и колониальной экономике. Следует ли России вводить войска в Украину? [Электронный ресурс]. URL: <https://lodochnic.com> (дата обращения: 06.09. 2014).

² Фёдоров Е. «Придётся менять 90% чиновников»: Россия продолжает спонсировать мировую экономику. [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/newdaynews.ru> (дата обращения: 27.07. 2022).

³ Встреча с военными корреспондентами [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71391> (дата обращения: 13.06.2023).

(сакральная власть) с мировым Ханааном (торгово-финансовый олигархат) [3, с. 7].

Директор Института Евразийского экономического союза В. А. Лепёхин военные действия связывает с характером глобализации. *Моноцентрическая* конструкция либеральной англосаксонской линии, при которой во власти государств находятся представители транснациональных групп, через управляемый хаос – эпидемии, большую войну, миграцию, – подводит человечество к подчинению единому мировому правительству. *Полицентризм*, не меняя сущности транснациональной власти и стратегических целей, не предполагает взаимного уничтожения, хотя ведётся ограниченная гибридная война. Формула *многополярного* мира как многообразии политических субъектов – суверенных государств-цивилизаций со своими религиозными корнями и культурами – наиболее гуманна и соответствует нашим национальным интересам. Глобализация, таким образом, представляется В. А. Лепёхину неизбежностью, но этот процесс можно гуманизировать на принципах солидарности и справедливости¹.

В кризисных ситуациях всегда появляется плеяда политиков, юристов, журналистов, экономистов, учёных, которые ставят цель победы и спасения государства, – истинно патриотическая элита, отстаивающая традиционные духовно-нравственные принципы и явно отличающаяся от «новых русских» 1990-х гг.

Начало: Русская весна и СВО

Практический отказ от западной либеральной идеологии потребления, этики прагматизма, рыночной экономики и возврат к русской идее начался с *Русской весны в Донбассе*, где возрождалась идеология русской государственности, в муках войны возрождался русский мир. Так, в Донецке 18 декабря 2015 г. состоялся

круглый стол на тему «Пути и механизмы реализации идеологии Русской весны в обществе ДНР», где начавшаяся война на Донбассе определялась как гражданская, национально-освободительная, имеющая историческое значение. В поисках современных механизмов народовластия и отказа от либерально-олигархической системы были обозначены основы русской идеологии, близкие по своей сути принципам, выдвинутым славянофилами: 1) верность исторической традиции и памяти предков – основа самоидентификации русского народа; 2) идея справедливости, возврат к социализму как национальной общественной системе; 3) православие – духовное единство народа; 4) коллективизм, соборность – этические принципы социального государства.²

В защите Донбасса и России принимали участие лидеры (П. Губарев, А. Пургин, А. Захарченко), идеологи-комбаты (И. Стрелков, А. Павлов-Моторола, А. Ходаковский, А. Беднов, П. Дрёмов, А. Мозговой), которые смогли воодушевить и поднять людей для возрождения Великой России. Вот как Алексей Мозговой раскрывает соборный характер русской идеи: «Сколько говорили, что русские уже не способны строить и созидать. Да, не способны, но только в рыночной грязи. Но вот возникла чистая идея, и вся Россия откликнулась! И тут же идея Русского мира стала обрастать материей и границами. Этот потенциал страшен для врагов, и они считали, что за эти 25 лет сумели его уничтожить. И вдруг он проявился в Новороссии. И сколько бы ни было поражений и неудач, он проявится снова! Это Бог показывает нам, что стремление русских к правде вечно и неизменно. На наших знамёнах написано: “За Веру, Царя и Триединую Русь”. Только так и никак иначе!»³. Его идеи конкретизиро-

¹ Лепёхин В. Проект «Великая Хазария». Глобальные элиты меняют тактику. [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/video/watch/64edc6bc93682c296987ed0d>. (дата обращения: 13.09.2023).

² Второй круглый стол по идеологии, созданный инициативной группой по созданию Международной федерации независимых журналистов (МФНЖ). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zBwdYMY8390> (дата обращения: 12.01.2016).

³ Алексей Мозговой [Электронный ресурс]. URL:

вал применительно к проводимой СВО командир батальона «Восток» Александр Ходаковский. Главным в достижении победы он считает смену смысловой основы нашего существования – идеи буржуазно-потребительской на христианское служение: «Мы успешно взрастили поколения потребителей и сейчас столкнулись с тем, что сознание обывателя просто отторгает мысль, что нужно жертвовать»¹.

На открытии Донецкого отделения Всемирного русского народного собора Константин Малофеев назвал Донбасс центром Русского мира. Глава ДНР Денис Пушилин в своей речи подчеркнул, что «в едином порыве всей России освободить, восстановить Донбасс проявилась основа русского духа – *соборность* – истинная составляющая православного мировоззрения»².

Начало военной операции изменило страну. Появилась надежда, что она возвращается на свой исторический русский путь, где ключевыми являются три главные ценности: правая вера, сильная власть и сохранение Отчизны. «Мы изменились... Страна упёрлась. Пришло понимание, что это надолго. Что, как прежде, не будет никогда», – очень точно описывает наше время журналист Андрей Медведев³. Политолог-международник Алексей Пилько справедливо указывает: «В России есть огромная партия Победы – это 80% населения... в войне над самым страшным противником, с которым сталкивалась наша страна после 1945 года. И это не Украина, которая представляет собой всего лишь поле боя»⁴.

<https://tsargrad.tv/materials/rubric/donbass-jeto-rossija> (дата обращения: 25.08.2023).

¹ Ходаковский А. Россию пора «перепрограммировать». Хватит искать выгоду: Комбат озвучил неприглядную правду о СВО [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/ZHtr-pm_3yEyrDS4 (дата обращения: 03.06.2023).

² Названы два региона, где не все хотят войны до победного конца [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/tsargrad.tv> (дата обращения: 05.02.2023).

³ Андрей Медведев. [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/MedvedevVesti/13143> (дата обращения: 09.09.2023).

⁴ Алексей Пилько [Электронный ресурс]. URL:

Специальная военная операция стала тем краеугольным камнем, который переворачивает не только Россию, но и мировой порядок. Остановимся на оценке сущности этого события неославянофильской патриотической элитой. *Причины* начала боевых действий на Украине известны экономист академик С. Ю. Глазьев связывает с американской стратегией удержания мирового господства для продвижения глобалистской элитой антихристианской идеологии постгуманизма. Рассматривая СВО в апокалиптическом контексте, он считает, что за ВСУ стоят сатанинские силы, а Россия, опираясь на веру, вынуждена вести священную войну за спасение человечества. С этой точки зрения именно религиозная постановка цели сможет объединить страну и последовательно решать мобилизующие задачи для достижения победы.

Важнейшая из них – *выработка идеологии Русского мира*, базирующейся на ценностях *правды* и *справедливости*, социально-экономической проекцией которых является *православный социализм* [1]. Попутно отметим, что тема христианского социализма привлекала внимание русских религиозных философов с начала XX в., обосновавших, что капитализм не совместим с православным христианством, при этом решение социальных проблем на основе «научного коммунизма» оказалось весьма противоречивым и недолговечным проектом. Диалектическим выходом из этих крайностей является утверждение президентом В. В. Путиным традиционных ценностей как основы социального государства, что сближает его позицию с православным социализмом.

Казалось бы, можно ограничиться формулой Ф. М. Достоевского «православие и есть наш русский социализм», но она нуждается в проработке конкретных социально-экономических механизмов, что и предлагает С. Ю. Глазьев, используя положительные моменты в опыте построения

<https://dzen.ru/tsargrad.tv?noredir=true> (дата обращения: 09.09.2023).

социализма в СССР¹. Нельзя не согласиться с доводом академика, что в нынешней мировой гибридной войне многое определяется состоянием общественного сознания и институтов управления экономикой. Необходимое для достижения Победы единства общества и государства возможно при реализации давно продвигаемой патриотическими силами программы «Социальная справедливость и экономический рост» как идейно-политическое условие перехода России с периферии старого в центр «нового мирохозяйственного уклада» [1].

С ним созвучен А. И. Казин (научный руководитель РИИИ): «Не претендуя на исполнение рая на земле, как противоречащее самой сути христианской веры, русский глубинный социализм есть национальный ценностный идеал отечественного пути, какие бы государственно-культурные и социальные формы он ни принимал на протяжении протёкшей тысячи лет нашей истории. Первична здесь не «общественная собственность на средства производства» (она может быть и государственной, и групповой, и частной), а *соборная* – церковная и государственная – установка на восходящий, трансцендирующий, ответственный перед Творцом смысл народной и личной жизни. В таком плане он, в конечном счёте, совпадает со смыслом жизни человека и народа, формулируемым другими традиционными религиями России, прежде всего исламом»².

В среде православной мысли делается акцент на *религиозно-метафизический смысл* трагических военных событий – понудить каждого сделать решающий выбор: стать на сторону Христа (Русской идеи) или Антихриста (западного глобального либерализма). В момент смены эпох, общественных

формаций, идеологий каждый должен осознать себя участником священной истории. Православный психотерапевт, публицист и блогер В. В. Боровских остро чувствует переломный характер нашего времени: «Пока мы не очнёмся от западнического дурмана, духовно-нравственной комы, мы не победим... Фронт проходит через сердце каждого человека. Совершается божественная хирургия войны, чтоб мы духовно проснулись»³. Известный старец Илий (Ноздрин) устанавливает метафизическую взаимосвязь причин бедствий и условий Победы – смирение христиан перед Богом. Победа – духовная категория, ибо побеждают те, кто сильнее духом. Маркерами качественного изменения народа он считает прекращение матерной брани, запрет абортот и отказ от идеологии большевизма⁴.

В выступлениях заслуженного профессора МДА А. И. Осипова многократно повторяется формулировка «закона жизни»: духовное состояние народа, т. е. церкви, определяет все внешние события. Так, военные события на Украине свидетельствуют о духовной болезни народа. Слова Апостола «Ибо время начаться суду с дома Божьего» (1 Пет. 4 : 17) трактуются им так: суд Божий – это испытание и наказание; церковь – «закваска», начало, которое одухотворяет всё общество; УПЦ очищается в огне страданий; СВО – суд Божий, «удаление гангренозных членов в хирургической операции для сохранения жизни». Происходящее на Украине подаёт страшный сигнал для России: обратить внимание не на внешнее благоустройство храмов, а на внутреннюю жизнь общины – церкви. «Если мы не изменимся, не покаемся, то же произойдёт и у нас. Ниневия, кайся!» – призывает богослов⁵.

¹ Глазьев С. Условия победы. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-69031523_11103 (дата обращения: 19.01.2023). См.: полный текст: <https://business-gazeta-ru.turbopages.org/business-g> (дата обращения: 19.01.2023).

² Казин А. Л. О русской идеологии. [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/id/5e274bc843863f00acd7ed97> (дата обращения: 19.04. 2022).

³ Вне формата с В. Боровских. Горькое лекарство от Херсона. [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/peregrava> (дата обращения: 12.11.2022).

⁴ Корчевников Б. Выбирая между скорым окончанием войны или победой, я выбираю победу! 13.12.22 [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Y6TGMkqVmgTVBSWt> (дата обращения: 13.12. 2022).

⁵ Осипов А. И. Борьба с Православием в Украине [Электронный ресурс]. URL: <https://alexei-osipov.ru> (дата обращения 28.10.2023).

Очевидна задача, которая откровенно решается в ходе СВО – возврат в лоно РПЦ МП тысячи приходов на Украине, которые насильственно отрываются от православия раскольниками, поддерживаемыми властями.

Эсхатологическое понимание смысла русской истории, почти утраченное в период западных реформ XVIII в., возрождается в XIX в. в творчестве славянофилов. Когда с началом СВО обострилось противостояние либерально-атеистической западной цивилизации и православной русской, эсхатологическая тема у неославянофилов становится центральной и рассматривается, как предопределённость к великой битве с «вавилонской блудницей» в последние времена, которые, по всей видимости, приблизились. Известный телеведущий и медиаменеджер Б. В. Корчевников предвидит: «Каждый у нас должен осознать, что только человеческих усилий не хватит, чтобы одолеть эту машину смерти, идущую на Россию... Проигрыш Запада – это крушение не только нынешних западных элит, это фиаско всего европейского человекобожнического сатанинского проекта порабощения человека под личиной “демократий и свободы”. Антихрист этого не может допустить»¹.

Сопоставляя военные события в России и в Палестине, В. В. Боровских видит в них концентрацию борьбы талмудического иудаизма с христианством. Стремление к мировому экономическому и политическому господству, восстановление государства на исторических землях – суть идеологии сионизма. Сейчас создаются условия для строительства третьего Храма, в котором воссядет израильский царь – Антихрист².

В критический момент мировой истории – в начале XX в. и в начале XXI в. – Россия, следуя своей миссии, встаёт на пути антихристианской цивилизации тоталь-

¹ Корчевников Б. Запад не остановится, пока нас не уничтожит, или пока мы не уничтожим его. [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZG1bHZKsTR1111x> (дата обращения: 15.05.2023).

² Доктор Боровских. Израиль и Палестина Финал человеческой истории [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video> (дата обращения: 22.10.2023).

ного зла. Причём ареной этой священной борьбы становится сама Россия, сейчас это – земля Киевской Руси (сакральное начало), колыбель русского народа, который снова поставлен перед выбором – за Христа или за Антихриста. Общественный деятель, эксперт российского ТВ, пресс-секретарь Всемирного русского народного собора Ю. В. Кот отмечает: «Наша малая Родина стала одной из важнейших точек сборки, которая явно влияет на будущее мироустройство. Избежать такой участи Малороссия и русские малороссы не могли в силу не только важности, но и святости этой земли»³. Таким образом, религиозный смысл «украинства» – борьба с православием.

Русская трагедия состоит в том, что юго-западная её часть – Украина, отрёкшись от веры и сделавшись анти-Россией, должна разрушить Россию – оплот православия. Однако, сделав выбор в пользу западных антихристианских ценностей, соглашаясь на униженные условия – слуги, жертвы, донора, испытываемого, Украина обречена на самоуничтожение. По словам А. Г. Дугина, «украинское общество раскололось по самой фундаментальной эсхатологической, цивилизационной, и одновременно геополитической границе»⁴.

Наше время воспринимается как апокалиптическое. Апокалипсис – буквально «Откровение» Христа о конце истории и её действующих силах, которые ранее были сокрыты, – есть онтология истории. Это открытие касается, прежде всего, последовательных фаз единого процесса апостасии западной цивилизации с её буржуазной идеологией, философией материализма, атеизма, верой в прогресс. Как утверждает патриарх Кирилл, только Россия с опорой на церковь может на какое-то время отодвинуть эту катастрофу.

³ Кот Ю. Украинцы! Ваша власть вам врёт! 1. Вас обнуляет Запад. 2. Вы не украинцы [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Y8UA0Ge6fyinpltd> (дата обращения: 16.01.2023).

⁴ Лепёхин В. Проект «Великая Хазария». Глобальные элиты меняют тактику. [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/video/watch/64edceb93682c296987ed0d>. (дата обращения: 13.09.2023).

Многие неославянофилы-антизападники обращаются к исследованиям А. С. Панарина, который более двадцати лет назад провидел, что глобальная война США за «демократию» есть прикрытие религиозной войны за создание нового мирового государства, порядок Антихриста. Следуя его мыслям, С. В. Тимченко (член Союза писателей России, главный редактор журнала «Славянка») пишет: «Мы включены в антагонистическое противостояние России и Запада: Россия идёт путём Христа, Запад – путём Антихриста. Их цель – уничтожение русской идеи, Православия как смыслового ядра нашей культуры и имперской государственности»¹. С. А. Михеев также подчёркивает «удерживающую» миссию сильной имперской России: другие православные страны, политически примкнув к Западу, неизбежно приходят к религиозному отступлению, к принятию антихристианской идеологии трансгендеризма как перспективы для человечества. «Так осуществляется главная цель постхристианского Запада: внедрение извращения и трансгендеризма, чтобы лишить человека Образа Божия»².

Анализ текущих событий в неославянофильской мысли подтверждает истинность классической славянофильской *религиозной методологии* в трактовке исторического процесса: религиозная вера является движущей силой исторической деятельности народов, определяя ход исторического процесса. Причём не только вера создаёт народ, но и сам народ выбирает религию, соответствующую творческим возможностям его духа. Отсюда, именно православие, которое для русской земли есть «совершенство», «цель» и знамя», соединившись с жизнью русского народа, стало органичным фундаментом его культуры, во многом обусловившим социальные и исторические процессы

¹ Сергей Тимченко. Подвижница история, не оставь ратоборства твоего [Электронный ресурс]. URL: <https://ruskline.ru/news> (дата обращения: 21.03.2023).

² Сергей Михеев. Христианство считают помехой для глобального западного проекта. [Электронный ресурс]. URL: <https://smotrim.ru/article/3424983> (дата обращения: 27.06. 2023).

страны. Именно православное христианство, по представлениям неославянофилов, является гарантией правильного и успешного развития России, ибо, как ещё писал А. С. Хомяков, «первым в ряду всех народов станет тот народ, который сохранил полнее и живее веру и который глубже и яснее сознает её святые требования» [8, с. 485].

С началом Военной спецоперации на Украине становится всё более очевидным, что Россия как православная христианская цивилизация противостоит *глобальной богоборческой секте*. Так, в программной Георгиевской речи Президент России разоблачил антихристианскую, сатанинскую сущность Запада. Знаменитый режиссёр и ведущий программы «Бесогон» Н. С. Михалков выразил общее мнение, что в противостоянии современному неоязычеству (сатанизму) возможно идейное объединение представителей традиционных религий в РФ на основе утверждения божественного происхождения человека.

Специальная военная операция открыла обществу не только истинное отношение Запада к России, но и острую необходимость искать альтернативную *социально-экономическую и политическую модель*, которая сможет обеспечить победоносную армию. Для достижения суверенитета стала очевидной взаимосвязь: народная спецоперация – народное государство – народное хозяйство (как целостная система), сильная армия и сильная власть. Известный историк и политолог А. И. Фурсов категорически заявляет: «Битву за суверенитет, за великодержавность олигархическая, финансово зависимая, сырьевая система выиграть не может»³. В этих условиях, логично рассуждает эксперт-экономист М. Л. Хазин: «нам необходимо подумать о создании новой элиты. А для этого необходимы люди, которые воевали с оружием в руках против колонизаторов»¹.

³ Фурсов А. Пророчество Каддафи. Почему для России и мира всё только начинается [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/govoritfursov>. (дата обращения: 06.11.2022).

Заключение

Мыслители-неославянофилы сохранили и развили основные принципы социально-философской и политической концепции классического славянофильства. Отмечается колоссальный сдвиг общества и власти в отходе от западнического курса, господствовавшего до военного переворота, устроенного англосаксами на Украине и вызвавшего реакцию Русской весны на Донбассе. Если десять лет назад, с либерально-западнической точки зрения, цель России состояла в том, чтобы в глобальной конкурентной борьбе занять наиболее высокое место, даже по-

жертвовав суверенитетом, то за последний год произошёл значительный рывок в сторону суверенитета в осознании самобытности русской цивилизации. Базовым является заявление Президента России 21 сентября 2022 г. в Великом Новгороде и 30 сентября 2022 г. во время присоединения новых четырёх областей Новороссии к России на его утверждении, «что целью войны является объединение русского народа»². Этот тезис можно трактовать, как задачу объединения в границах исторической России через духовное – соборное – единство народа.

Статья поступила в редакцию 17.07.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазьев С. Ю. За горизонтом конца истории. М.: Проспект, 2022. 416 с.
2. Дугин А. Г. Бытие и империя. Онтология и эсхатология Вселенского царства. М.: АСТ, 2023. 784 с.
3. Малофеев К. В. Империя: в 3 кн. Кн. 3: Настоящее и будущее. М.: АСТ, 2022. 528 с.
4. (Снычев) Иоанн, митр. Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб.: Царское дело, 1998. 494 с.
5. Хомяков А. С. Аристотель и всемирная выставка // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. М.: Университетская типография, 1900. С. 177–196.
6. Хомяков А. С. Мнение иностранцев об России // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. М.: Университетская типография, 1900. С. 3–30.
7. Хомяков А. С. О старом и новом // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.: Университетская типография, 1900. С. 11–29.
8. Хомяков А. С. Черты из жизни халифов // Хомяков А. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Медиум, 1994. С. 475–485.
9. Фурсов А. И. Водораздел. Будущее, которое уже наступило. М.: Книжный мир, 2021. 416 с.

REFERENCES

1. Glaz'ev S. Yu. *Za gorizontom konca istorii* [Beyond the Horizon of the End of History]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 416 p.
2. Dugin A. G. *Bytie i imperiya. Ontologiya i eskhatologiya Vselenskogo car-stva* [Genesis and Empire. Ontology and Eschatology of the Universal Kingdom]. Moscow, AST Publ., 2023. 784 p.
3. Malofeev K. V. *Imperiya. Kn. 3: Nastoyashchee i budushchee* [Empire. Bk. 3: Present and Future]. Moscow, AST Publ., 2022. 528 p.
4. (Snychev) Ioann, mitr. *Russkaya simfoniya. Ocherki russkoj istoriosofii* [Russian Symphony. Essays on Russian Historiosophy]. St. Petersburg, Carskoe delo Publ., 1998. 494 p.
5. Homyakov A. S. [Aristotle and the World Exhibition]. In: Homyakov A. S. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 1* [Complete Works. Vol. 1]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1900, pp. 177–196.
6. Homyakov A. S. [Opinion of Foreigners about Russia]. In: Homyakov A. S. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 1* [Complete Works. Vol. 1]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1900, pp. 3–30.
7. Homyakov A. S. [About the Old and the New]. In: Homyakov A. S. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 3* [Complete Works. Vol. 3]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1900, pp. 11–29.
8. Homyakov A. S. [Traits from the Life of the Caliphs]. In: Homyakov A. S. *Sochineniya. T. 1* [Essays. Vol. 1]. Moscow, Medium Publ., 1994, pp. 475–485.
9. Fursov A. I. *Vodorazdel. Budushchee, kotoroe uzhe nastupilo* [Watershed. A Future that has Already Arrived]. Moscow, Knizhnyj mir Publ., 2021. 416 p.

¹ Хазин М. Схватка года в России: Элите «заказали» Путина. Большая чистка началась. [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/Y7Fd2n_FF1dqkMe (дата обращения: 01.01.2023).

² Путин назвал целью России объединение русского народа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/12/25/956943-nazval-tselyu> (дата обращения: 01.01.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алехина Евгения Викторовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru

Заложных Юлия Сергеевна – заведующий экспозиционно-выставочной деятельностью Калужского музея изобразительных искусств;
e-mail: semga@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgenia V. Alyokhina – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, State University of Education;
e-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru

Yulia S. Zalozhnykh – Head of the Exposition and Exhibition Activities, Kaluga Museum of Fine Arts;
e-mail: semga@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алехина Е. В., Заложных Ю. С. Современные славянофилы: оценка Специальной военной операции как противостояния идеологий суверенной государственности и ультраглобализма. Часть I // *Современные философские исследования*. 2023. № 4. С. 36–46.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-36-46

FOR CITATION

Alekhina E. V., Zalozhnykh Yu. S. Modern Slavophiles: Assessment of the Special Military Operation as a Confrontation Between the Ideologies of Sovereign Statehood and Ultra-Globalism. Part I. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 4, pp. 36–46.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-36-46

УДК 130.3

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-47-57

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ СУЖДЕНИЙ Е. Н. ТРУБЕЦКОГО О РОДИНЕ И ПАТРИОТИЗМЕ

Чикаева Т. А.*Московский художественно-промышленный институт**121352, г. Москва, ул. Давыдовская, д. 6, корп. 1, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Оценка актуальности и научно-практической значимости концепции Родины и патриотизма Е. Н. Трубецкого в современных условиях, формулирование рекомендаций по практике её применения.

Процедура и методы. Ключевыми исследовательскими методами стали логический метод, контентанализ и сравнительно-исторический метод. Проведено исследование трудов Е. Н. Трубецкого, выявлена аргументация философа по основным аспектам концепции Родины и патриотизма с учётом соответствующей социокультурной и политической обстановки начала XX столетия. Обращение к исследованиям по истории философии и анализ события прошлого и настоящего позволили оценить обоснованность суждений мыслителя, сделать вывод об уровне подтверждения его идей практикой.

Результаты. Доказано, что идеи Е. Н. Трубецкого, высказанные в отношении Родины и патриотизма, актуальны в настоящее время. Его понимание Родины позволяет дать объективную её дефиницию, избежать отождествления Родины и государства, верно определить её онтологическую и аксиологическую сущность. Обоснована перспективность внедрения в философскую мысль идей о том, что патриотизм проявляется в обеспечении самобытного движения своего народа к высшему духовному идеалу с выявлением и исправлением ошибок и недостатков разного, в том числе гносеологического, содержания. Отмечено, что для России патриотизм всегда связан с помощью другим народам.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии потенциала наследия Е. Н. Трубецкого как основы развития отечественной философии, построения категориального аппарата, в формулировании рекомендаций по патриотическому воспитанию и построению взаимодействия между странами и народами.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, Е. Н. Трубецкой, космополитизм, национализм, патриотизм, Родина, святыня

ON THE RELEVANCE AND SCIENTIFIC AND PRACTICAL SIGNIFICANCE OF THE JUDGMENTS OF E. N. TRUBETSKOY ABOUT THE MOTHERLAND AND PATRIOTISM

T. Chikaeva*Moscow Art and Industrial Institute**ul. Davydkovskaya 6, bld. 1, Moscow 121352, Russian Federation***Abstract**

Aim. To assess the relevance and scientific and practical significance of the concept of the Motherland and patriotism of E. N. Trubetsky in the modern conditions, to present recommendations on the practice of its application.

Methodology. The key research methods were the logical method, content analysis and the comparative historical method. A study of E. N. Trubetsky's works was carried out, the philosopher's argumentation on the main aspects of the concept of the Motherland and patriotism were revealed, taking into account the corresponding socio-cultural and political situation of the beginning of the 20th century. Addressing the research on the history of philosophy and analyzing the events of the past and present allowed us to assess the validity of the thinker's judgments, to conclude about the level of confirmation of his ideas by practice.

Results. It is proved that the ideas of E. N. Trubetsky expressed in relation to the Motherland and patriotism are relevant at the present time. His understanding of the Motherland makes it possible to give its objective definition, avoid identification of the Motherland and the state, correctly determine its ontological and axiological essence. The prospects of introducing into philosophical thought the ideas that patriotism manifests itself in ensuring the original movement of its people to the highest spiritual ideal with the identification and correction of errors and shortcomings of various, including epistemological, content, are substantiated. It is noted that for Russia, patriotism is always associated with helping other nations.

Research implications. The article revealed the potential of E. N. Trubetsky's legacy as the basis for the development of national philosophy, construction of a categorical apparatus, formulation of recommendations for patriotic education and construction of interaction between countries and nations.

Keywords: spiritual and moral values, E. N. Trubetsky, cosmopolitanism, nationalism, patriotism, Motherland, the sacred

Введение

Текущая обстановка в мире подтверждает справедливость скептицизма тех мыслителей, которые подвергали сомнению такую точку зрения, что все противоречия и конфликты между государствами и народами остались в прошлом, что может быть реализован космополитический проект построения глобального общества, где значение имеют только личностные качества отдельного человека. Напротив, действия некоторых участников социокультурных процессов свидетельствуют об их готовности отказаться от ключевых ценностей, даже от признания безусловной ценности человеческой жизни, если это принесёт пользу; речь идёт о гражданине государства-геополитического противника. В случае объективного конфликта ценностей решение о приоритете одной из них принимается исходя из корыстных политико-идеологических целей. В качестве примера можно указать различные оценки аналогичных геополитических процессов в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Россия в настоящих условиях вынуждена вести борьбу за своё существование в качестве суверенного госу-

дарства, за сохранение своей самобытной культуры. Успех этой борьбы зависит в большей степени от того, какая концепция социокультурного развития будет предложена к реализации. Нельзя допустить, чтобы вместо космополитического проекта реализовывался проект абсолютизации национальной культуры, отрицания ценностей других народов и государств, поскольку негативные последствия этого уже наблюдались в прошлом и привели к громадным потерям. Преступления нынешних властей Украины совершаются под прикрытием риторики прославления Родины и патриотизма. Возникает представление, что мир сегодня стоит перед выбором между двух зол: унифицирующим космополитизмом, где люди и социальные общности теряют свою идентичность, ценность, и национализмом, шовинизмом, который обрекает страны и народы на постоянное противостояние, в том числе в форме горячей войны.

Во многом сходная ситуация была примерно столетие назад, на рубеже и в начале XX столетия, когда шёл выбор между классовыми и национальными ценностями. Тогда так же, как и сейчас, присутствовало

трактование Родины и патриотизма как антиценностей, препятствующих развитию, шло отождествление Родины и государства, структур власти. Весомый вклад в установление истины внесли отечественные философы, которые в своих трудах раскрыли содержание категорий *Родина*, *патриотизм*, указали основные качества патриота. Среди тех, кто занимался этой проблематикой, был Евгений Николаевич Трубецкой, чьё 160-летие со дня рождения отмечалось 5 октября 2023 г. Обращение к идеям выдающегося философа, правоведа, общественного деятеля актуально с нескольких точек зрения. Во-первых, научно-практический интерес наследие Е. Н. Трубецкого составляет для исследователей философской мысли в России, поскольку оно пришлось на во многом сходный по характеру и уровню противоречий период существования России и мира в целом. Во-вторых, анализ представлений философа о Родине и патриотизме позволит уточнить дефиниции данных понятий, более точно раскрыть их содержание. В-третьих, исследование взглядов Е. Н. Трубецкого на патриотизм и Родину будет способствовать определению ключевых положений той системы ценностей, которая может быть положена в основу ключевых справедливых отношений между странами и народами. В работе мы делаем попытку приступить к ответу на поставленные вопросы.

Сущность Родины во взглядах Е. Н. Трубецкого

Анализ трудов Е. Н. Трубецкого, а также исследований его творчества позволяет сделать следующие выводы. Родина, отождествляемая философом с Отечеством, понимается как высшая духовная ценность, святыня. Он особо подчёркивает особый статус Родины как ценности, её отличие от политико-географических или материальных объектов. Государство по своему содержанию глубоко отлично от Родины, их нельзя смешивать, т. к. в этом случае возникает опасность для существо-

вания и развития национальной культуры. Рассмотрение государства как святыни ведёт к эгоцентризму политической элиты, а отказ от признания высшей аксиологической значимости Родины допускает пренебрежение национальной культурной идентичности.

Содержание понятия *Родина* раскрывается через определение её в качестве духовной высшей ценности. Она, по мнению, мыслителя, предстоит человеку, является источником и условием его бытия, а также восхождения к высшим духовным ценностям. Он поддерживает тезис В. С. Соловьёва о том, что Родина является воплощением «земного всеединства» и посредницей всеединства в человеческом обществе [9, с. 504–505]. Из данного рассуждения можно сделать вывод, что Родина рассматривалась философом как объективно существующий, активный субъект, необходимый для достижения идеала личностного и общественного развития. Родина, следовательно, первична по отношению ко многим духовным, материальным и социальным объектам, обладает признаками субстанции. Для объяснения того, что есть Родина, Е. Н. Трубецкой прибегал к образу матери, вступая в полемику с В. С. Соловьёвым, который предлагает связывать Родины с разными женскими обществами. Философ отрицал возможность представления о Родине как о возлюбленной, поскольку человек не выбирает её, а от неё рождается. Понимание Родины как Матери представлялось Е. Н. Трубецкому настолько очевидным, что он был убеждён, что на всех языках она называется именно матерью [7, с. 203]. Заметим, что последнее утверждение нельзя назвать полностью соответствующим действительности, но в целом взгляды философа позволяют указать на следующие качества Родины, которые должны быть отражены в дефиниции данной категории: духовность, доступность для восприятия через свои образы, особая связь с человеком. Родина для мыслителя, прежде всего, духовная Мать, поэтому она является высшей ценностью.

Философ акцентировал внимание на том, что как ценность Родина абсолютна, непоколебима, более того, нет других объектов, ценность которых можно сравнить с ценностью Родины. Аксиологическая характеристика Родины, согласно концепции Е. Н. Трубецкого, такова: эта высшая, единственная, незаменимая ценность [8, с. 307]. Иначе возможны деградация и разрушение ценностной системы, падение уровня мотивации принятия решений, когда побудительной силой выступают корыстные стимулы к обретению комфорта. Тогда нравственные качества личности ухудшаются, становятся возможным предательство своего народа и своей культуры. Мыслитель давал негативную оценку представителям марксистской идеологии за то, что они ставили классовые интересы выше интересов Родины и допускали, а в ряде случаев даже приветствовали поражение своего государства в войне. Но, если для его оппонентов освобождение от эксплуатации было приоритетным, философ, зная, что Родина – фундаментальная ценность, источник всех прочих объектов и субъектов, субстанция, видел в этих настроениях опасную тенденцию к саморазрушению, утрате самобытности национальной культуры.

Продолжая рассуждения на эту тему, мыслитель пришёл к выводу, что отсутствие понимания Родины как святыни означает отказ от признания её функций, сведение её к геополитическому объекту, месту на карте. Понижение статуса Родины в системе ценностей влечёт и другие отрицательные последствия, такие как духовно-нравственное падение, предпочтение личных выгод [3, с. 113–114] или корыстных интересов референтной социальной группы. Философ дал следующее объяснение такому предположению: когда человек считает Родину только одной из ценностей, для него возможно сменить её на что-либо другое [8, с. 306]. Так, для определённых лиц в России и Германии было допустимо поражение своей страны в мировой войне, если это могло способствовать решению классового вопроса и прекращению эксплуатации. Причину такого явно антипа-

триотического поведения Е. Н. Трубецкой видел в том, что носители подобных взглядов рассматривают Родину как совокупность географического пространства и политических институтов, обязанных обеспечить гражданам определённый уровень комфорта. Философ соглашался с тем, что при таком условии ожидать особого отношения к Родине нельзя. Если Родина сводится к условиям материальной жизни, к бытовым особенностям, тогда жертва во имя неё есть попрание интересов и прав личности, призыв к отказу от них во имя комфорта других людей. Е. Н. Трубецкой утверждал невозможность и безумственность «требовать, чтобы человек жертвовал жизнью ради материального благополучия и комфорта, которым после его смерти будут пользоваться другие» [8, с. 308]. Нужно, следовательно, обеспечить понимание человеком Родины как высшей ценности, святыни.

Мыслитель обращал внимание на то, что духовная сущность Родины раскрывается для человека в образах, поэтому очень важно, какими они будут. Одним из источников образа Родины является государство, т. к. многие обстоятельства ставят знак равенства между поддержкой своей Родины и государства, с которым она ассоциируется. Так, например, было во время Отечественных войн. Очень сложно определить, создаёт или нет государство верный образ Родины, отражающий её ключевые характеристики. Но вместе с тем нельзя не принять во внимание, что на данном историческом этапе Родина была связана с государством. Е. Н. Трубецкой справедливо указывал на то, что нельзя допускать замену понимания Родины как конкретного духовного субъекта, чей образ воплощается в государстве, некой абстракцией, равно как и отождествлять Родину и государство. Он ставил задачу «отделить непреходящее, неумирающее от смертного в этой быстро уносящейся действительности» [5, с. 322]. Говоря иначе, мыслитель определил актуальную и в настоящее время цель: отделить духовную сущность Родины, государство как форму её существования и государ-

ство как политический институт, структуру, обеспечивающую господство того или иного общественного класса, принуждающую общество к подчинению. Различение одного и другого является важным звеном в развитии и преемственности поколений.

Разумеется, эта задача сложная, но Евгений Николаевич обращает внимание на то, что может быть средством её решения. Им, как указывает исследователь творчества мыслителя Э. Л. Ковров, является восстановление духовных основ [5, с. 325], т. е. объективный анализ духовных ценностей своей культуры, нравственное преображение личности, обретение Родины в духовно-нравственном акте. В практическом аспекте философ предлагает принять меры к тому, чтобы к реальному управлению приходили бы люди, преданные церкви и Родине [4, с. 87], указывая этим на то, что преобразования должны быть действенными, эффективными, нельзя ограничиваться только декларацией своей приверженности тем или иным нравственным принципам. Для реализации этого правила философ предлагал осведомляться о том, каковы идеалы и духовно-нравственные принципы лица, претендующего на определённый пост.

Следует также отметить, что Родина для мыслителя – понятие всеобщее. Он последовательно отрицал возможность отождествления Родины с политическими, экономическими, этническими объектами, а также то, что Родина является узконациональной ценностью. Рассуждая в 1914 г. о том, как обеспечить верное понимание людьми сущности Родины, мыслитель выдвинул тезис о том, что «необходимо вести себя так, чтобы все те, кто живут в России и связывают свою жизнь с ней, безотносительно к их этнической принадлежности видели и ощущали во России свою великую общую Родину» [10, с. 10].

Итак, мы можем утверждать, что Родина в концепции Е. Н. Трубецкого – духовная субстанция, святая, доступная восприятию через образы, выполняющая функцию единения всех людей, которые связывают с ней величие своих предков и своё развитие.

Патриотизм как предмет исследования Е. Н. Трубецкого

На основе понимания содержания категории *Родина* философ выстраивает свою позицию по отношению к патриотизму. Она особо важна потому, что преодолевает недостатки национализма и космополитизма, поэтому будет целесообразным провести её анализ в сопоставлении с соответствующими концепциями. Е. Н. Трубецкой многократно подчёркивал глубокие отличия патриотизма от национализма. Национализм в его понимании является восхвалением своей нации, признанием всех элементов её культуры эталоном, отрицанием положительного творческого потенциала других народов. В 1914 г. он, противопоставляя русский патриотизм и немецкий национализм, вывел следующую формулу их различия. Для немецкого националиста существует только одна нация – немецкая, остальные должны быть уничтожены, тогда как русский патриотизм – залог возможности инородцам существовать и развиваться. Патриотизм виделся исследователю как консолидирующая идея, преодолевающая социальные, имущественные, политические, этнические различия между людьми. Патриотизм, согласно концепции мыслителя, объединяет «в одно целое все народы великой империи» [10, с. 10].

Мы можем указать на то, что отличие патриотизма и национализма заключено, по мнению философа, в том, соответствуют или нет оценке своей и иной культуры объективному положению дел, а также в том, какое будущее для себя и мира планирует носитель идеи патриотизма или национализма. Националист оправдывает любые недостатки своей культуры, все же прочие народы для него являются лишь средством для достижения своей цели, их можно ассимилировать, но нельзя уважать или бережно относиться к ним. Патриот же готов видеть достоинства и недостатки как чужих народов, так и своего, более того, по представлениям Е. Н. Трубецкого, всякая народность должна рассматривать-

ся как святыня [2, с. 93]. Философ призвал видеть в каждом народе духовную личность, которая достойна уважения. Следует отметить, что этот тезис относится как иным народам, так и к своему. Так, переживая события в России после революции, он высказал надежду на возвращение к Отечественным святыням, возрождение русского народного самосознания и сделал вывод о том, что это «имеет не местное только, а общее мировое значение» [2, с. 97], указывая на то, что нельзя допускать пренебрежительное отношение к своему народу, самоуничтожение.

Утверждение духовно-нравственной ценности каждой нации отрицает возможность унификации народов, приведение многообразия жизни к единому образцу, требует индивидуального, особого пути развития и преодоления недостатков для каждого народа. Философ указывал на то, что можно оценивать те или иные черты характера представителей иного народа как сугубо отрицательные, воспринимать отдельные их действия как деструктивные, подлежащие коррекции, но нельзя требовать уничтожения какого-либо народа, вычёркивания его заслуг из летописи мировой культуры.

Справедливо полагая, что недостатки или какие-то негативные характеристики других народов замечаются чаще, философ акцентировал внимание на том, что любовь к Родине, к своему народу требует внимания к отрицательным чертам национальной культуры. Патриотизм как любовь к Родине отрицает возможность идеализации своего народа, выдачу негативных черт за положительные. Философ подчёркивал несовместимость патриотизма и примирение с национальными недостатками, прославление их. Как отмечает С. В. Кузнецова, он связывает патриотизм с пробуждением национальной совести, т. е. переживания ответственности за расхождение с идеалом и формирования потребности изменить это положение, стать лучше [6, с. 132]. Патриотическая идея, согласно концепции мыслителя, предусматривает, что объектом любви является

лучшее, что есть в национальной культуре, то, что может послужить всему человечеству. Е. Н. Трубецкой указывал на то, что любовь к Родине – это любовь к духу народа, нравственное чувство. Она объективно усиливается, акцентируется в минуты опасности для национальной культуры, её самобытного развития. Так, в письме к М. К. Морозовой от 19.03.1915, во время Первой мировой войны, мыслитель констатирует «особенный подъём любви ко всему русскому» [2, с. 93].

Граница между патриотизмом и национализмом, согласно воззрениям Е. Н. Трубецкого, достаточно хрупка. М. Л. Бурова подчёркивает, что, по мнению философа, патриотизм отрицает национализм, но может стать источником его развития, т. е. патриотизм может исказиться до национализма. Если в основе патриотической идеи нет обретения в духовно-нравственном акте Родины как духовной святыни, она становится идеологическим инструментом, который используют политические силы, стремясь к своей выгоде. В этом случае патриотизм можно назвать государственным, т. е. конструируемым государственным аппаратом, его основания носят эгоистический или приспособленческий характер [1, с. 113]. Е. Н. Трубецкой указывал на пример Германии начала XX в., где перерождение патриотической идеи в национализм уже произошло. [6, с. 131]. Причина этого перерождения виделась мыслителем в возведении немцами своей нации в кумиры, в поклонении Германии как идолу. Это побудило философа обратиться к отечественному опыту. В русской истории он нашёл примеры национализма, сходного с немецким. Но оговаривается, что это были отдельные случаи, причём их появление было продиктовано желанием подражать Европе. Он подчёркивал, «что национализм не есть порождение русского народного гения, а всего только плохой перевод с немецкого, неудачное подражание» [10, с. 9], и положительно оценивал перемены, связанные с тем, что, столкнувшись с агрессией Германии, перед лицом опасно-

сти русский народ отверг национализм и осознал своё достоинство и единство.

Истинный патриотизм отрицает присущее национализму восхваление своего народа и пренебрежение другими, а также отрицание ценности любого конкретного народа ради так называемых общечеловеческих ценностей. Идея появления человека вообще, у которого нет своей Родины, рассматривалась мыслителем отрицательно. Философ согласен с тезисом В. С. Соловьёва, согласно которому в этом случае отрицается уважение к лицу, к культуре, выхолащивается духовное содержание жизни. Космополитизм для Е. Н. Трубецкого является негативной и разрушительной идеологией. Он подчёркивает, что «всенародное не есть безнародное: в мессианстве народности не упраздняются, а объединяются между собою» [11, с. 350], следовательно, каждый народ любит свою Родину, развивает своё Отечество, и только совместные усилия народов приводят человечество к идеалу.

Космополитизм, унификация народов осуждалась мыслителем и в том случае, когда в качестве средства реализации такой модели предполагается использовать отечественные идеалы и образцы. Он указывает на ошибочность отождествления в концепции славянофилов вселенского и русского, замеченное им в некоторых трудах мыслителей. Следует отметить, что в целом позиция славянофилов, отстаивающих ценность русской культуры, её самобытность, получает у Е. Н. Трубецкого положительную оценку, но он последовательно критиковал попытку представить ценности русской культуры в качестве универсального инструмента решения проблем любого народа. Он отвергал оценку русского народа как народа исключительного, который выше и значимее других, для него он один из народов, призванных совершать дела Божии, «...восполняя свои ценностные особенности столь же ценными качествами других народов-братьев» [11, с. 350]. Народы мира, по его мнению, должны быть едины в своём решении ключевых задач, но идти к цели по-своему, т. е.

единство всемирной культуры должно реализовываться через многообразие её национальных выражений [11, с. 380].

Необходимость своего пути развития каждого народа, своей оригинальной модели организации своего бытия обосновывается философом следующим образом. Как верующий человек, он был убеждён, что следование своему пути есть Божье предопределение, Божий промысел. Мыслитель заявлял, что «у каждого народа своё служение, своё призвание и своя миссия в Царстве Божием. Иного решения не может быть с точки зрения религии универсальной, которая стоит на том, что в доме Отца Небесного обителей много» [11, с. 343]. Из этого делается вывод, что необходимо знать и развивать позитивные черты характера народа, поддерживать его стремление к самосовершенствованию. Вместе с тем Е. Н. Трубецкой сделал важное замечание о том, что собственный путь каждого народа – это только вариант общечеловеческого пути. «Но индивидуальное в народе получает содержание и смысл от общечеловеческого, сверхнародного. Без всеобщего, универсального исчезнет и индивидуальное» [11, с. 394].

Философ продолжает логическое развитие тезиса о важности развития каждого народа, указывая на то, что оно может идти в разных направлениях, включая формирования собственной философской концепции. Е. Н. Трубецкой предлагает «дать законченную русскую теорию познания» [2, с. 93], т. е. уйти от подражания и следования инокультурным принципам не только в сфере обустройства хозяйства и совместного быта, но и сформулировать оригинальные основы постановки и решения любого вопроса, в том числе имеющего мировоззренческое значение. Можно сделать вывод, что для мыслителя было бы недостаточно наблюдать внешние отличия народов и организации их жизни друг от друга, в самосознании должны находить отражения самобытные качества, полученные от Родины.

Философ объяснял, при каких условиях патриотизм сохраняет статус высшей цен-

ности, гарантирует единство народа, развитие личности и общества, их духовное совершенствование. Основой национальной идеи должны быть нравственные принципы без допущения эгоистических установок. Народ должен быть духовно един, необходимо реальное ощущение святости своей земли, в любви к Родине должна отсутствовать корысть. Главное же состоит в необходимости особой, значимой для всего человечества цели, которая объединяет нацию. В период Первой мировой войны, на который приходится размышления мыслителя, такая цель у России была. Эта цель – освобождение и раскрепощение народов, которую Е. Н. Трубецкой характеризует как сверхнародную [10, с. 8]. Достижение этой цели сопряжено созданием благоприятных условий развития для всех народов мира, включая народы России. Внутри они должны состоять в обеспечении того, чтобы Россия воспринималась как Родина, т. е. величайшая святыня, всем населением. За пределами российского государства нужно, чтобы население наглядно убедилось бы в том, что «благо России есть вместе с тем и их благо, а отношение к мирным людям – доброжелательное и человеческое» [10, с. 10]. Е. Н. Трубецкой сделал вывод, что, следуя высокой нравственной цели, выполняя долг помощи народам мира, русский народ осознаёт, что это дело идёт во благо как своей Родины, так и человечества в целом, понимает правоту служения Родине как святыне, и, следовательно, «патриотическое служение – это служение сверхнародному идеалу» [10, с. 27].

Заключение

В заключении мы можем сделать следующие выводы. Анализ взглядов Евгения Николаевича Трубецкого представляется научно и практически значимым, поскольку даёт возможность лучше узнать то, какие проблемы и как были в центре внимания отечественной философии, а значит, понять, почему те или иные события происходили определённым способом и скорректировать воздействие на субъекты и

объекты в сходных условиях. Необходимо заметить, что период творчества философа по многим социокультурным характеристикам близок к тому, что мы переживаем сейчас, поэтому его выводы можно применить к текущим событиям и действиям социально-политическим субъектов. Понимание Е. Н. Трубецким содержания категории *Родина* подтверждает тезис о том, что она есть духовная личность, первичная по отношению к человеку и условиям его жизни, рождающая всё и выступающая в роли Великой Матери. Человеку Родина является через свои образы, один из которых создаётся в процессе создания и функционирования государства. Родину и государство нельзя отождествлять, но также нельзя безразлично относиться к духовно-нравственным качествам государственных деятелей и членов управленческого аппарата. На наш взгляд, рекомендация философа допускать к управлению только лиц, чей образ жизни и мысли соответствует высоким нравственным идеалам, сейчас особенно актуальна. Значима также мысль Е. Н. Трубецкого о том, что аксиологический статус Родины может быть только высшим, это святыня. Эмпирические данные о поведении отдельных субъектов подтверждают тезис философа о том, что, если у человека нет понимания Родины как святыни, то он готов предпочесть ей что-то ещё, иногда идя на предательство для получения желаемого. Исследовав позицию мыслителя, мы приходим к выводу, что адекватная дефиниция категории *Родина* может быть сформулирована так. Родина – это духовная личность, воспринимаемая через разные образы, ключевой из которых – образ Матери. Она является источником материального и духовного бытия человека, предпосылкой и целью объединения людей. Как духовно-нравственный фундамент Родина является святыней, высшей ценностью. Её бытие связано с государством, но государство может быть формой существования Родины только в случае, когда власть находится у людей с высокими духовно-нравственными качествами. Такая дефиниция Родины

позволяет сформулировать программу воспитания, направленную на духовно-нравственное развитие человека, устранить ошибки, связанные с политизацией категории Родины.

Надо подчеркнуть, что концепция Родины, нашедшая отражение в трудах Евгения Николаевича Трубецкого, сегодня особенно актуальна, она ярко свидетельствует о том, что нельзя без нравственного анализа воспринимать действия или высказывания представителей власти, определённых социальных групп. Как в начале XX столетия, так и сейчас нельзя отрицать национальное государство в целом, это будет большой ошибкой, которая закроет возможности исправления недостатков, развития национальной культуры, но нужно установить, что именно препятствует народам России реализовывать свой созидательный творческий потенциал, добиться изменения соответствующих параметров государства.

Другой мыслью философа, которую необходимо внедрить в повседневную практику, является тезис о том, что отношения между народами должны строиться на основе принципа патриотизма. Аргументы мыслителя против национализма и космополитизма применимы к современности, мы можем на практике убедиться в том, к чему приводят попытки утвердить свою нацию и своё государство в качестве единственной ценности, исключительного субъекта, которому дано право поступать по своему желанию, а равно и попытки нивелировать культурные различия, привести образ жизни всех народов к единому знаменателю. Из рассуждений философа становится ясно, что человечество должно прийти к пониманию того, что является высшей целью и идти к ней самостоятельно, выявляя недостатки у себя и других и способствуя их исправлению. При решении каждого конкретного вопроса необходимо руководствоваться единым духовно-нравственным идеалом и оригинальными положительными качествами национальной культуры. Особую практическую значимость приобретают

сегодня идеи Е. Н. Трубецкого о том, что патриотическая идея требует утверждения в самобытной системе познания, внедрения в жизнь собственной меры и оценки действий и событий. Следует согласиться с тем, что попытка описания явлений одной культуры в терминах другой всегда оставляет возможность искажения или пропуска чего-то существенного, значимого.

Для обеспечения позитивного будущего России и человечества следует прислушаться к рассуждениям о том, как возможен переход от патриотизма к национализму. Следует заметить, что сегодня мы наблюдаем в некоторых странах процессы, которые можно классифицировать именно так. Патриотизм необходимо, как указывал Е. Н. Трубецкой, возвращать осторожно, сообразуясь с нравственными принципами, избегая формализма и искажения действительности.

В качестве ключевой, основополагающей рекомендации философа следует рассматривать указание на то, что духовно-нравственное развитие России и её народа может осуществляться только при наличии высокой цели. В начале и середине XX столетия такой целью было освобождение народов, достижение её подняло авторитет государства и убедило людей в ценности Родины. Сегодня судьба России зависит от того, насколько последовательно и убедительно мы будем следовать по пути достижения этой же цели сейчас, создавая для всех народов доброжелательные и человеческие условия бытия.

Мы можем прийти к заключению о том, что многие из идей Е. Н. Трубецкого находят подтверждение в современной практике, что делает актуальным обращение к советам философа в вопросах формирования органов власти, патриотического воспитания, постановки тактических и стратегических задач общественного и государственного развития, выстраивания системы отношений с другими народами.

Статья поступила в редакцию 15.09.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурова М. Л. Национализм и патриотизм в философии истории Е. Н. Трубецкого // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 1. С. 108–114.
2. Гаврилов И. Б. К характеристике религиозно-философского мировоззрения князя Е. Н. Трубецкого // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 3 (15). С. 79–104.
3. Гущина В. Н. Е. Н. Трубецкой об основаниях общественности // Булгаковские чтения. 2012. № 6. С. 107–115.
4. Досекин Е. С. Евгений Николаевич Трубецкой – общественный и политический деятель. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2014. 115 с.
5. Ковров Э. Д. Вечная Россия Евгения Николаевича Трубецкого // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XX международной научной конференции, Иваново, 30–31 марта 2022 г. Иваново: Ивановский государственный университет, 2021. С. 321–325.
6. Кузнецова С. В. Национальная идея в историософии Е. Н. Трубецкого // Ценности и смыслы. 2017. № 6 (52). С. 127–134.
7. Национализм: Полемика 1909–1917 / сост. М. А. Колеров. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 237 с.
8. Трубецкой Е. Н. Избранные произведения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 512 с.
9. Трубецкой Е. Н. Мировоззрение В. С. Соловьёва: в 2 т. Т. 1. М.: Медиум, 1995. 606 с.
10. Трубецкой Е. Н. Смысл войны. Вып. 1. М.: Путь, 1914. 46 с.
11. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 432 с.

REFERENCES

1. Burova M. L. [Nationalism and Patriotism in E. N. Trubetskoy's Philosophy of History]. In: *Manuskript* [Manuscript], 2020, vol. 13, no. 1, pp. 108–114.
2. Gavrilo I. B. [Characterizing Prince E. N. Trubetskoy's Religious and Philosophical Worldview]. In: *Tруды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии* [Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy], 2022, no. 3 (15), pp. 79–104.
3. Gushchina V. N. [E. N. Trubetskoy on the Foundations of the Public]. In: *Bulgakovskie chteniya* [Bulgakov Readings], 2012, no. 6, pp. 107–115.
4. Dosekin E. S. *Evgenij Nikolaevich Trubeckoj – obshchestvennyj i politicheskij deyatel'* [Evgeniy Nikolaevich Trubetskoy – Public and Political Figure]. Samara, Samara State Institute of Culture Publ., 2014. 115 p.
5. Kovrov E. D. [Eternal Russia of Evgeniy Nikolaevich Trubetskoy]. In: *Gosudarstvo, obshchestvo, cerkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov: materialy XX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Ivanovo, 30–31 marta 2022 g.* [State, Society, Church in the History of Russia of the 20th–21st centuries: materials of the 20th International Scientific Conference, Ivanovo, March 30–31, 2022]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2021, pp. 321–325.
6. Kuznecova S. V. [National Idea in the Historiosophy of E. N. Trubetskoy]. In: *Cennosti i smysly* [Values and Meanings], 2017, no. 6 (52), pp. 127–134.
7. Kolerov M. A., comp. *Nacionalizm: Polemika 1909–1917* [Nationalism: Polemics 1909–1917]. Moscow, Dom intelektual'noj knigi Publ., 2000. 237 p.
8. Trubetskoy E. N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Essays]. Rostov on Don, Feniks Publ., 1998. 512 p.
9. Trubetskoy E. N. *Mirosozercanie V. S. Solov'yova. T. 1* [Worldview of V. S. Solovyov]. Moscow, Medium Publ., 1995. 606 p.
10. Trubetskoy E. N. *Smysl vojny. Vyp. 1* [The Meaning of War. Iss. 1]. Moscow, Put' Publ., 1914. 46 p.
11. Trubetskoy E. N. *Smysl zhizni* [The Meaning of Life]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 432 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чикаева Татьяна Александровна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Московского художественно-промышленного института;

e-mail: umoi@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana A. Chikaeva – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Moscow Art and Industrial Institute;

e-mail: umoi@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чикаева Т. А. Об актуальности и научно-практической значимости суждений Е. Н. Трубецкого о Родине и патриотизме // *Современные философские исследования*. 2023. № 4. С. 47–57.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-47-57

FOR CITATION

Chikaeva T. A. On The Relevance and Scientific and Practical Significance of the Judgments of E. N. Trubetskoy about the Motherland and Patriotism. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 4, pp. 47–57.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-47-57

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 111.5

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-58-70

ПЕРЕВЁРНУТАЯ ИСТИНА

Кудряшев А. Ф., Елхова О. И.

Уфимский университет науки и технологий

450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить онтологические характеристики, присущие определённой форме истины, названной авторами *перевёрнутой истиной*, путём критического анализа её различных модификаций в контексте истинных и неистинных высказываний.

Процедура и методы. В качестве методологического основания в работе используется онтологический подход, в рамках которого перевёрнутая истина выступает как модус проявления бытия, составляющий содержание многоаспектной проблемы. В исследовании были использованы принципы диалектической методологии: объективности, всесторонности рассмотрения изучаемого объекта.

Результаты. Выявлены существенные различия между перевёрнутой истиной и амбивалентной истиной (антиномией). Различия заключаются в том, что в случае перевёрнутой истины происходит дизъюнктивное соединение неперевернутой и перевёрнутой истины, в то время как в амбивалентной истине (антиномии) обе стороны равноправны. В отличие от двойственной истины, где между божественными откровениями и истинами науки нет конфликта, перевёрнутая истина также находится в противоречии с общепринятыми истинами. Установлено, что перевёрнутая истина отличается от отрицательной истины тем, что допускает существование неперевернутой истины за пределами сферы, где она формально не применима, в то время как отрицательная истина ориентирована на отрицание существования объекта. Отмечается онтологическое расширение сферы рассмотрения: к действительному миру с его истинностными отношениями «А есть В» перевёрнутая истина добавляет дополнительный мир «А есть не В», позволяя рассмотреть также вариант «А есть В и не В» как форму индифферентного суждения. Разобрано на примерах бытийствование перевёрнутой истины, среди них: утопии, а также антиутопии; трикстеры; розыгрыши в жанре «фикшн»; виртуальные миры; фейк-новости и др.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в концептуализации онтологического содержания перевёрнутой истины, способствующей формированию и развитию общеметодологического основания её научной рефлексии. Результаты работы могут служить основой для дальнейших исследований проблемы построения философско-научной картины мира, элементом которой является перевёрнутая истина.

Ключевые слова: *ad hoc*-интерпретация, истина, онтология, перевёрнутая истина, розыгрыш в жанре «фикшн», фальсификация, фейк-новости

INVERTED TRUTH

A. Kudryashev, O. Elkhova

Ufa University of Science and Technology

ul. Zaki Validi 32, Ufa 450076, Republic of Bashkortostan, Russian Federation

© СС ВУ Кудряшев А. Ф., Елхова О. И., 2023.

Abstract

Aim. To identify the ontological characteristics inherent to a specific form of truth referred to as inverted truth by the authors, through a critical analysis of its various modifications in the context of true and false statements.

Methodology. The research utilizes an ontological approach as its methodological foundation, within which the inverted truth functions as a mode of existence and represents a multifaceted problem. The study employs principles of dialectical methodology, including objectivity and the comprehensive consideration of the subject under study.

Results. Significant distinctions between the inverted truth and ambivalent truth (antinomy) have been revealed. These distinctions lie in the fact that in case of the inverted truth there is a disjunctive connection between the non-inverted and inverted truth, whereas in ambivalent truth (antinomy) both sides are considered equal. Additionally, unlike dualistic truth where there is no conflict between divine revelations and scientific truths, the inverted truth contradicts commonly accepted truths. It has been established that the inverted truth differs from the negative truth in allowing the existence of non-inverted truth beyond the sphere where it is formally non-applicable, while the negative truth is oriented towards negating the existence of an object. The ontological expansion of the consideration scope is noted: to the real world with its truth relations "A is B", the inverted truth adds an additional world "A is not B", allowing us to consider the option "A is B and not B" as a form of indifferent judgment. The existence of the inverted truth is demonstrated through a number of examples, including utopias and dystopias, tricksters, practical jokes in the genre of fiction, virtual worlds, fake news, and others.

Research implications. The study conceptualizes the ontological content of the inverted truth, contributing to the formation and development of the general methodological basis of its scientific reflection. The results of the work can serve as a basis for further research on creating a philosophical-scientific worldview, an element of which is the inverted truth.

Keywords: ad hoc interpretation, truth, ontology, inverted truth, practical joke in fiction, falsification, fake news

Введение

Данной работой мы хотим привлечь внимание к особенностям, которыми обладает выделенная нами разновидность истины и которую предлагается называть *перевёрнутой истиной*. Несмотря на то, что эта форма истины регулярно проявляется в разнообразных сферах деятельности и обладает свойством парадоксальности, которое искусно подчёркивается в ряде известных произведений классической литературы, она, по каким-то неясным нам причинам, осталась вне поля зрения философов и не подвергалась специальному изучению. Вместе с тем она может служить и средством имитации своего двойника – исходной, *неперевёрнутой истины* – с софистической целью «доказать недоказуемое» [8]. Собственно говоря, речь идёт не об истине и неистине как таковых, а об истинных и неистинных высказываниях. Тем не менее, будем считать, что мы догово-

рились относительно того, какую именно концепцию истины полагаем справедливой, и значит, мы знаем, что такое истина и что такое ложь. Для любителей большей конкретности пусть, например, ото лжи истина отличается посредством критериев верификации и фальсификации. В данном контексте слово *перевёрнутый* используется для описания нестандартных характеристик для указания на несоответствие здравому смыслу, устоявшимся научным представлениям и рациональным нормам.

Хотя истина обычно рассматривается в рамках гносеологии, мы будем исследовать её связь с онтологическими основами. Подход к этой связи будет прояснён в последующих рассуждениях. *Перевёрнутая истина* также является формой истины, противоположной *неперевёрнутой истине*. Таким образом, перевёрнутая истина оказывается неистинной в контексте, когда истиной является её отрицание.

Парадоксальная природа перевёрнутой истины

Идеи, близкие перевёрнутой истине, давно известны, но, несмотря на это, данный тип высказываний почему-то не вызывал к себе большого интереса. Пример подобного рода высказываний находим у Л. Витгенштейна, где говорится о том, что «каждое высказывание по сути своей может быть истинным или ложным. Для понимания этого нам нужно знать, в каких случаях оно является истинным, а в каких – ложным» [цит. по: 4, с. 24]. Таким образом, каждое высказывание имеет два полюса, связанных с его правдивостью и ложностью. Попытка объединить эти два противоречивых значения может привести к созданию парадоксального результата.

Например, подобные совмещения характеризуют и художественное, и эпистолярное творчество Марины Цветаевой. Известный исследователь её обширного наследия Майя Япон, наряду с его обобщённой оценкой, выделяет в нём следующие парадоксальные сочетания. Марина Цветаева «...безапелляционно отрицает то, что только что утверждалось...»: «любила многих, никого не любила»; «эта книга ... – Это не книга»; «...Вы меня не знаете ... – и знаете...»; «Ты веселишься ... Не ты веселишься»; «Нас нигде не будет, мы будем ВЕЗДЕ» [9, с. 231]. Очевидность противоречий самой себе не только словно выпячивается из текстов поэта, но и намеренно создаётся их автором в первоизданном, и потому примитивном виде. «Такое “да-нет” у Цветаевой нерасчленимо: это почти синхронная вербализация двух полярных смыслов, схваченная на лету амбивалентная истина. В подобных случаях мы наблюдаем не что иное, как смысловой исход парадокса, парадокс-примитив, – металогизм в чистом виде» [9, с. 231].

«Амбивалентная истина» – так называется смысловое соединение типа «да-нет» Майя Япон. Мы знаем и другое его название: *антиномия*. Однако в случае с перевёрнутой истиной речь идёт о другом. Для начала сопоставим перевёрнутую ис-

тину с тем, что называется антиномией и двойственной истиной. В антиномии обе её стороны одинаково равноправны и полагаются одновременно истинными, здесь нет перевёрнутой истины. Неперевёрнутая и перевёрнутая истины соединены не конъюнктивно, а дизъюнктивно (в одном и том же отношении истинно или то, или другое). Аналогично то, что в богословии называется двойственной (или двойной) истиной, так же не даёт примера перевёрнутой истины. В случае двойственной истины различают божественные откровения и истины науки, причём первые относятся к области потустороннего мира, а вторые – к области посустороннего мира. По этой причине, исходя из данных обстоятельств, не существует оснований для появления какого-либо конфликта между ними [3]. Перевёрнутая истина, напротив, вступает в конфликт со своим двойником – истиной общепринятого типа. Пример двойственной истины: мир одновременно и вечный, и тварный (данной проблеме уделили значительное внимание Ибн Сина и другие арабские мыслители, не находившие в таком сочетании понятий никакого формального противоречия).

Добавим ещё, что перевёрнутая истина, хотя и непосредственно связана с понятием *отрицательная истина*, – всё же другое понятие. Отрицательная истина, по существу, подразумевает экзистенциальное суждение и противопоставлена положительной истине: в то время как вторая утверждает существование определённого объекта, первая отрицает его существование. В перевёрнутой истине экзистенциальный момент в его отрицательном смысле, безусловно, присутствует, но только косвенным образом. Превалирует же в ней положительная сторона, не сводимая не только к этому отрицательному моменту, но и к экзистенциальному элементу вообще и утверждающая её истинность (она же истина!) за пределами области, где её не может быть.

Стоит обратить внимание на онтологическое расширение сферы рассмотрения: к действительному миру с его истинными отношениями «А есть В» перевёр-

нутая истина добавляет мир «А есть не В», противоположный по смыслу, к которому, в принципе, можно добавить мир, соответствующий «А есть В и не В», как это сделал Н. А. Васильев в своей воображаемой логике с законом исключённого четвёртого и назвавший третью форму суждения «индифферентным суждением», почему этот третий мир можно называть «индифферентным» (два первых суждения названы им, соответственно, «простое утверждение» и «простое отрицание»). Любопытно отметить формальное сходство утвердительного, отрицательного и индифферентного суждений с тремя основоположениями «Наукоучения» И. Г. Фихте (точнее, речь идёт о его первом «Наукоучении»): «Я есть Я», «Я есть не-Я», «Я есть Я и не-Я». Фихтевское «Наукоучение» приспособлено для раскрытия содержания деятельностного отношения субъекта («Я») к окружающему его миру («не-Я»). Вместе «Я» и «не-Я» составляют у Фихте единый мир субъективной деятельности, тогда как в нашем случае выделение утвердительного и отрицательного («перевёрнутого») миров происходит по формальному признаку прямого отрицания.

Перевёрнутая истина: анализ конкретных примеров

Распространёнными примерами, иллюстрирующими перевёрнутую истину, могут служить образы различных литературных «оборотней», населяющих многочисленные сказочные миры, включая, если брать российскую литературу, фантастические миры молодого Н. В. Гоголя, а до него – романтические баллады В. А. Жуковского, тогда как несколько позже – вполне реалистическую трилогию А. В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина». Тема «оборачивания» («переворачивания»), как мы знаем, имеет методологическое продолжение в виде мощного эвристического средства – оборачивания метода, о чём в своё время хорошо высказался К. Маркс, имевший в виду, прежде всего, методы математики.

Кратко предварим последующие рассуждения их общим планом.

Задача 1. Найти для явно ложного суждения (например, $2*2=5$) интерпретацию, делающую его истинным. Такая интерпретация будет приспособленной для каждого конкретного случая, и потому назовём её *ad hoc*-интерпретацией. Здесь перевёрнутая истина обозначает скорее исключение из правил и не вписывается в теоретический стандарт рассуждений, в которых истинность исходного суждения выглядит законом, подразумевающим подчинение модальности долженствования («так должно быть») [8]. По существу, речь идёт о мире действительного бытия, к которому принадлежим и мы все, но в котором имеются необъяснимые явления, нарушающие привычное течение событий.

Задача 2. Ставится задача определения самой возможности мира и его онтологии, где нормой и правилом являются те ненормальные для действительного мира явления, которые соответствуют введённому нами понятию перевёрнутой истины, а то, что обычно и правильно для действительного мира, здесь выглядит неуместным. Онтология же понимается в традиционном смысле, а именно как учение о бытии, т. е. определённая система знаний, не содержащая внутренних противоречий, по крайней мере, в их явной форме. Отличие учения от теории можно видеть в том, что в теории формулируются её законы, а в учении даются формулировки правил, которые, в отличие от законов, знают исключения. Подобные миры, если они в каком-то смысле существуют, следует относить к воображаемым и возможным мирам [8]. Однако их существование как возможных выглядит совершенно неочевидным, поскольку степень абстрактности здесь так высока, что они способны превращаться в невозможные миры.

Обсуждаем конкретные примеры. В них мы пытаемся найти ответ на вопрос о степени недостоверности описываемого в примерах мира, для чего ищем в нём элементы, делающие его невозможным.

1. *Гулливер* (Дж. Свифт). В книге (1726) о путешествиях Гулливера четыре части, две из которых известны более всего и рассказывают о пребывании Гулливера в Лилипутии и стране великанов. Недостоверность происходящего проистекает не только из-за размеров обитателей этих стран (12-кратный уменьшенный масштаб лилипутов и 12-кратный увеличенный масштаб великанов), но уже изначально из-за отсутствия на географической карте Земли таких «стран». Интереснее две другие части «Путешествий», где есть летающий населённый остров Лапута, страна Глаббоддриб с жителями, вызывающими для бесед тени умерших, страна Лаггнегг с бессмертными старцами, обречёнными на болезни.

2. *Алиса в стране чудес* (1864), *Алиса в Зазеркалье* (1871) Л. Кэрролла. Здесь собрано невероятное количество парадоксальных ситуаций, объясняемых «сонной» направленностью сказок. Среди этих ситуаций, например, автономно существующая улыбка (лучше переводить – "оскал", поскольку в оригинале употреблено слово grin) Чеширского Кота. А во сне может быть всё, что угодно, т. е. и то, что в жизни никогда не может встретиться.

3. *Тот самый Мюнхгаузен*. Целый арсенал невероятных событий собран под именем Мюнхгаузена (Р. Э. Распе, 1785; Г. А. Бюргер, 1786). Два равноправных автора историй про Мюнхгаузена стоят рядом не случайно: Бюргер вернул на родную немецкую почву, причём в значительно более расширенном виде, анекдоты, которые первым литературно обработал Распе, – хотя и немецкий писатель, но сбежавший в Англию и опубликовавший свою книгу о Мюнхгаузене на английском языке. Однако для наших иллюстраций перевёрнутой истины, пожалуй, больше подходит история про Мюнхгаузена, рассказанная Г. И. Гориным (1974) и положенная в основу сценария для популярного у зрителей двухсерийного телефильма М. А. Захарова «Тот самый Мюнхгаузен» (1979).

4. *Королевство кривых зеркал* (В. Г. Губарев, 1951). Виновниками страданий лю-

дей в Зазеркалье являются правители, представляющие подданных смотреть в кривые зеркала. Моральный вывод сказки – жить во лжи нельзя, однако в жизни целого общества невозможно пребывать всегда и везде в одной только истине, которую правда не может заменить. Любопытно, что героиня сказки Оля после внедрения в Зазеркалье жизни по правде там не остаётся, а возвращается в изначально более сложный мир, который занимает срединное положение между двумя мирами («жизни во лжи» и «жизни по правде»).

5. «*Чайник Рассела*» (1952). В своём знаменитом парадоксе Б. Рассел выдвигает тезис, в котором утверждается об обращении между Землёй и Марсом по эллиптической орбите вокруг Солнца фарфорового заварочного чайника. Мыслитель при этом предусмотрительно добавляет: поскольку чайник так мал, что он не фиксируется даже сверхмощными новейшими телескопами, то никто не сможет опровергнуть его тезис. Пример «Чайника Рассела» становится яркой иллюстрацией того, как перевёрнутая истина опровергает устоявшиеся научные парадигмы. Абсурдный образ чайника, орбитально движущегося вокруг Солнца, демонстрирует, что даже кажущиеся невозможными сценарии могут быть предметом рассмотрения. В таком контексте перевёрнутая истина функционирует как инструмент для разрушения наших стереотипов и побуждения к более глубокому анализу того, что мы принимаем как самоочевидное.

6. *Утопии*, а также *антиутопии* нами осмысливаются как фантастические миры, принципиально содержащие перевёрнутые истины, что делает их невозможными с точки зрения превращения в действительность. Можно напомнить, что слово «утопия» имеет двойственное толкование: это и «место, которого нет», и одновременно «страна блаженства». Вместе с тем, как всем нам известно, некоторые утопические проекты со временем способны воплощаться в действительность, которая даже может превосходить ожидания. Но в любом подобном случае, идеальный и более

общий компонент утопического проекта принимает конкретную форму, трансформируясь в свою реалистическую модель, причём менее общего характера. Кроме того, размещение утопии во временной контекст противоречит её вневременному смыслу. В результате мы имеем дело уже не с самой утопией как таковой, а с её заместителем, очень похожим на неё аналогом, допускающим не только мысленные, но и социальные, физические и другие материальные эксперименты.

7. *Трикстеры* (от англ. *trickster* – обманщик, ловкач). Согласно К. Г. Юнгу, трикстер – это коллективное бессознательное, наделённое чертами, выделяющими своего носителя из окружения за счёт нарушения им общепринятых норм поведения. Трикстеры исповедуют как раз перевёрнутую истину, потому-то они в окружающем мире выглядят инородцами, исключениями из правил. Мир трикстеров разнообразен: их много и в реальной земной жизни, и среди персонажей литературных и иных художественных произведений (юродивые, князь Мышкин, да и сам Фёдор Михайлович, автор «Идиота», обладал чертами, идентифицируемыми как признаки трикстера).

8. *Розыгрыши в жанре «фикшн»* – это организованная шутка (розыгрыш), основанный на создании вымышленных событий, историй или утверждений, которые могут быть восприняты как реальные. Культовый розыгрыш в жанре «фикшн» представлен радиопостановкой Орсона Уэллса «Война миров», который вышел в эфир 30 октября 1938 г. В передаче был задействован стиль повествования, имитирующий новостной репортаж о вторжении марсиан на Землю. В течение передачи использовались реалистичные диалоги, эффекты звуков и акцентированное повествование, чтобы создать иллюзию того, что происходящее действительно является новостью. Этот розыгрыш вызвал панику среди многих слушателей, которые приняли вымышленное вторжение марсиан за настоящую угрозу, некоторые люди даже начали покидать свои дома, боясь атаки марсиан. Стоит также

отметить интересный случай, связанный с розыгрышем С. А. Курехина, когда 17 мая 1991 г. по Ленинградскому телевидению была показана телепередача с названием «Ленин – Гриб». В этой телепередаче была представлена абсурдная идея, согласно которой Ленин был не только человеком, но и одновременно грибом и даже радиоволновой. Большая часть воспринимали розыгрыш как забавное развлечение, понимая абсурдность ситуации. Однако, как и в случае с «Войной миров», находились и те, кто воспринял представленную нелепую идею всерьёз [1]. Другой пример розыгрыша в жанре «фикшн» связан с утверждением, что Земля на самом деле имеет форму плоского диска вопреки научным представлениям о её сферической форме. Эта альтернативная концепция стала популярной в современной культуре благодаря интернету и социальным сетям, где она находит своих сторонников и привлекает внимание широкой аудитории. В настоящее время уже даже подростки активно обсуждают идею о плоской форме Земли [7].

Все представленные примеры содержат элементы фантазии и абсурда, чтобы создать неожиданный эффект. Хотя такие розыгрыши далеки от реальности и не имеют научного обоснования, они имеют способность влиять на массовое восприятие и подчёркивают важность критического мышления и проверки информации перед обработкой результатов.

Таким образом, представленные примеры стали яркой иллюстрацией того, как с помощью фиктивной истории, имитации новостей и использования медийных средств можно создать сильную эмоциональную реакцию у аудитории, подчёркивая влияние перевёрнутой истины на общество.

9. «*Равенство*» $2*2=5$ можно иллюстрировать многими мысленными экспериментами. Например, гипотетическим львом, главой прайда, который прикорнул на часок в окружении четырёх львиц, а когда проснулся, их было уже пятеро. Откуда взялась пятая львица? Вариантов возможного объяснения не так уж мало, но важно

иное – такие случаи в нормальной жизни предстают как исключения из правил. Подобным арифметическим примерам перевёрнутых истин нет числа, поэтому мы ограничимся одним-единственным.

10. *Традиционная хронология И. Ю. Скалигера и Новая хронология А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского.* Понятие перевёрнутой истины можно применить к противостоянию традиционной и Новой хронологии. Традиционная историческая хронология обозначается как «скалигеровская» по имени одного из её создателей – историографа И. Ю. Скалигера (1540–1609), гуманиста сразу двух исторических периодов: позднего Возрождения и раннего Нового времени. То, что сейчас называется Новой хронологией, создано путём анализа исторических источников с использованием методов математической статистики и современных компьютерных технологий.

В основе Новой хронологии лежат идеи русского революционера-народника Н. А. Морозова. В период сверхдлительного (много более двух десятилетий) пребывания в одиночном заключении в шлиссельбургском Орешке и Петропавловской крепости имевший возможность пользоваться научной литературой Н. А. Морозов подметил сходство хронологических рядов из разных исторических эпох. Впоследствии он стал крупным советским учёным, про которого даже существует миф о непосредственном участии в боях с немцами в период Великой Отечественной войны «с винтовкой в руках». В своё время теория Н. А. Морозова, пересматривавшая традиционную хронологию, заинтересовала советского математика М. М. Постникова, который познакомил с ней ряд преподавателей мехмата МГУ им. М. В. Ломоносова, среди которых был А. Т. Фоменко (курс лекций по этой теории М. М. Постников прочёл на мехмате как раз по его просьбе). Теперь А. Т. Фоменко – не только академик нескольких академий, в том числе РАН, но и автор многочисленных научных работ, получивших мировое признание. Он, а также его соавтор Г. В. Носовский, осуществляя

математическое расследование прошлого, убедили себя в ложности существующей хронологии исторических событий, требующей, как они считают, коренного пересмотра. Новая хронология является альтернативной сложившимся в исторической науке представлениям, что является своего рода реконструкцией истории, её новой интерпретацией [2; 11].

А. Т. Фоменко предлагает свою точку зрения на исторический процесс, базируясь на тезисе об ошибочности существующей хронологической концепции истории. Первая часть «Новой хронологии» включает в себя анализ древних астрономических данных, использование математических методов для исследования исторических данных, поиска периодических циклов и применения математических методов для исследования исторических данных. Вторая часть содержит авторскую «реконструкцию» мировой истории. Основная гипотеза Новой хронологии, как считают её авторы, «подтверждена тысячами фактов», которые опровергают существующую историю. Со своей стороны отметим, что именно вторая часть, содержащая доказательную базу теории из тщательно подобранных фактов, подвергается серьёзной критике со стороны учёных разных специальностей.

Моделирование исторической реальности новыми хронологами производится через отрицание исторических фактов, признаваемых в официальной истории. Ключевой посыл «Новой хронологии» состоит в утверждении, что до определённого времени (X в. н. э.) у науки нет достоверных данных о прошлых событиях. Подавляющая часть представленных в исторических источниках сведений, по мнению сторонников этой концепции, является «головкружителями подделками», созданными в эпоху Возрождения.

Новая хронология вызвала волну обсуждения широкими кругами общественности. Её критики отмечают, что при подборе фактов использовались только те, которые хорошо согласовались с концепцией и могли быть интерпретирова-

ны. А те факты, которые не поддавались никакой интерпретации, игнорировались. Отмечалось, что авторы Новой хронологии по-особенному смотрели на мир, словно через цветовой фильтр, вычлняя в цветовом многообразии только то, что окрашено в один цвет, т. е. действовали по принципу: «если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов».

Оппоненты совершенно справедливо полагают, что «Новая хронология» отбрасывает научные теории, описывающие весьма широкий круг явлений и построенные на богатом фактическом материале лишь для того, чтобы объяснить некоторые отдельно взятые факты, а именно противоречия в летописных датировках и астрономические явления. Для существования «Новой хронологии», пусть даже просто только в качестве научной гипотезы, её авторам придётся обеспечить ей достаточный доказательный базис, которого пока нет, устранить логические противоречия в суждениях, которые в ней присутствуют. Не может не вызывать негодование, что все исторические факты, которые не укладываются в «Новую хронологию», А. Т. Фоменко с лёгкостью маркирует как «поддельные». Однако критики теории замечают, что подобная крупномасштабная скоординированная подделка исторических источников сразу во многих странах попросту невозможна.

Для нас в контексте общих задач исследования важна взаимная критика представителей «скалигеровской» и «фоменковской» концепций истории, что даёт основание каждой из сторон позиционировать себя как хранителя истины и обвинять своего оппонента в её «переворачивании».

11. *Постмодерн и виртуальные миры.* В эпоху постмодерна наблюдается значительная трансформация истины, которую также можно трактовать как перевёрнутую. В философии постмодернизма осуществляется радикальная трансформация традиционных представлений об истине. В настоящее время понимание истины уже не сводится к раскрытию сущности изучаемого объекта, оно интерпретируется

как одно из множества проявлений, которые выражают субъективные взгляды. Тем не менее, это не означает, что истина перестаёт быть предметом философского интереса в постмодернизме. В философии постмодернизма анализируется не столько понятие истины, сколько игра истины, которая олицетворяет процессуальное становление знания.

Гиперреальность, которая конституируется из подобных установок, оказывается вне области истинности или ложности, она существует «по ту сторону» этих и других обычных рациональных различий [см.: 5]. Концепция гиперреальности в постмодернизме играет важную роль и имеет свою специфическую природу, в которой всё становится результатом манипуляций. Характерной особенностью гиперреальности является её способность заставить человека поверить, что именно так и должна выглядеть истинная реальность, и в таком ключе перевёрнутая истина представляется как настоящая.

Так, Ж. Бодрийяр подчёркивает преобладание гиперреальности над реальностью в классическом смысле, он вводит образ «злого демона образов» для описания этой ситуации, когда реальность исчезает и поглощается образами [14]. Большая часть создаваемых виртуальных объектов лишена реальных соответствий в реальном мире, виртуальные объекты ссылаются на себя и на другие пустые символы, и этот процесс, как правильно подмечено Ж. Бодрийяром, создаёт бесконечные цепочки пустых знаков. В результате этих многократных ссылок образуется мир, который можно описать как систему не имеющих референта в действительном мире абстракций, опирающихся на «перевёрнутую истину». Так осуществляется подмена реальных действий индивидов жонглированием виртуальными образами. Возведённые виртуальные конструкции получают актуализацию бытия в киберпространстве, сами становятся при этом референтами, образцами для нового производства виртуального. Отметим, что симуляционная деятельность, распро-

страняющаяся в настоящее время уже в глобальных масштабах, знаменует собой призрачность социальных структур и нестабильность бытия постмодерна.

12. *Фейк. «Премия за лучшие фейковые новости» Д. Трампа.* В переводе с английского языка “fake” означает подделку, фальшивку, обман, подлог. Ярким примером могут служить подделки произведений искусства, которые существовали веками. Виртуозно выполненные подделки работ старых мастеров всегда считались выгодным промыслом, а иногда фальшивые копии по исполнению превосходили даже оригиналы.

Фальсификация, известная человечеству с древних времён, применялась в различных сферах. Так, в науке способов фальсификации множество, но наиболее популярная среди них – подделка данных и результатов исследования. Обвинения в сознательной фальсификации научных экспериментов – один из самых страшных видов обвинений учёного в профессиональной недобросовестности. Уже само наличие обвинений в обмане, пусть не вполне доказанных, может быть чревато трагическими последствиями. Нашумевший случай такого обвинения получил обозначение «Дело жабы-повитухи» и связан с именем австрийского биолога Пауля Каммерера, который, якобы, имитировал «брачные мозоли» у исследуемых жаб, впрыскивая им под кожу чернила (есть несколько вариантов объяснения, откуда в препарате лапы появились чернила, в том числе, в качестве непосредственного исполнителя запретных действий подозревают не самого Каммерера, а его лаборанта). После скандального разоблачения учёный не выдержал навалившегося на него давления научной общественности и свёл счёты с жизнью. Хотя до сих пор никто не смог повторить опыты П. Каммерера, всё же в правдивости его разоблачений сохраняются определённые сомнения¹. Вызывает сожаление

тот факт, что «идеолог теории эволюции в советской науке» Т. Д. Лысенко в середине XX в., спустя десятилетия после смерти П. Каммерера, продолжал ссылаться на его результаты как на подлинные, доказывая идеи Ламарка о возможности наследования приобретённых уклонений. Однако, мягко выражаясь, не самая безупречная репутация Т. Д. Лысенко не способствовала продвижению его идей, напротив, воспринималась многими только как лишнее свидетельство в пользу обвинительной гипотезы и нечестности австрийца.

Фальсификация в политике выступает как вечная тень, преследующая человечество со времён древних цивилизаций. Искажение и подмена фактов в политическом контексте служит инструментом для достижения личных, групповых или институциональных целей. История пестрит примерами тщательно спланированных фальсификаций, подкреплённых вымышленными событиями и ложными свидетельствами от Античности до современности [12; 13].

Фальсификация изначально представляется как подлинное, аутентичное и оригинальное явление и считается таковым до момента обнаружения подделки. Обнаружение обмана обычно сопровождается скандалом и потрясением в обществе. К сожалению, в настоящее время фальсификация исторического прошлого приобретает большой размах и особую изощрённость. Нельзя не заметить, что современные информационные технологии предоставляют бескрайние возможности для фальсификации, что размывает границу между реальностью и подделкой. Из множества работ, посвящённых проблеме фальсификации, отметим монографию «Фальсификация и подделка» М. Долла [15]. В этой работе автор анализирует различные аспекты и контексты фальсификации, исследуя её влияние на формирование и интерпретацию информации,

¹ Мищенко Е. Дело о жабьих лапках: воскрешение научной репутации Пауля Каммерера. Разрешена одна из самых скандальных биологических за-

гадок XX века [Электронный ресурс]. URL: <https://indicator.ru/biology/delo-o-zhabih-lapkah-voskreshenie-nauchnoj-reputacii-paulya-kammerera.htm> (дата обращения: 20.08.2023).

разрабатывает уникальную теорию, где фальсификация выступает важным феноменом современного дискурса.

В сравнении с фальсификацией, термин «фейк» в наши дни чаще всего употребляется в связи с новостной информацией в медийной среде [6]. Фейк-новости представляют собой рода информационную мистификацию, формально они очень похожи на настоящие новости. Описывается событие, которое якобы «произошло» в реальном мире, далее идёт его интерпретация, предоставляются детали и контекст. По силе воздействия на пользователей они могут быть такими же убедительными, как подлинные новости. Сенсационный характер этих сообщений и их внешняя правдоподобность способствуют вызову доверия у пользователей. Столь успешное бытие-ствование перевёрнутой истины в виде фейк-новостей объясняется доступностью информационных каналов, где сообщения моментально распространяются и массово тиражируются.

Интересным фактом является то, что бывший лидер США, Дональд Трамп, будучи в президентской должности, учредил награду «Премия за лучшие фейковые новости» (Fake News Awards)¹. Данная «награда» предназначалась самым предвзятым среди крупных медиа. Так, среди лауреатов данной премии в 2017 г. оказалось издание «Time» за сенсационную новость «Бюст в овальном кабинете». Издание сообщало, что Трамп якобы заменил бюст лидера борьбы за права темнокожих Мартина Лютера Кинга на скульптурное изображение Уинстона Черчилля в овальном кабинете Белого дома. Материал обличал Дональда Трампа в расистских наклонностях. 45-й президент раскритиковал издание за недостоверную информацию и высказался: «Я бы никогда этого не сделал, потому что я испытываю огромное уважение к доктору Мартину Лютеру Кингу»². В

том же году Дональд Трамп охарактеризовал журналистов, которые распространяют «фейковые новости», как «врагов американского народа».

Примеры бытийствования перевёрнутой истины можно продолжать дальше. Так, авторами статьи ранее было исследовано такое явление современной коммуникации, как «фишинг» [8]. Фишинг можно определить как «искусство обмана», использующее перевёрнутую истину как приманку для доверчивых жертв, при осуществлении мошеннических сценариев, нацеленных на человеческие уязвимости: неосторожность, отсутствие информированности и др. Чтобы вынудить совершить неверные шаги, фишерами производится атака жертвы через эмоции: внушение страха, тревоги, необходимости в срочности действий.

Заключение

Проведённое исследование выявило значительные различия между перевёрнутой истиной и амбивалентной истиной (антиномией). Эти различия заключаются в том, что перевёрнутая истина объединяет неперевернутую и перевёрнутую истину дизъюнктивным образом, в то время как в случае амбивалентной истины (антиномии) обе стороны считаются равноправными. Отмечается онтологическое расширение сферы рассмотрения: к действительному миру с его истинностными отношениями «А есть В» перевёрнутая истина добавляет мир дополнительный мир «А есть не В», позволяя рассмотреть также вариант «А есть В и не В» как форму индифферентного суждения.

В заключение отметим, что, хотя такой модус бытия, как перевёрнутая истина, проявляется в различных областях и обнаруживает парадоксальные черты, он остаётся практически неисследованным в контексте философского анализа. Наша цель состояла в том, чтобы вызвать интерес у научного сообщества к данному виду

¹ См.: Дональд Трамп начал избавляться от наследия Обамы [Электронный ресурс]. URL: <https://nv.am/donald-tramp-nachal-izbavlyatsya-ot-naslediya-obamy> (дата обращения: 17.08.2023).

² См.: Дональд Трамп начал избавляться от насле-

дия Обамы [Электронный ресурс]. URL: <https://nv.am/donald-tramp-nachal-izbavlyatsya-ot-naslediya-obamy> (дата обращения: 17.08.2023).

истины, выявить его роль как средства имитации в контекстуальных ситуациях, в которых неистинное утверждение может обрести истинность через онтологическую манипуляцию.

Изложенные выше размышления довольно неожиданно для нас имеют весьма интересное приложение. С нашей точки зрения, более аргументированной становится концепция «абсолютной истинности» математики В. Я. Перминова, которую он давно и настойчиво отстаивает, причём практически в гордом одиночестве, в полемике с многочисленными сторонниками релятивизма истины [10].

Концепцию Василия Яковлевича, как нам представляется, можно интерпретировать не в духе жёсткой однозначности, т. е. закона, что, к примеру, $2^2=4$ и только 4, а

в том духе, что во всех возможных мирах $2^2=4$ является приоритетным равенством, тогда как его нарушения – это исключения из правил.

Основной вывод, к которому мы приходим, выглядит следующим образом. Для ложных утверждений в реальном мире, в общем случае, можно разработать специальную онтологическую структуру, в которой это утверждение начнёт выглядеть как истинное благодаря перевороту контекста. Однако создать единое и последовательное представление мира, насыщенное парадоксами и исключениями вроде перевёрнутых истин, является невозможным. Такой мир развалится на фрагменты, лишённые связи и системности.

Статья поступила в редакцию 14.05.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов Д. С., Фролова С. М. Интернет-мем в системе социальной мифологии цифровой эпохи // Общество: философия, история, культура. 2020. № 11 (79). С. 13–17.
2. Бабенко В. Н. «Новая хронология» академика А. Т. Фоменко: величайшее открытие или очередная попытка фальсификации истории? // Россия и современный мир. 2001. № 1 (30). С. 108–123.
3. Байрон А. А. Теория «двойственной истины» как пример «единства» рационального и иррационального в философии // Лики иррационального: сборник статей / под ред. И. В. Кузина. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2021. С. 16–22.
4. Вейнгартнер П. Фундаментальные проблемы теорий истины / под ред. В. А. Бажанова, С. А. Павлова. М.: РОССПЭН, 2005. 352 с.
5. Елхова О. И. Онтология виртуальной реальности. Уфа: Башкирский государственный университет, 2011. 228 с.
6. Изотова И. В. Фейк-новости в средствах массовой информации как перспектива развития информационного поля // Образ будущего: сборник тезисов Второй международной научно-практической конференции, Орёл, 24–25 февраля 2022 г. Орёл: Картуш, 2022. С. 290–294.
7. Касабов Э. Ю., Мыслик А. А. Земля плоская или шарообразная? // IV Международная научно-практическая конференция студентов, посвящённая 100-летию Волго-Каспийского морского рыбопромышленного колледжа, Астрахань, 17 марта 2021 г. Астрахань: Астраханский государственный технический университет, 2021. С. 101–104.
8. Кудряшев А. Ф., Елхова О. И. Лабиринты перевёрнутой истины // Евразийский юридический журнал. 2019. № 11 (138). С. 468–470.
9. Ляпон М. В. Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора. М.: Языки славянских культур, 2010. 528 с.
10. Перминов В. Я. Реальность математики // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 24–39.
11. Свердлов М. Б. Осторожно: математики изучают историю (по поводу исторических разысканий А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского) // Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб.: Лики России, 2001. С. 30–40.
12. Стрелецкий Я. И. Историческая правда: направления и приёмы её фальсификации // Kant. 2022. № 1 (42). С. 166–172.
13. Чирков М. С. В поисках исторической правды: фальсификации истории Великой Отечественной войны на рубеже XX–XXI вв. // Мир Евразии: от древности к современности: сборник материалов Всероссийской научной конференции, Уфа, 15 марта 2019 г., Т. 1. Уфа: Башкирский государственный университет, 2019. С. 238–245.

14. Baudrillard J. The Evil Demon of Images. Sydney: Power Institute of Fine Arts, 1987. 62 p.
15. Doll M. Fälschung und Fake: Zur diskurskritischen Dimension des Täuschens. Berlin: Kulturverlag Kadmos, 2012. 480 s.

REFERENCES

1. Artamonov D. S., Frolova S. M. [Internet Meme in the System of Social Mythology of the Digital Age]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2020, no. 11 (79), pp. 13–17.
2. Babenko V. N. [“New Chronology” by Academician A. T. Fomenko: The Greatest Discovery or Another Attempt to Falsify History?]. In: *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Modern World], 2001, no. 1 (30), pp. 108–123.
3. Bairon A. A. [The Theory of “Dual Truth” as an Example of the “Unity” of the Rational and Irrational in Philosophy]. In: *Liki irracional'nogo* [Faces of the Irrational]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2021, pp. 16–22.
4. Weingartner P. Basic Questions on Truth (Rus. ed.: Bazhanov V. A., Pavlov S. A., eds. *Fundamental'nye problemy teorii istiny*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 352 p.).
5. Elhova O. I. *Ontologiya virtual'noj real'nosti* [Ontology of Virtual Reality]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2011. 228 p.
6. Izotova I. V. [Fake News in the Media as a Perspective for the Development of the Information Field]. In: *Obraz budushchego: sbornik tezisev Vtoroj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Oryol, 24–25 fevralya 2022 g.* [Image of the Future: Collection of Abstracts of the Second International Scientific and Practical Conference, Orel, February 24–25, 2022]. Oryol, Kartush Publ., 2022, pp. 290–294.
7. Kasabov E. Yu., Mysnik A. A. [Is the Earth Flat or Spherical?]. In: *IV Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya studentov, posvyashchyonnaya 100-letiyu Volgo-Kaspijskogo morskogo rybopromyshlennogo kolledzha, Astrahan', 17 marta 2021 g.* [IV International Scientific and Practical Conference of Students, dedicated to the 100th anniversary of the Volga-Caspian Marine Fisheries College, Astrakhan, March 17, 2021]. Astrakhan, Astrakhan State Technical University Publ., 2021, pp. 101–104.
8. Kudryashev A. F., Elkhova O. I. [Labyrinths of the Inverted Truth]. In: *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 2019, no. 11 (138), pp. 468–470.
9. Lyapon M. V. *Proza Cvetaevoy. Opyt rekonstrukcii rechevogo portreta avtora* [Prose by Tsvetaeva. Experience in Reconstructing the Author's Speech Portrait]. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2010. 528 p.
10. Perminov V. Ya. [The Reality of Mathematics]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2012, no. 2, pp. 24–39.
11. Sverdlov M. B. [Be Careful: Mathematicians Study History (Regarding the Historical Research of A. T. Fomenko and G. V. Nosovsky)]. In: *Ezhegodnik Sankt-Peterburgskogo nauchnogo obshchestva istorikov i arhivistov* [Yearbook of the St. Petersburg Scientific Society of Historians and Archivists]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2001, pp. 30–40.
12. Streletsky Ya. I. [Historical Truth: Directions and Techniques of its Falsification]. In: *Kant*, 2022, no. 1 (42), pp. 166–172.
13. Chirkov M. S. [Searching for Historical Truth: Falsifications of the History of the Great Patriotic War at the turn of the XX–XXI centuries]. In: *Mir Evrazii: ot drevnosti k sovremennosti: sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii, Ufa, 15 marta 2019 g., T. 1* [The World of Eurasia: from antiquity to modernity: collection of materials of the All-Russian Scientific Conference, Ufa, March 15, 2019. Vol. 1]. Ufa, Bashkir State University, 2019, pp. 238–245.
14. Baudrillard J. The Evil Demon of Images. Sydney, Power Institute of Fine Arts, 1987. 62 p.
15. Doll M. Fälschung und Fake: Zur diskurskritischen Dimension des Täuschens. Berlin, Kulturverlag Kadmos, 2012. 480 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кудряшев Александр Федорович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий;
e-mail: philozof@mail.ru

Елхова Оксана Игоревна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий;
e-mail: oxana-elkhova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander F. Kudryashev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof., Department of Philosophy and Cultural Studies, Ufa University of Science and Technology;
e-mail: philozof@mail.ru

Oksana I. Elkhova – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof. Department of Philosophy and Cultural Studies, Ufa University of Science and Technology,
e-mail: oxana-elkhova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кудряшев А. Ф., Елхова О. И. Перевернутая истина // Современные философские исследования. 2023. № 4. С. 58–70.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-58-70

FOR CITATION

Kudryashev A. F., Elkhova O. I. Inverted Truth. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 4, pp. 58–70.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-58-70

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.30

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-71-83

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ: ВОСТОЧНЫЙ ПУТЬ

Афанасьева М. А.

Ивановский государственный университет

153025, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, д. 39, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ глобализации восточного религиозного сознания.

Процедура и методы. Автор применяет разработанный им системно-уровневый подход, который получается в результате синтеза эволюционно-энергетического и системного подходов. В результате выделены уровни, обеспечивающие физическое состояние нации (национальный, этнический, культурный), структурно-энергетические уровни (эмоционально-поведенческий, когнитивно-образовательный), и высшие, концептуальные уровни (часть когнитивно-образовательного, системно-исторический и системно-духовный).

Результаты. Исследуя религиозные ситуации в различных восточных странах, автор выделяет два типа глобализации религиозного сознания: социально-экономический путь, социально-культурный путь, – и, помимо глобализации, отдельно подчёркивает путь деглобализации. В работе объясняется, что все уровни религиозного сознания присутствуют в восточном религиозном сознании, которые выполняют определённые функции в процессах мировой глобализации. Восточное религиозное сознание не является однородным, а имеет свои особенности в страновом выражении как в источниках глобализации религиозного сознания, так и в направленности этих процессов. Отдельно также исследуются высшие уровни религиозного сознания, отражающие синтез сразу нескольких религиозных учений.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования объясняется тем, что выявленные типы и пути глобализации восточного религиозного сознания способствуют более целостному пониманию процессов религиозной глобализации в мире, также использованные методы данного анализа являются актуальными для системного взгляда на глобальные проблемы современности.

Ключевые слова: буддизм, глобализация религиозного сознания, индуизм, ислам, новые религиозные движения, уровни религиозного сознания, христианство

GLOBALIZATION OF RELIGIOUS CONSCIOUSNESS: EASTERN WAY

M. Afanasyeva

Ivanovo State University

ul. Ermaka 39, Ivanovo 153025, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the globalization of Eastern religious consciousness.

Methodology. The author uses the personally-developed system-level approach, which is a result of the synthesis of evolutionary-energy and system approaches. As a result, the levels that ensure

© CC BY Афанасьева М. А., 2023.

the physical state of the nation (national, ethnic, cultural), structural and energy levels (emotional-behavioral, cognitive-educational), and higher, conceptual levels (part of the cognitive-educational, system-historical and system-spiritual) are identified.

Results. Exploring religious situations in various Eastern countries, the author identifies two types of globalization of religious consciousness: the socio-economic path, the socio-cultural path, and, in addition to globalization, separately emphasizes the path of deglobalization. The article explains that all the levels of religious consciousness are present in the Eastern religious consciousness, which perform certain functions in the processes of global globalization. Eastern religious consciousness is not homogeneous, but has its own peculiarities in country expression both in the sources of globalization of religious consciousness and in the direction of these processes. Apart from that, the article examines the highest levels of religious consciousness that reflect the synthesis of several religious teachings at once.

Research implications. The article identified types and ways of globalization of Eastern religious consciousness thus contributing to a more holistic understanding of the religious globalization processes in the world, and the methods of this analysis used are relevant for a systematic view of the global problems of our time.

Keywords: Buddhism, globalization of religious consciousness, Hinduism, Islam, new religious movements, levels of religious consciousness, Christianity

Введение

Азия является крупнейшим мировым континентом с древней и богатой культурой, где зародились первые цивилизации и, соответственно, первые религии человечества. Глобализация религиозного сознания на Востоке берёт начало с колонизации восточных стран и деятельности миссионеров. Так, с появлением просветительской литературы о восточных религиях и культурах Запад познакомился с восточным религиозным сознанием. Однако стоит отметить, что в полной мере глобализация религиозного сознания в Азии началась с индустриализации, которая также пришла с Запада. В этой связи христианские учения стремительно распространялись на Востоке, вдохновляя общество новым мировоззрением. Данные процессы существовали и развивались достаточно длительное время, пока цивилизации Востока не вступили на путь возвращения своих традиционных обычаев и религиозных культов (первая половина XX в. и после Второй мировой войны). В этом заключается существенное отличие восточной глобализации религиозного сознания от западной – возрождение своих древних философско-религиозных систем – индуизма, буддизма, даосизма, конфуцианства.

Восточное религиозное сознание, как и весь восточный менталитет, отличается глубокой связью человека с окружающим миром, преобладанием созерцательности над деятельностью, более абстрактным и свободным от религиозных догм пониманием бога. В данном контексте М. Вебер размышлял о специфике азиатской религиозности: «Азиатская сотериология с необходимостью ведёт стремящегося к высшему благу в потустороннее царство рационально неоформленных и именно в силу этой неоформленности божественных созерцаний обладания и одержимости блаженством, которое, хотя и не от мира сего, но в этой жизни может и должно достигаться с помощью гнозиса» [2, с. 16–17]. Одним из наиболее ярких отличий восточной религиозности от западной является разная специфика сотериологии. Если западное религиозное сознание говорит о спасении человека лишь после его смерти, то восточное раскрывает множество методов и теорий, способствующих достижению данного состояния в процессе земной жизни. Глубокое обращение к внутреннему миру именно с религиозной точки зрения направляет восточного человека к перманентному духовному изучению себя и самосовершенствованию, которое первично по отношению к изучению и совершенствованию внешнего мира: «Религии Востока это,

прежде всего пути самосовершенствования, а через них идёт и совершенствование окружающего мира» [3].

Синкретизм также является чертой восточного религиозного сознания – переплетение двух и более религиозных и философских учений – явление, часто встречаемое в азиатских странах. Об этой черте пишут В. В. Кортунов, М. Р. Газалова, О. Н. Краснова: «Постоянное ощущение непосредственной связи человека и космоса, микромира и макромира привело к тому, что даже спустя тысячелетия, синкретический и органический подход к проблемам бытия составил отличительную черту всей индийской культуры» [5]. В современных религиозных движениях стоит выделить теософию, одной из создателей которой была Е. П. Блаватская, как олицетворение восточного религиозного синкретизма, пользующуюся большой популярностью на Западе. Органическая взаимосвязь космологии и антропологии также является отличительной чертой восточной религиозной философии, в связи с этим низка степень личностного понимания бога. В отличие от христианских учений, где уделялось большое внимание Христу как личности, в восточных религиозных учениях боги и божественные аватары представлялись в более абстрактных, энергетических формах. Понимание бога как энергии больше свойственно Востоку, чем Западу, об этом свидетельствуют современные теософские учения, упомянутые выше, – Е. П. Блаватской¹, А. А. Бейли², А. Безант³. М. А. Можейко в своей статье разделяет особенности Запада и Востока на субъектную (для Запада) и объект-предметную (для Востока) стороны: «Это находит своё отражение в аксиосфере восточной культуры: в ряду достоинств человека на передний план выдвигается достижение гармонии с окружающим миром, – в отли-

чие от западной культуры, видящей главное достоинство личности в самореализации посредством природопреобразующей деятельности и активизма в целом» [7, с. 6].

Восточное полушарие мира представлено многообразием религиозных верований. Если обратиться к статистике религиозной поляризации Азии за 2020 г., то в процентном соотношении двумя лидирующими религиями являются индуизм (26.1% индуистов) и ислам (25.7% мусульман). Достаточно высокий процент людей, не относящих себя к какой-либо религии, – 20%, далее по убыванию буддизм – 11.3%, народные религии – 8.6%, христианство – 7.2%⁴. Восточные страны отличаются не только различным отношением к религии, но и различным отношением к глобализации, в том числе религиозной. Как правило, страны, позитивно реагирующие на данный процесс, являются странами с модернизированными религиозными направлениями, в некотором роде с вестернизированным пониманием религии и нацелены на развитие межрелигиозных отношений. Часто в числе таких можно обнаружить страны, которые по некоторым признакам считаются нерелигиозными (например, Китай)⁵.

В исследовании применяются несколько методов исследования: эволюционно-энергетический, системный и синтезирующий их системно-уровневый подход.

Состояние религиозного сознания

Чтобы понять состояние религиозного сознания, в том числе восточного, необходимо не только раскрывать факторы, обусловленные действиями внешнего мира, затрагивающие экономические, политические, социальные сферы общества, но и обращаться к более «тонким» психофизическим или психоэнергетическим факто-

¹ Блаватская Е. П. Религия Мудрость: сборник. М.: Дельфис, 2014. 448 с.

² Бейли А. А. Новое явление Христа. Посвящение человеческое и солнечное. М.: Эддар, 1999. 399 с.

³ Безант А. Учение сердца. М.: Амрита-Русь, 2004. 144 с.

⁴ Религия в Азии // Википедия: [сайт]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Religion_in_asia#cite_note-1 (дата обращения: 20.10.2022).

⁵ Исследование: китайцы – самая нерелигиозная нация в мире // ЭКД: [сайт]. URL: <http://ekd.me/2015/04/chinese-atheists> (дата обращения: 20.10.2022).

рам, посвящённым сфере сознания – как индивидуального, так и глобального. В связи с этим автором разработан эволюционно-энергетический подход [1]. Метод анализа объединяет эволюционный, синергетический и психоэнергетический подходы с учениями индийской философии. Результатом такого синтеза стало выделение семи уровней религиозного сознания – от материального и конкретного к духовному и абстрактному: национального, этнического, культурного, эмоционально-поведенческого, когнитивно-образовательного, системно-исторического, системно-духовного [1]. Национальный и этнический уровни обеспечивают целостность национального сознания в социальной среде, связаны с массовым сознанием; культурный и эмоционально-поведенческий уровни образуют психическую составляющую религиозного сознания, обеспечивают эмоциональный отклик на феномены религиозной жизни, на этих уровнях религиозное сознание начинает себя осмысливать; когнитивно-образовательный, системно-исторический и системно-духовный уровни формируют высшие уровни религиозного сознания, синтез религиозного мировоззрения, их взаимосвязь, общность принципов религиозной эволюции.

Системный подход даёт возможность рассмотреть религиозное сознание как систему. Параметрическую общую теорию систем разработал А. И. Уёмов, в его подходе система исследуется в трёх частях: субстрат (совокупность элементов), структура (связь и отношения между элементами), концепт (системообразующее свойство) [10, с. 120–121].

Концептом глобального религиозного сознания представляется системное свойство объединения религиозных сознаний отдельных людей. Согласно представленному автором системному подходу, отношения между религиями и представителями тех или иных конфессий и религиозных убеждений представляют собой *структуру* глобального религиозного сознания. Межрелигиозные отношения могут выразиться в двух энерго-

информационных потоках – вертикальном и горизонтальном, в которых отношения между религиозными течениями протекают по различным смысловым траекториям. Вертикальная траектория олицетворяет поток психической энергии, связанной с достижением высших состояний сознания (самадхи, нирвана и пр.), горизонтальная траектория проявляется в социальных религиозных процессах, таких как, например, социальное конфессиональное служение, межконфессиональные диалоги и конференции и т. д. *Субстрат* религиозного сознания – это религиозные общины, единичные религиозные сознания, религиозный срез сознания.

Оба подхода могут быть объединены и синтезированы в системно-уровневый подход, с помощью которого рассматривается глобальное религиозное сознание. Выделим также три ключевых компонента религиозного сознания: религиозное чувство, религиозную практику и религиозная мысль.

Субстрат глобального религиозного сознания. В субстрат религиозного сознания необходимо включить такие уровни, как национальный и этнический, определяющие фундамент, или основу религиозного сознания, связанную с массовым сознанием человечества; на этих уровнях религия поддерживает национальное и этническое сознание, самоидентификацию больших масс людей и отдельного человека. Национальный и этнический уровни существуют практически в любой форме религиозного сознания, причём выражены данные уровни зачастую наиболее ярко. На субстратном уровне религиозное сознание слабо понимает само себя, не является аутентичным, поддается влиянию косвенных факторов (национального и этнического). На данном этапе религиозное сознание достаточно твёрдо, неизменно, но не целостно и не осознано. Такие компоненты, как религиозное чувство, практика и мысль, практически не проявлены на субстратном уровне или фигурируют в форме скрытого, неразвитого потенциала. Религия в виде догматов и ритуалов представляется частью национальной и этнической жизни.

Структура глобального религиозного сознания. Отношения между религиями и представителями тех или иных конфессий и религиозных убеждений представляют собой структуру глобального религиозного сознания. Межрелигиозные отношения могут выражаться в двух энергоинформационных потоках – вертикальном и горизонтальном, в которых отношения между религиозными течениями протекают по различным смысловым траекториям. Вертикальный поток межрелигиозных отношений представляет синтез различных религиозных учений и духовных практик. Можно предположить, что вертикальная часть структуры образует собой динамику психической энергии межрелигиозных отношений. Горизонтальный поток межрелигиозных отношений формирует социальное восприятие одних религий другими и рефлексию по отношению к различным религиозно-социальным нормам представителей различных религиозных конфессий. Содержание структуры религиозного сознания наполняют культурный и эмоционально-поведенческий уровни религиозного сознания. Культурный уровень особенно заметно проявляется в горизонтальной траектории межрелигиозных отношений, выполняя роль некоторого просвещения человечества с помощью различных культурных межрелигиозных мероприятий, конференций, диалогов, массовых религиозных праздников, обмена культурно-историческим опытом между отдельными религиями. Эмоционально-поведенческий уровень больше связан с вертикальной траекторией религиозного сознания, т. к. олицетворяет психическую энергию религиозного сознания. На структурном уровне проявляются связи между отдельными срезами религиозного сознания – между его историей, учением, задачами, принципами. В сознании человека буквально выстраивается структура религиозного учения. Религиозное сознание на структурном уровне начинает осмысливать само себя, т. к. на данном этапе проявляются такие компоненты, как религиозное чувство и религиозные практики. Когнитивно-

образовательный уровень религиозного сознания можно отнести и к структуре, и к концепту глобального религиозного сознания. На этом уровне происходит изучение религиозных учений, истории мировых религий, влияния религии на сознание и поведение людей. Эти знания важны для соотнесения религий, выстраивания этих связей в индивидуальном сознании. С другой стороны, они являются базой для развития высших, концептуальных уровней религиозного сознания.

Концепт глобального религиозного сознания. Концептом или сущностью глобального религиозного сознания представляется системное свойство объединения религиозных сознаний отдельных людей. Данное свойство включает глобальное религиозное мировоззрение, которое включает: синтез методов познания; раскрытие места человека на планете и космопланетарной системе, общее религиозное отношение человека к духовному царству природы, к Абсолюту, источнику жизни; программу духовного развития человека. Три последних уровня – когнитивно-образовательный, системно-исторический и системно-духовный, т. к. они связаны с системным видением реальности, являются концептуальными уровнями религиозного сознания. На данном этапе начинает проявляться такой компонент религиозного сознания, как религиозная мысль. На концептуальном уровне религиозное сознание подходит к пониманию своей целостности – это и понимание единого божественного источника, и единства религиозных принципов и смыслов, и единства религиозной эволюции.

Социально-экономический тип глобализации религиозного сознания на Востоке

Китай как самая большая страна Азии с самым многочисленным населением в мире является ещё и самой нерелигиозной страной в мире¹. Китайский тип религиозной глобализации можно обозначить как

¹ Рейтинг стран по уровню религиозности // NoNews: [сайт]. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/religiousness> (дата обращения: 20.10.2022).

социально-экономический тип глобализации религии. Он объясняется построением взаимовыгодных межрелигиозных отношений и проникновением различных религиозных учений в новое для них культурно-историческое пространство с целью создания благоприятных условий для международного экономического сотрудничества.

Интересным является форма отношения Китая к представителям ислама и христианства: данные религии являются для Китая некими проводниками к качественному улучшению международных отношений и экономического состояния общества и государства¹. Об этом пишет в своей статье М. А. Пахомова: «Развивающиеся отношения в формате КНР / исламский мир послужили основой для развития торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества» [8, с. 198]. Действительно, особенно важными и актуальными на сегодняшний день являются отношения Китая с исламским миром, от которого в некотором смысле уже «устали» европейские страны: «Повышенное внимание руководства Китая к развитию районов мусульманского населения призвано резко контрастировать с религиозной политикой западных партнёров, наоборот, демонстрирующих нетерпимость к строительству новых мечетей, исламских институтов и исламской символике на территории своих государств» [8, с. 200]. Опираясь на вышеизложенные факты, условно выделим два уровня для описания китайского религиозного сознания – национальный и культурный. Национальный уровень в китайском религиозном сознании раскрывается в специфическом виде восприятия религий – через призму национального фактора, который лежит в основе геоэкономических и геополитических отношений, активно выстраиваемых китайским миром. Национальный уровень религи-

озного сознания действует не столько в роли отстаивания своей собственной религии, сколько в роли построения взаимовыгодных отношений с религиями иных государств и цивилизаций. Религиозное сознание в данном случае является значимым посредником в международных отношениях КНР. Культурный уровень китайского религиозного сознания объясняет глубокий интерес китайцев к обрядово-бытовой и историко-культурной составляющих различных религиозных учений. Что касается христианства, интерес к данной религии в Китае был всегда [12], несмотря на некоторые противоречия христианских учений с экономической политикой Китая [16]. В настоящий момент глубинный интерес к православной части христианства в какой-то мере связан с пробудившимся интересом к русской культуре, учёные даже употребляют специфический термин – «культурное христианство» в контексте его отношений с Китаем: «Современный Китай заговорил о “культурном христианстве”». Китайская гуманитарная интеллигенция стала интересоваться христианской теологией, историей христианства, работами русских религиозных философов Серебряного века» [4, с. 12]. Культурный уровень религиозного сознания в Китае имеет свою специфику, связанную не с заимствованием определённых элементов из культуры других народов, а скорее с познанием иного жизненного уклада, истории народов и цивилизаций для их более правильного понимания. Таким образом, Китай показывает альтернативу западной теории «столкновения цивилизаций» в лице своего собственного подхода, который можно назвать «взаимодействием цивилизаций». Так, данный тип отражает сразу и структурный, и субстратный уровни глобализации религиозного сознания: с одной стороны, выстраиваются тесные отношения с различными религиозными пространствами, происходит некий религиозный взаимообмен, с другой стороны, достаточно твёрдо сохраняется собственная позиция по отношению к религии.

¹ Sun D. China and the Islamic World: How the New Silk Road is Transforming Global Politics by Robert R. Bianchi [Рецензия] // Journal of Islamic Studies. 2021. Vol. 32. № 3. P. 441–444.

Социально-культурный тип глобализации религиозного сознания на Востоке

Существует другой тип глобализации восточных религий, в некотором роде похожий на китайский, но выраженный в более тесной связи с процессами глобализации. Данный тип можно обозначить как социально-культурный тип глобализации религии. Он раскрывается в распространении религиозного учения в первую очередь как неотъемлемой составляющей культуры, оказывающей влияние на определённое общество. Такие компоненты, как традиции, обычаи, праздники, нормы морали и нравственности, искусство, мода и т. д., одной культуры перенимаются другой культурой, захватывая и религиозные верования, общий взгляд на религию. Данный путь, на взгляд автора, может подходить под религиозную ситуацию в Южной Корее. В этой стране всегда существовали свои народные верования, и в целом государство является светским (церковь отделена от государства), огромное количество христиан на данной территории является странным, но вполне объяснимым феноменом, этот факт подчёркивает В. Ю. Ларченко: «И это удивительно, так как в большинстве стран Северо-Восточной Азии преобладают буддизм, шаманизм, но никак не христианство. Оно представлено в меньшей мере. Корея же сегодня является исключением» [6, с. 36]. Немаловажным фактом является и история христианства в данной стране, которая отличается от той же истории христианства в Китае и Японии. В отличие от истории других азиатских стран, где христианство зарождалось вследствие иностранных миссий, в Южной Корее христианские общины впервые зародились среди корейских литераторов, которые изучали христианскую литературу на китайском языке. Сейчас Южная Корея является азиатской страной с огромным количеством европейских традиций, европейской эстетики, кухни, искусства. Не стало исключением и перенятое Южной

Кореей европейское христианство, в особенности протестантизм и католичество, что раскрыто в исследовательской работе В. Ма «Корейская церковь: Божья миссия Глобального христианства»¹. Кроме того, миссионерство в Южной Корее, связанное по большому счёту с евангельским учением, – одно из самых крупных во всем мире. За последние полвека учёные признают впечатляющим вклад Южной Кореи в глобальное распространение христианства² [16].

На взгляд автора, такой большой интерес к христианству в Южной Корее объясняет не столько история, сколько настоящее положение всей корейской культуры, стремящейся в некотором роде соответствовать западному типу. Культурный уровень корейского религиозного сознания значительно отличается от культурного уровня китайского религиозного сознания. В Южной Корее данный уровень раскрывается в ассимиляции одной религиозной культуры с другой, рождая при этом принципиально новое отношение к религии. Несмотря на большое количество христиан в Южной Корее, азиатский менталитет продолжает существовать в религиозном сознании корейцев на поведенческом и коммуникативном уровне. Поэтому культурный уровень религиозного сознания дополняется эмоционально-поведенческим уровнем. Эмоционально-поведенческий уровень в данном случае раскрывается через заимствование, с одной стороны, западных религиозных ритуалов, западной религиозной этики, и через отстаивание, с другой стороны, привычного восточного менталитета с присущим ему поведением в обществе, отношением к людям и особенностями морали. Таким образом, данный тип показывает структур-

¹ Ма W., Ahn K. S. Korean Church God's Mission Global Christianity. Diakonoi: Regnum Books International, 2015. 410 p.

² Знаете ли вы, что Южная Корея – один из крупнейших «экспортеров» Евангелия в мире? // Вера и общество: [сайт]. URL: <https://vio.media/society/znaete-li-vy-cto-yuzhnaya-koreya-odin-iz-krupnejshih-e-ksportyrov-evangeliya-v-mire> (дата обращения: 21.03.2023).

ный уровень глобализации религиозного сознания, связанный с обменом, построением отношений и установлением связей с элементами различных религиозных странств.

Путь деглобализации

Наряду с процессами глобализации часто возникают параллельные и в то же время противоречащие им процессы деглобализации. Сам термин «деглобализация» означает процессы уменьшения взаимосвязи и взаимозависимости между определёнными элементами мировой системы, под которыми, как правило, понимаются национальные государства. Религиозная деглобализация представляет обособление и дезинтеграцию определённых религий и/или конфессиональных групп как на внешне-социальном, так и на внутренне-духовном уровнях. В современном мире в век глобализации необходимо важным является умение сохранять целостность в любом её проявлении. Именно поэтому деглобализация является неизбежным процессом, приводящим как к созидательным, так и к разрушительным исходам, она является частью взаимодействия национальной и глобальной составляющей сознания современного человечества.

Процессы деглобализации религии можно интерпретировать как реакцию национально-религиозных сознаний на процессы религиозной глобализации. Достаточно тривиальным было бы противопоставлять деглобализацию глобализации. На взгляд автора, глобализация и деглобализация могут существовать совместно и действовать не только в циклической форме процесса, но и в линейной, двигаясь параллельно. В восточном религиозном сознании действие двух данных процессов проявляется в более отчётливом виде. Имея огромный спектр древних религиозных учений, восточные страны, несмотря на достаточно большой модернизационный скачок, все ещё перенимают западные идеалы в различных сферах общественной и политической жизни, в которых не могут не фигу-

рировать западные религиозные ценности. В связи с различными социальными и политическими процессами в восточном религиозном сознании, как правило, один из двух процессов усиливался, а другой ослаблялся, не утрачиваясь до конца. В пример можно привести Индию, поликонфессиональное государство, где индуизм является национальным религиозным наследием, а представителей данной религии в среднем насчитывается около 80%. Второй по численности представителей религией является ислам. В Индии также распространены христианство, буддизм, джайнизм и сикхизм. Но, как известно, наибольшую остроту на данной территории приобретает конфликт между индуизмом и исламом: «Отношения между индусами и мусульманами в Индии были и остаются исключительно чувствительным вопросом» [11, с. 106]. Другой проблемой в Индии являлась проблема гражданского индуистского радикализма, проявляющегося по отношению не только к мусульманам, но и к христианам: «Серьёзные проблемы возникали и в отношении индусских фундаменталистов к христианам. Первые совершали нападения на церкви, оскверняли христианские святыни. Сообщалось о случаях, когда у семей христиан отбирали продовольственные карточки и всячески унижали их» [11, с. 116]. В настоящее время в Индии продолжается активное восстановление интереса к своим древним философским и религиозным учениям [15], несмотря на либеральные процессы, сдерживающие политику кастового неравенства [14], происходит возвращение былого статуса индуизма не только в виде национального богатства и памяти традиций, но и в виде мировоззренческих ориентиров и взглядов на общество¹. Национальный уровень религиозного сознания в данной ситуации раскрывается в виде попытки возрождения через религиозный фактор национальных индийских корней. Национальный уровень данного процесса имеет иную окраску, нежели в китайском религиозном

¹ Jaffrelot Ch. India: Caste Stronger than Religion? // IIAS Newsletter. 2003. № 32. November.

сознании: в индийском религиозном сознании он выполняет не глобализирующую, а деглобализирующую роль. Этнический уровень религиозного сознания представлен попыткой вернуть социальные традиции и нормы индийского народа через возвращение индуистской религиозной идентичности. Национальный и этнический уровни религиозного сознания в Индии образуют в синтезе определённую специфику индийского глобального религиозного сознания, которую правильной всего определить как религиозную деглобализацию. Смысловыми ключами национального и этнических уровней являются «выживание» и «социализация», что во многом говорит о непрекращающихся попытках индийской национальной религии выжить и социализироваться в новых условиях динамически развивающегося и глобализирующегося общества. В данном случае показательно доминирование субстратного уровня глобализации религиозного сознания – борьбы за существование и развитие тех древних элементов религиозного сознания, на которых в прошлом была построена вся его система.

Высшие уровни восточного религиозного сознания

Необходимо отметить, что в индийском и частично в китайском религиозном сознании ярко представлен концептуальный слой системы глобального религиозного сознания, что проявляется в высших уровнях религиозного сознания, таких как когнитивно-образовательный, системно-исторический и системно-духовный. С деятельности людей-носителей высочайшего религиозного и философского сознания начались возрождение индийской нации, её самосознания, борьба за освобождение от колониального ига. В результате в Индии стали возрождаться такие религиозные формы, как индуизм и отдельно школа йоги, в Китае – даосизм, даосская йога и конфуцианство, в Тибете – буддизм в форме ламаизма. В Японии возрождение нации после поражения во Второй мировой войне

началось с возрождения боевых искусств, вместе с которыми возродилось и религиозное сознание, и самосознание нации. Высшие уровни религиозного сознания обеспечивают формирование концепта системы религиозного сознания, его целостность, функционирование как организма, со своей жизнью, стадиями, возможностями развития.

Нужно сказать, что высшие уровни религиозного сознания, в особенности системно-духовный, уже были представлены в прошлом и интересно раскрыты в Южной Корее. Данная страна была готова впитать многие западные черты, об этом повествует существование религиозного движения Тонхак, развитие которого происходило в XIX в. на территории Южной Кореи. Движение Тонхак также часто называют крестьянским восстанием, т. к. одной из главных целей был призыв к всеобщему равенству, особенно к равенству классов и равенству полов. Тонхак является одним из «старых новых религиозных движений», вмещающих сразу несколько религиозных учений, его особенности изучает И. А. Толстоулаков: «эkleктическая система Тонхак впитала ряд положений католицизма, конфуцианства и даосизма. Её конфуцианская составляющая определялась учением о пяти социальных отношениях хэ, буддизм привнёс идею о нравственном очищении, даосизм – мистику и конспиративную организацию. Важными компонентами явились христианские положения о равенстве всех перед Всевышним, определение человека как воплощения Бога на земле, монотеистическая идея о персонифицированном божестве» [9, с. 50]. Хотя движение Тонхак не смогло полностью сохраниться до сегодняшних дней, оно оказало значительное влияние на социально-политический характер корейского общества. Говоря о данном религиозном движении, невозможно не затронуть системно-духовный уровень религиозного сознания, характеризующийся пониманием всех религиозных учений как исходящих из единого источника божественной мудрости. Таким образом, данное

народное восстание является примером реализации высокого уровня религиозного сознания в народе, который скорее интуитивно ощущал его, нежели понимал. В настоящее время данный уровень у небольших групп высокообразованных людей в восточных странах проявляется более целостно и осознанно.

Наиболее ярким примером проявления высших уровней религиозного сознания на Востоке является религиозное движение Бахаизм. Это относительно новое религиозное учение со своими священными писаниями, возникшее в XIX в. на Востоке¹. Последний аватар, или божественный пророк – Бахаула – является основателем бахаизма и воспринимается наравне с такими лицами, как Кришна, Будда, Заратустра, Иисус, Мухаммед и др. Единый источник всех существующих религий и утверждение синтеза всех религиозных учений являются основными принципами Бахаизма. Бахаизм возник в Иране на основах ислама и был резко подавлен властью, однако постепенно распространился по всему миру. На взгляд автора, бахаизм является определённой моделью глобального социального, экономического и политического развития, не смотря на сочетание элементов утопизма, которые в себе несут, – такие, как свободное принятие всеми людьми идей бахаизма, что представляется спорным и почти невозможным явлением. Бахаизм как религия отстаивает такие положения, как существование непознаваемого бога-творца, устранение разрыва между бедностью и богатством, равенство всех религий, равноправие мужчин и женщин, гармонию науки и религии, отказ от фанатизма, азартных игр, алкоголя и наркотиков. Эти и другие положения были провозглашены Абдул-Бахой в 1912 г. и сформированы в двенадцать этических принципов бахаизма, что образовало даже собственную учебную программу данного религиозного направления [13]. Бахаизм представляется как репрезентация синтеза ортодоксальных религий и новых рели-

гиозных движений. Бахаизм – это форма религии, показывающая возможные пути соединения религиозных учений, формирования единой мировой религии.

Заключение

Среди общих закономерностей глобализации религиозного сознания на Востоке можно выделить два типа – социально-экономический и социально-культурный, а также отдельно путь деглобализации религиозного сознания. Социально-экономический тип глобализации религиозного сознания объясняется построением взаимовыгодных межрелигиозных отношений и проникновением различных религиозных учений в новое для них культурно-историческое пространство с целью создания благоприятных условий для международного экономического сотрудничества. Социально-культурный тип глобализации религиозного сознания раскрывается в распространении религиозного учения в большей степени как части культуры. Традиции, обычаи, праздники, нормы морали и нравственности, искусство, мода и т. д. одной культуры перенимаются другой культурой, захватывая вместе с собой и религиозные верования, общий взгляд на религию. Путь деглобализации религиозного сознания представляется обособлением и дезинтеграцией определённых религий, восстановлением национально-культурных корней, укреплением национального самосознания народа, что проявляется не всегда мирным образом и не только обнаруживает силу древнего духовного богатства, но и порождает напряжённые межконфессиональные отношения, конфликты.

Национальный и этнический уровни религиозного сознания необходимы для поддержания национального самосознания, его защиты, самоидентификации индивидуальных сознаний. Данные уровни являются фундаментом религиозного сознания в принципе, без которых трудно обойтись практически любому религиозному процессу или явлению. В настоящее время произо-

¹ Бахаулла. Китаб-и Йкан / пер. Ю. А. Иоаннисяна. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 272 с.

шёл сдвиг религиозного сознания у средних классов в сторону культурного и когнитивно-образовательного уровней. Человек всё больше стал рассматривать религию как часть определённой культуры в контексте изучения её основных принципов, отличительных специфик и общих закономерностей. Высшие уровни религиозного сознания (системно-исторический и системно-духовный) в разных степенях также присутствуют везде и необходимы для поддержания всей системы религиозного сознания как целого. Представителей данных уровней немного, но они возрождают и поддерживают мировоззренческое поле религиозного и национального сознания. С деятельности этих людей началось возрождение национальных самосознаний на Востоке, они восстановили религиозное мышление и интерес народов к своей религии, истории, культуре.

Таким образом, все уровни религиозного сознания присутствуют в восточном религиозном сознании, выполняя определённые функции в процессах его глобализации. Выделенные типы глобализации восточного религиозного сознания отражают его оригинальную специфику развития, а уровни подчёркивают общность мировых глобальных религиозных процессов. Уровни восточного религиозного сознания также присутствуют и на Западе, и в России, однако имеют иной механизм и действуют согласно своим специфическим обстоятельствам. Восточное религиозное сознание не является однородным, а имеет свои особенности в страновом выражении как в источниках глобализации религиозного сознания, так и в направленности этих процессов.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева М. А. Уровни религиозного сознания: эволюционно-энергетический подход // Восьмой Российский Философский Конгресс – «Философия в полицентричном мире». Дополнения и Стеновые доклады. Т. V: Дополнения (А–Я) & Addenda): сборник статей. М.: Логос: Новые печатные технологии, 2021. С. 73–76.
2. Вебер М. Общий характер азиатской религиозности / пер. А. Б. Рахманова // Личность. Культура. Общество. 2009. № 4. С. 14–26.
3. Добренко А. А. Религии «Запада» и «Востока»: поиск методологии исследования [Электронный ресурс] // Омские научные чтения – 2018: материалы Второй Всероссийской научной конференции, Омск, 10–15 декабря 2018 г. Омск: Омский государственный университет, 2018. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
4. Камедина Л. В. «Культурное христианство». Феномен современного Китая // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы международной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 29–30 января 2015 г. / науч. ред. Г. С. Митыпова. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2015. С. 12–19.
5. Кортунув В. В., Газалова М. Р., Краснова О. Н. Феномен иррационального в восточном стиле мышления [Электронный ресурс] // Сервис Plus. 2020. № 1. URL: https://service-plus.rgustpubl.org/index.php/1/issue/view/2020_14_1/2020_14_1 (дата обращения: 21.03.2023).
6. Ларченко В. Ю. Появление христианства (несторианства, католицизма, протестантизма, православия) в Корее // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2019. Т. 28. С. 35–42.
7. Можейко М. А. Дифференциация традиционных культур Востока и Запада: детерминанты и параллели // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2022. Т. 4. № 1. С. 5–10.
8. Пахомова М. А. Общество, религиозная политика и ислам в Китае // Религия и общество на Востоке. 2017. № 1. С. 181–201.
9. Толстоулаков И. А. Модернизационные мотивы в деятельности корейского религиозного общества Тонхак // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2009. № 5. С. 50–57.
10. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
11. Юрлова Е. С. Индия. Касты в политике // Религия и общество на Востоке. 2017. № 1. С. 69–125.
12. Bays D. H. A New History of Christianity in China. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2011. 256 p.

13. Gervais M. The Baha'i Curriculum for Peace Education // *Journal of Peace Education*. 2004. № 2. Vol. 1. P. 205–224.
14. Ghoshal S. Affirmative Action in India // *Canadian Medical Association Journal*. 2002. Vol. 166. № 11. P. 1456.
15. Subramaniam B. Holy Science. The Biopolitics of Hindu Nationalism. Seattle: University of Washington Press, 2019. 290 p.
16. Yuan X. Infernal Effect: Christianity, Urbanization and Economic Anxiety in China // *Journal of the American Academy of Religion*. 2021. Vol. 89. № 3. P. 956–977.

REFERENCES

1. Afanas'eva M. A. [Levels of Religious Consciousness: An Evolutionary-Energetic Approach]. In: *Vos'moj Rossijskij Filosofskij Kongress – "Filosofiya v policentrichnom mire". Dopolneniya i Stendovye doklady. T. V: Dopolneniya (A–YA) & Addenda* [Eighth Russian Philosophical Congress – "Philosophy in a Polycentric World." Supplements and Poster Presentations. Vol. 5: Additions (A–Z) & Addenda]. Moscow, Logos Publ., Novye pechatnye tekhnologii Publ., 2021, pp. 73–76.
2. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie (Rus. ed.: Rahmanov A. B., transl. *Obshchij karakter aziatskoj religioznosti*). In: *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2009, no. 4, pp. 14–26).
3. Dobrenko A. A. [Religions of the "West" and "East": Search for Research Methodology]. In: *Omskie nauchnye chteniya – 2018: materialy Vtoroj Vserossijskoj nauchnoj konferencii, Omsk, 10–15 dekabrya 2018 g.* [Omsk Scientific Readings – 2018: Materials of the Second All-Russian Scientific Conference, Omsk, December 10–15, 2018]. Omsk, Omsk State University Publ., 2018. 1 CD-ROM.
4. Kamedina L. V. ["Cultural Christianity" - A Phenomenon of Modern China]. In: *Pravoslavie i diplomatiya v stranah Aziatsko-Tihookeanskogo regiona: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ulan-Ude, 29–30 yanvarya 2015 g.* [Orthodoxy and Diplomacy in the Countries of the Asia-Pacific Region: Materials of the International Scientific and Practical Conference, Ulan-Ude, January 29–30, 2015]. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2015, pp. 12–19.
5. Kortunov V. V., Gozalova M. R., Krasnova O. N. [The Phenomenon of the Irrational Thinking in the Eastern Style of Thinking]. In: *Servis Plus* [Service Plus], 2020, no. 1. Available at: https://service-plus.rgutspubl.org/index.php/1/issue/view/2020_14_1/2020_14_1 (accessed: 21.03.2023).
6. Larchenko V. Yu. [The Emergence of Christianity (Nestorianism, Catholicism, Protestantism, Orthodoxy) in Korea]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series History], 2019, vol. 28, pp. 35–42.
7. Mojeiko M. A. [Differentiation of East and West Traditional Cultures: Determinants & Parallels]. In: *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy], 2022, vol. 4, no. 1, pp. 5–10.
8. Pahomova M. A. [Society, Religious Politics and Islam in China]. In: *Religiya i obshchestvo na Vostoke* [Religion and Society in the East], 2017, no. 1, pp. 181–201.
9. Tolstokulakov I. A. [Modernization Motives in the Activities of the Korean Religious Society Donghak]. In: *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences], 2009, no. 5, pp. 50–57.
10. Uyomov A. I. *Sistemnyj podhod i obshchaya teoriya sistem* [System Approach and General Theory of Systems]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 272 p.
11. Yurlova E. S. [India. Castes in Politics]. In: *Religiya i obshchestvo na Vostoke* [Religion and Society in the East], 2017, no. 1, pp. 69–125.
12. Bays D. H. *A New History of Christianity in China*. Hoboken, Wiley-Blackwell, 2011. 256 p.
13. Gervais M. The Baha'i Curriculum for Peace Education. In: *Journal of Peace Education*, 2004, no. 2, vol. 1, pp. 205–224.
14. Ghoshal S. Affirmative Action in India. In: *Canadian Medical Association Journal*, 2002, vol. 166, no. 11, pp. 1456.
15. Subramaniam B. Holy Science. The Biopolitics of Hindu Nationalism. Seattle, University of Washington Press, 2019. 290 p.
16. Yuan X. Infernal Effect: Christianity, Urbanization and Economic Anxiety in China. In: *Journal of the American Academy of Religion*, 2021, vol. 89, no. 3, pp. 956–977.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Афанасьева Мария Анатольевна – аспирант кафедры философии Ивановского государственного университета;
e-mail: mari.afanasieva@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria A. Afanasyeva – Postgraduate Student, Department of Philosophy, Ivanov State University;
e-mail: mari.afanasieva@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Афанасьева М. А. Глобализация религиозного сознания: восточный путь // Современные философские исследования. 2023. № 4. С. 71–83.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-71-83

FOR CITATION

Afanasyeva A. A. Globalization of Religious Consciousness: Eastern Way. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 4, pp. 71–83.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-71-83

УДК 371.011

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-84-90

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ФЕНОМЕНА ПРИМИРЕНИЯ

Евстифеева Е. А., Филиппченкова С. И., Токарчук Е. Г.

Тверской государственный технический университет

170026, Тверская обл., г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Провести дескриптивный анализ феномена примирения в границах релевантных понятий, выделить и обосновать его аксиологическую составляющую.

Процедуры и методы. Основное содержание исследования составляет дескриптивный анализ феноменов примирения, многомирия, размирия, примиренчества, смирения. Методологическим инструментарием стали феноменологический и герменевтический подходы, с помощью которых раскрываются коннотации феномена примирения.

Результаты. Актуализирована значимость примирения как феномена духовного порядка. Проведённый дескриптивный анализ феномена примирения указал на его релевантность миру, размирию, многомирию, смирению. С помощью философской рефлексии показана значимость аксиологического ресурса акта примирения.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе даётся дескрипция феномена примирения. Доказывается, что все релевантные перемирию понятия имеют аксиологическую, духовно-нравственную составляющую.

Ключевые слова: аксиологическое измерение примирения, многомирие, примирение, размирие, смирение

AXIOLOGICAL RESOURCE OF THE PHENOMENON OF RECONCILIATION

E. Evstifeeva, S. Filipchenkova, E. Tokarchuk

Tver State Technical University

nab. Afanasiya Nikitina 22, Tver Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To conduct a descriptive analysis of the reconciliation phenomenon within the boundaries of relevant concepts, identify and substantiate its axiological component.

Methodology. The main content of the study is a descriptive analysis of the phenomena of reconciliation, poly-worlds, discord, conciliation, humility. Phenomenological and hermeneutical approaches have become the methodological tools, with the help of which the connotations of the reconciliation phenomenon are revealed.

Results. The significance of reconciliation as a phenomenon of spiritual order has been updated. The conducted descriptive analysis of the reconciliation phenomenon highlighted its relevance to peace, discord, poly-worlds, humility. With the help of philosophical reflection, the significance of the axiological resource of the reconciliation act is shown.

Research implications. The paper gives a description of the phenomenon of reconciliation. It is proved that all concepts relevant to the truce have an axiological, spiritual and moral component.

Keywords: axiological dimension of reconciliation, poly-worlds, reconciliation, discord, humility

Введение

В наши дни планетарная жизнь балансирует между войной и миром. Антропологическая катастрофа стучится в дверь. В глобализованном мире вопрос существования становится вопросом о немирном сосуществовании. Изменилась геополитическая ситуация, налицо негативные ближайшие и отдалённые последствия тотальной цифровизации, инфодемии, пандемии, гибридной мировой войны, СВО, вызывающие у большинства людей в «лучшем случае» немотивированный страх, посттравматическое стрессовое расстройство, влекущие дальнейшую патологию. В худшем – социально-психологические и медицинские патологические симптомы – агрессию, насилие, одиночество, суицидальность и т. д. Что делать? Можно ли надеяться на саму идею примирения в современных реалиях? Каков аксиологический, ценностно-смысловой потенциал эффекта от акта примирения? Ответ на эти вопросы вызывает в первую очередь к очерчиванию терминологических и концептуальных возможностей феномена примирения.

Дескрипция феномена примирения

В русском языке термин *примирить* синонимичен слову *мирить*, означающему «восстанавливать согласие, мирные отношения между кем-либо», «заставлять терпимо относиться к кому-нибудь»¹, и происходит от слова *мир*. *Примирение* является синонимом просторечному слову *лад*, означающим «согласие, мир, порядок»², и употребляется в сочетаниях «взаимное примирение, примирение противоположных взглядов, примирение сторон (прекращение на суде спора между сторонами по добровольному соглашению сторон),

мир, согласие после устранения причин ссоры, вражды»³. Благодаря этому слову вспоминается падший ангел, восставший против Всевышнего и озлобленный желанием «с небом примириться»⁴.

В широком смысле под примирением понимается восстановление отношений, взаимосогласованность идей, теорий, нарративов. Акт примирения относится как к процессу, так и к результату отношений между субъектами и объектами. Как сообщают нам эксперты по проблеме примирения, «две стороны будут считаться примирёнными только в том случае, если их будущие отношения улучшатся в результате того, что они удовлетворительно разобрались с эмоциональным, эпистемологическим и/или материальным наследием прошлого. В то время как результат примирения ориентирован на будущее, отмеченное мирными и справедливыми отношениями, процессы примирения, как правило, ориентированы на сохраняющиеся дурные чувства, подозрения или вред, которые были вызваны конфликтами и несправедливостью прошлого»⁵.

Возникает вопрос о примирении как ценности. Примирение как восстановление нарушенных отношений предусматривает предотвращение в дальнейшем ущерба интересам разных сторон. Речь идёт и об обиде как психологическом состоянии, и о благе, которое связано с продолжающимся взаимодействием, например, о материальной прибыли за счёт продолжающейся торговли. Примирение исправляет ущербность в отношениях сторон, аскрипцирует их существование как морально мотивированных на основе взаимного уважения, определённой степени доверительности. Для обоснования

¹ Мирить // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., испр. и доп. М.: А-Темп, 2006. С. 358.

² Лад // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., испр. и доп. М.: А-Темп, 2006. С. 317.

³ Примирение // Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994. С. 819–820.

⁴ Лермонтов М. Ю. Демон // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/36747/demon> (дата обращения: 10.08.2023).

⁵ Radzik L., Murphy C. Reconciliation // The Stanford Encyclopedia of Philosophy: [сайт]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/reconciliation> (дата обращения: 10.08.2023).

аксиологического контекста акта примирения проведём мини-дескриптивный анализ термина примирение.

Перимирение укоренено словом мир. Различая многомерность понятия *мир* и его множество концептуальных версий, мы обсуждаем феномен мира в его широком смысле как образ жизни, позитивный и в аксиологическом, и в духовном контексте¹. Мир – это высшее благо, утверждает Августин Блаженный в «Граде Божьем» [1]. В философском измерении речь идёт о результате акта примирения как согласования личностной воли в процессе выхода из спорной ситуации.

Термин *размирие* семантически противоположен термину *примирение*. В Толковом словаре В. И. Даля находим: «**размири́ться, размири́ться** – прервать мир, нарушить согласие, поссориться, разбрани́ться, стать недругами, начать враждовать. *Не успели помири́ться, опять размирились!* Француз с англичанином подбили турка, он и размирился, и стал воевать с ними заодно. **Размирие́** ср. действие по гл. **размирие́**, ссора, несогласия; разрыв мира, объявление войны; военное время, пора, состояние. **Размирица́** стар._военное время...»². Размирие – это точка невозврата к акту примирения. Это предел, за которым невозможен мир, а только конфликт, разлом, война, военное время. Как противостояние эпохе размирия, в которой жил Андрей Рублёв, символически, как акт примирения, согласия, гармонии предстаёт его икона «Троица». Иконописец творит свой шедевр в эпоху татаро-монгольского ига. Это время размирия, ненависти, убийств, а также предательств не только между князьями, но и простыми людьми. Как противостояние такой эпохи преподавший Сергей Радонежский конституировал Святую Троицу как образ любви, как символ противостояния вражды мира.

¹ Fiala A. Pacifism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy: [сайт]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2023/entries/pacifism> (дата обращения: 10.08.2023).

² Размири́ться, размири́ться // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.; СПб.: Издание М. О. Вольфа, 1882. С. 34.

Он изрёк: «Воззрением на Святую Троицу побеждай ненавистную рознь мира сего». Размирие, распри, грязь, бедствия, жестокость властей, т. е. серая реальность, сопровождавшая повседневную жизнь Андрея Рублёва, инициировали его прозрение, создание божественной гармонии, прекрасного, мира и тем самым возможности перемирия.

Размирие – это та ситуация, когда понять (другого, иное) уже не представляется возможным. Дадим объяснение. Понимание возможно при наличии единого символа веры, который обуславливает акт понимания: «Понимание во многих существенных отношениях предопределяется веровательной установкой. Механизм понимания – это способ установления соответствия различных эмпирических данных, фактов, языковых сообщений некой веровательной структуре. Само соответствие такого рода нередко весьма неопределённо. Поскольку веровательная установка санкционирует разнообразный материал, она тем самым задаёт границы его интерпретации» [3]. Вспомним мудрость автора «Степного волка» Германа Гессе о том, что чтобы понять других, нужно прежде всего понять самого себя. А понять – значит простить! Прощение как морально-психологический акт – это результативное средство примирения. Преодоление плохих, недоброжелательных отношений прощением влияет на устранение негативных установок по отношению к другой стороне. Случай примирения, который не включает прощения, не преодолевает обиды и недоброжелательности.

Концептуализация феномена примирения отсылает нас к онтологии и метафизике *многомирия*, которое означает «свойство бытия образовывать множество миров, универсумов, соположенных или совозможных друг другу»³. Идея и парадигма многомирия XXI в. становятся частью мироощущения и миропонимания

³ Многомирие (multiversality) // Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 134.

человечества. Различение в философии логики и семантики возможных миров, а в физике многомировая интерпретация квантовой механики приводят к заключению: «квантирование мультиверсума ... и смысловое квантование нашей реальности, возникновение всё новых единиц смысла в жизни сознательных существ, можно рассматривать как две стороны одного явления. Образование параллельных миров и образование смыслов нашего мира – это не просто синхронные процессы, но единый процесс, на основе которого естественные науки, с одной стороны, и гуманитарные – с другой, могут достичь общности в понимании мира и места человека в нём»¹. Из такого объяснения многомирия следует сама возможность «быть миру» на основе общего его понимания. А также раскрывается потенциал перемирия. Онтология многомирия перекликается с бытием перемирия как совозможности друг другу, как согласования свободного воления, как понимания другого.

Метафизика многомирия обозначена в «Братьях Карамазовых», в предсмертной речи старца Зосимы сказано: «Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и говорят философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле. Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и возшло всё, что могло взойти, но возвращённое живёт и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным, если ослабевают или уничтожаются в тебе сие чувство, то умирает и возвращённое в тебе»². Транслируя эти размышления на тему перемирия, важно понимать, что каждая из сторон процесса перемирия представ-

ляет собой особый мир (личность, народ, цивилизация и т. д.), который не может быть полностью дескрипирован, описан и расшифрован, декодирован, понят извне. Речь также о том, что акт перемирия укоренён целым, единым, миром. Миром как многомирием. Здесь добавим аргументацию об *омировлении*, означая «превращение отдельного явления в целый мир; становление в качестве мира. Мир – предельно ёмкая категория для обозначения системной связи элементов бытия в качестве самосущего, жизнеспособного целого»³.

Вспомним, что в философии примирения Вл. Соловьёва очевидна диалектическая взаимосвязь между примирением людей и примирением идей. Согласование личностных воли личности со свободой воли другой личности возможно лишь на основе достижения взаимопонимания в их представлениях. Иначе говоря, понимание возможно через символ веры.

Ещё одной семантической гранью примирения предстаёт слово *примиренчество*, которое несёт негативную коннотацию. Речь идёт о желании всеми правдами уйти от конфликтов, которые являются константами социальной жизни, они неизбежны, не всегда деструктивны, они могут разрешаться с целью дальнейшего развития. Интенция к неразумному согласию всех сторон выливается в такие характеристики, как беспринципная уступчивость, соглашательство. А положительный потенциал примирения состоит в другом – в достижении взаимоприемлемого и оптимального решения в наличной ситуации или сложившихся условиях для выхода из конфликтной ситуации. Идею примирения находим у таких философов, как Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, В. С. Соловьёв, М. Вебер и др. Основным назначением примирения признаётся согласование свободных волей (лиц) в процессе выхода из спорной, конфликтной ситуации. Философия всеединства русско-

¹ Многомирие (multiversality) // Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 135.

² Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Часть 2 // Lib.ru: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_01110.shtml (дата обращения: 10.08.2023).

³ Омировление (worldddization) // Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 143.

го мыслителя В. С. Соловьёва видится как логическое примирение и синтез различных идей, концепций, доктрин, культур. В. С. Соловьёв рассматривает примирение в глобальном масштабе как необходимую ступень культурного и нравственного развития [4; 5].

Духовно-нравственная составляющая примирения

Примирение – явление как социально-го, так и духовно-нравственного порядков. Акт примирения влечёт мирное сосуществование. Это способ воздействия на общественную жизнь и межличностные отношения, один из вариантов разрешения социальных конфликтов. Примирение означает достижение, восстановление согласия различных и даже противоположных взглядов, позиций, а также разрешение спорных вопросов мирным путём, включая путь смирения. Раскроем соразмерность явлений примирения и *смирения*. В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова даётся толкование смирению с рефлексивной позиции человека как «осознания своих недостатков, слабостей, сочетающееся с отсутствием гордости, высокомерия»¹. Многомерность феномена смирения говорит о том, что оно различается по отношению к окружающим людям, к самому себе и к трансцендентности (Творцу). Акт смирения по отношению к окружающим людям манифестирует об отсутствии агрессии, гнева, насилия, вражды, неприязни, озлобленности. Это уход от любого противостояния, соперничества.

Русский философ Н. А. Бердяев различал смирение как явление духовного уровня человека, как проявление духовной силы в победе над самоличностью. Смирение – это пробуждение души для действительности: «считать себя самым страшным грешником – есть такое же самомнение, как считать себя святым. Смирение есть не самоуничтожение чело-

веческой воли, а просветление и свободное подчинение её истине ... Смирение не только не противоположно свободе, оно есть акт свободы. Никто и ничто на свете не может принудить меня к смирению, кроме меня самого, лишь через акт свободы оно приходит. Оно всегда есть приобретение большей свободы. Смирение есть глубоко внутреннее, сокровенное явление. И одним из самых страшных извращений христианства было внешнее и рабье понимание смирения...» [2, с. 178, 183].

Такая же интерпретация смирения следует из переписки величайших деятелей русской литературы – писателя Н. В. Гоголя и критика В. Г. Белинского, в которой последний, критикуя проповеди христианского смирения Н. В. Гоголя, писал, что желание стать совершенным и выше всех смирением не есть просветление, оно ведёт к лицемерию и невежеству².

В христианском миропонимании смирение – это духовный акт, добродетель, одно из самых значимых духовно-нравственных становлений человека. Смирение – явление многомерное. Можно понимать смирение, как самоумаление, основанное на признании собственной греховности. В морально-психологическом контексте о смирении размышляет митрополит Тверской и Кашинский Амвросий. Смирение – это пребывание в истине и правде, это не депрессия и не тоска. Он полагает, что без смирения напрасными становятся все добродетели. Истинное смирение не может быть препятствием хорошему, а от всего плохого оно верная защита. Смиранный человек способен быстро исправляться, меняться в лучшую сторону, легко признавать свои ошибки. Когда произносят ежедневную молитву св. Ефрема Сирина в Великий пост, просят у Бога подарить дух смиренномудрия³.

¹ Смирение // Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994. С. 304.

² Белинский В. Г. Письмо к Н. В. Гоголю от 15/3 июля 1847 г. // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8: Статьи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 500–510.

³ Амвросий (Ермаков), митр. Таинство прекрасных дел. 2-е изд., испр. и доп. Тверь: Тверская и Кашинская епархия, 2021. С. 40–42.

Имея один корень, коннотацию, смысл с примирением как выражением упорядоченности социальных, юридических связей для сбалансированности разных социальных интересов, смирение всё же различается своей направленностью на внутреннее духовно-нравственное и психологическое состояние человека, его рефлексивность. Мы видим, что в духовной жизни смирение проявляется в том, что человек независимо от обстоятельств пребывает в равновесии и согласии с самим собой, не возвышается ни над кем. Можно повторить, что смирение – это добродетель, противоположная гордыне, но не-

отъемлемая составляющая самодостаточной личности, стремящейся к духовному росту.

Заключение

В итоге возникает понимание того, что дескрипция примирения в ряду релевантных понятий – многомирия, размирия, смирения – указывает на аксиологическую, духовно-нравственную составляющую этого феномена. Понимание, прощение, смирение предписывают акт примирения.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Блаженный. Книга девятнадцатая // Августин Блаженный. О граде Божием: в 2 кн. Кн. 2. М.: Т8 Rugram, 2020. С. 349–414.
2. Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
3. Евстифеева Е., Филиппченкова С. Психологическая модель врачевания: философские основания [Электронный ресурс] // Философия и психотерапия: сборник научных статей и рабочих материалов к докладам участников II Международной конференции, Санкт-Петербург, 31 мая – 1 июня 2014 г. / под ред. С. М. Бабина, В. В. Андрияшина, И. Г. Глухой. URL: <http://hpsy.ru/public/x6389.htm> (дата обращения: 10.08.2023).
4. Рощинский С. Б. Примирение идей и идея примирения в философии всеединства В. Соловьёва. М.: Российская академия государственной службы, 1999. 220 с.
5. Соловьёв В. С. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1988–1989.

REFERENCES

1. Augustinus A. Book XIX (Rus. ed.: *Kniga devyatnadcataya*. In: Augustinus A. *O grade Bozhiem* [De civitate Dei contra paganos]. Moscow, T8 Rugram Publ., 2020, pp. 349–414).
2. Berdyaev N. A. *O naznachanii cheloveka* [On the Purpose of a Person]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 383 p.
3. Evstifeeva E., Filippchenkova S. [Psychological Model of Healing: Philosophical Foundations]. In: *Filosofiya i psihoterapiya: sbornik nauchnyh statej i rabochih materialov k dokladam uchastnikov II Mezhdunarodnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 31 maya – 1 iyunya 2014 g.* [Philosophy and Psychotherapy: A Collection of Scientific Articles and Working Materials for the Reports of Participants of the II International Conference, St. Petersburg, May 31 – June 1, 2014]. Available at: <http://hpsy.ru/public/x6389.htm> (accessed: 10.08.2023).
4. Rocinsky S. B. *Primirenje idej i ideya primireniya v filosofii vseedinstva V. Solov'yova* [Reconciliation of Ideas and the Idea of Reconciliation in the Philosophy of Unity of V. Solovyov]. Moscow, Russian Academy of Public Administration Publ., 1999. 220 p.
5. Solov'yov V. S. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Pravda Publ., 1988–1989.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евстифеева Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, проректор по развитию персонала, заведующий кафедрой психологии и философии Тверского государственного технического университета;
e-mail: pif1997@mail.ru

Филиппченкова Светлана Игоревна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии Тверского государственного технического университета;
e-mail: sfilippchenkova@mail.ru

Токарчук Елена Григорьевна – аспирант кафедры психологии и философии Тверского государственного технического университета;
e-mail: mglenchik@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Vice-Rector for Personnel Development, Head of the Department, Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University;
e-mail: pif1997@mail.ru

Svetlana I. Filippchenkova – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University;
e-mail: sfilippchenkova@mail.ru

Elena G. Tokarchuk – Postgraduate Student, Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University;
e-mail: mglenchik@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Евстифеева Е. А., Филиппченкова С. И., Токарчук Е. Г. Аксиологический ресурс феномена примирения // Современные философские исследования. 2023. № 4. С. 84–90.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-84-90

FOR CITATION

Evstifeeva E. A., Filippchenkova S. I., Tokarchuk E. G. Axiological Resource of the Phenomenon of Reconciliation. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 4, pp. 84–90.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-84-90

УДК 141.3; 141.154

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-91-102

МИРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СЕТЬ: МОДЕЛЬ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Жульков М. В.

Ивановский государственный университет

153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучить формирование концепции мировой цивилизационной сети (МЦС), моделирующей современную глобальную цивилизацию.

Процедура и методы. Применяются методологии системного и ноосферного подходов, ноосферного энергетизма, метод сети.

Результаты. Представлена концепция мировой цивилизационной сети, где узлами являются поселения, а соединительные линии показывают потоки вещества, энергии, информации. Рассмотрены три варианта сети. Изменения в сети происходят либо в узлах и распространяются через связи узла с другими городами-узлами, либо через возбуждение связей, что также влияет на соседние узлы, регион или всю сеть. Сеть моделирует не только современную глобальную цивилизацию, но и глобальное сознание, где единицами являются объединённые сознания поселений (городов).

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложенная модель мировой цивилизационной сети вносит вклад в исследование глобальной цивилизации. Концепция позволяет моделировать различные глобальные и локальные процессы современного мира.

Ключевые слова: глобальная цивилизация, глобальное сознание, мировая цивилизационная сеть, многополярный мир, ноосферный энергетизм, самоорганизация сети

THE WORLD CIVILIZATION NETWORK: A MODEL OF THE GLOBAL WORLD

M. Zhulkov

Ivanovo State University

ul. Ermaka 39, Ivanovo 153025, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the formation of the concept of the World Civilization Network, which models the modern global civilization.

Methodology. The methodologies of systemic and noospheric approaches, noospheric energetism, and the network method are applied.

Results. The concept of a world civilization network is presented, where the settlements are the nodes, and the connecting lines show the flows of matter, energy, and information. Three variants of the network are considered. Changes in the network occur either in the nodes and propagate through the node's connections with other node-settlements, or through the excitation of the connections, which also affects the neighboring nodes, the region, or the entire network. The network models not only the modern global civilization, but also the global consciousness, where the units are the united consciousnesses of settlements (cities).

Research implications. The proposed model of the world civilization network contributes to the study of global civilization. The concept allows modeling various global and local processes of the modern world.

Keywords: global civilization, global consciousness, world civilization network, multipolar world, noospheric energetism, self-organization of the network

Введение

Современная цивилизация стала глобальной благодаря развитию западной цивилизации, к концу XIX в. большая часть мира была поделена между колониальными европейскими державами. В результате мировых войн мир стал биполярным, затем на краткий тридцатилетний промежуток – однополярным. В настоящее время мир находится на стадии очередного «передела мира», перехода к многополярности. Одновременно с 1990-х гг. начался подъём национальных самосознаний, а примерно с начала XXI в. нарастают процессы формирования отдельных цивилизационных зон, сверхцивилизаций, выделяют десять-двенадцать таких формирующихся образований. При этом мир не перестаёт быть глобальным, меняется только форма глобальности. Начиная с середины XX в. возрастает значение восточных цивилизаций, и глобальный мир постепенно становится не прозападным, а именно глобальным, в котором будут представлены все регионы мира – в культурном, экономическом, политическом плане. Для объяснения глобального мира, его истории, настоящего и будущего создано множество концепций, которые можно собрать в три группы – информационные, структурно-энергетические, вещественные. Однако целостной концепции, объединяющей все или ряд процессов глобального мира, пока не создано. Этим определяется актуальность исследования. Целью является формирование концепции мировой цивилизационной сети (МЦС), моделирующей современную глобальную цивилизацию, основные направления её самоорганизации. Новизна определяется моделью глобальной цивилизации, позволяющей исследовать информационно-семиотические, структурно-энергетические, вещественно-экономические процессы современной цивилизации. Концепция МЦС является комплексной, поскольку кроме модели цивилизации она является также моделью глобального сознания. Так в одном подходе соединяются объективные и субъективные процессы и структуры.

В исследовании используются несколько методов – системный подход, ноосферно-энергетический подход, концепция сети.

В исследовании применяется системный подход, параметрическая теория систем А. И. Уёмова [11], её приложение к гуманитарным исследованиям И. В. Дмитриевской [3]. В этом подходе система рассматривается как состоящая из трёх компонентов: субстрата (совокупности элементов), структуры (отношения элементов), концепта (системообразующего свойства). В приложении к различным сетям современной цивилизации эти три компонента выражаются троичностью *вещество – энергия – информация*. Информационные взаимодействия образуют системообразующие свойства цивилизации; силовые и энергетические отношения (политические, военно-технические) формируют структуры; а вещественные (экономические, технологические, торговые) – материальный базис цивилизации. Метод сети и сетевых структур [15] разрабатывался для анализа общественных отношений, отношений в социальных сетях. Для нас важно качественное представление сети: узлы и линии связи между ними, показывающие отношения между узлами. Узлы могут символизировать отдельных людей, предприятия, города так же, как и линии связи моделируют отношения различной природы.

Ноосферный энергетизм [6] постулирует взаимодействие двух миров – информационного и вещественного (физического) с помощью энергоинформационных взаимодействий. Наличие двух миров и их тесной взаимосвязи приводит к положению о том, что мировая цивилизация и глобальное сознание соответствуют друг другу и образуют общее культурно-цивилизационное поле. Изменения в социальной организации приводят к изменениям в сознании так же, как и изменения сознания меняют социальную организацию. Таким образом, для исследований сетей важно изучать влияние на взаимодействия субъективных факторов, активности сознания.

Совместное использование системного подхода, ноосферного энергетизма, мето-

да сети позволяет в едином подходе исследовать вещественные, энергетические и информационные процессы, формировать синтетический взгляд на современную цивилизацию, объединить элементы глобального мира в единую саморазвивающуюся систему. Используемые методы предоставляют возможность исследовать процессы самоорганизации мировой цивилизационной сети, предлагать решения кризисных ситуаций и конфликтов.

Основные концепции глобального мира

Процессы глобализации, в которые погружён мир, включают все стороны жизни общества, глобализация сознания – одна из важнейших составляющих этих процессов. Мир становится неустойчивым, часто непредсказуемым, бифуркационным по характеру перемен. В связи с чем возникает необходимость нового осмысления (переосмысления) структуры мировой цивилизации, места человека в мире.

В настоящее время выявлено множество процессов глобализации и концепций, которые их описывают. Их можно объединить в несколько групп, получим следующее перечисление:

– вещественные концепции (экономический и социально-экономический детерминизм): либерализма; диалектического материализма (смена общественно-экономических формаций); мир-экономики Ф. Броделя, мир-системного анализа И. Валлерстайна;

– информационные: сетевого общества (Я. Ван Дейк, М. Кастельс), информационного общества (Ф. Вебстер); общества знания [9]; коллективного разума [18]; цифровизации всех сфер жизни [8]; искусственного интеллекта;

– структурно-энергетические: политические – однополярного и многополярного мира; рационального общества (коэволюция человека и природы, экологический и нравственный императивы, Н. Н. Моисеев [7]); перехода биосферы в ноосферу под действием научной мысли и труда организованного человечества (В. И. Вернадский

[1, с. 20]); Н. Фергюсона об иерархических и сетевых структурах власти («площадь и башня»);

– философско-религиозные: учение Агни Йоги (Е. И. и Н. К. Рерихи) о психической энергии; Питирима Сорокина о солидарности и любви; Н. А. Бердяева о новом религиозном сознании; Роза Мира Д. Л. Андреева;

– культурно-цивилизационные: столкновения цивилизаций (С. Хантингтон); ООН – организации единства человечества (К. Ясперс), дискуссия по поводу её федеративного или унитарного устройства (мировое правительство); первой глобальной революции (А. Кинг, Б. Шнайдер); конца истории Ф. Фукуямы; борьбы за власть и влияние Э. Тоффлера; сверхобщества А. А. Зиновьева; концепция А. Г. Дугина о войнах ума – ноомахии.

Особо отметим концепцию цефализации ноосферы Г. С. Смирнова, в которой ноосферное развитие человечества рассматривается как развивающиеся структуры глобального мозга, имеющего восточное и западное, северное и южное полушария, элементами которого являются поселения и их взаимосвязь. Эволюция и история человечества рассматриваются как этапы цефализации, структуры цивилизации – как модусы цефализации [10, с. 267–286].

Отметим, что концепция сетевого общества делает упор на информационных связях, коммуникациях людей. Исследуется влияние информационных, социальных связей на социальную жизнь, бизнес, даже политику [12]. Развиваются различные информационные и культурные сети внутри интернета как универсальной коммуникационной системы: музыкальные, научные, образовательные, политические, религиозные и др.; исследуются самые различные сети: электрические, производственные, транспортные, логистические; сети городов, распространение в них инноваций, например, сети междугородних сообщений; исследование сети зелёного развития в связи с деятельностью китайского глобального проекта «Один пояс – один путь» [20]; создаются сетевые модели круговоро-

тов (абиогенных, биогенных и техногенных) химических элементов и веществ на планете, исследуется влияние человеческой цивилизации на эти круговороты.

Параг Ханна описывает глобальную цивилизацию как формирующуюся сеть крупных городов и последствия этого для отдельных людей [16]. Наш подход рассматривает города не только как узлы цивилизации, но и как единицы глобального и национального сознания. Цивилизация рассматривается в совокупности экономической, политической, культурной жизни.

Большое разнообразие исследований глобального мира приводит к необходимости поиска синтетических концепций, рассматривающих все или большинство сфер жизни общества, изучающих их с единых позиций. Одна из них – концепция мировой глобальной сети цивилизации.

Концепция мировой цивилизационной сети

Автором разработана концепция глобальной цивилизации как мировой цивилизационной сети. Эта глобальная сеть мировой цивилизации состоит из городов, представленных в модели кружками определённой величины, которая зависит от населения, экономической, политической, культурной мощи. Каждый город-узел обладает определёнными экономическим, политическим, культурным потенциалами. Узлы связаны линиями, символизирующими потоки вещества, энергии, информации. Субстратом системы мировой сети является совокупность поселений на планете, структуру образуют вещественные, энергетические, информационные связи между ними, формирующееся глобальное сознание является системообразующим свойством мировой сети.

Данная сеть, с одной стороны, моделирует цивилизацию с её экономикой, культурой и политикой. А с другой – это модель глобального и локального сознаний. Элементами глобального сознания выступают не столько индивидуальные сознания, сколько объединённые сознания городских поселений. Чтобы каким-то об-

разом учитывать субъективное состояние населения, необходимо ввести определённые показатели (индексы), отражающие это состояние и его динамику, психическую и ментальную активность.

Впервые на планете образовался взаимосвязанный мир, который может быть описан как мировая или глобальная сеть, но не только информационная, а цивилизационная – сеть городов, которая покрывает всю планету, носит глобальный характер. Сеть начала глобальное функционирование примерно с середины XIX в., когда в мировую торговлю была включена Япония. Имеются политические, экономические, транспортные, энергетические, культурные, информационные взаимосвязи между городами, которые и образуют форму социума. Одновременно формируется глобальный сетевой разум, функционирование мировой цивилизационной сети должно привести к формированию глобального человеческого разума и глобального сознания. Жизнь сети – это возбуждение связей или изменения внутри узлов сети – городов. По нашему мнению, триггером современного развития явилось событие 11 сентября, возбуждение крупного узла мировой сети (Нью-Йорка), от которого начали расходиться круги ответных реакций. Изменения, которые происходят в сети, хорошо известны: экологические проблемы, экономические и политические кризисы, военные конфликты, межрелигиозные конфликты, распад и образование новых государств, стихийные бедствия, техногенные катастрофы, международный терроризм, развитие науки и технологий. Все эти подчас далёкие и такие разные события вызываются возбуждением отдельных узлов сети или их взаимосвязей, а также целых локальных регионов.

В предлагаемой модели единицей сети (узлом) является не отдельный человек или его сознание, а поселение – город. Модель рассматривает три уровня взаимодействий в мировой сети: вещественно-энергетический, психоэнергетический, информационный. Взаимосвязь между уровнями определяется основным ноос-

ферным законом (информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество, разработан И. В. Дмитриевской [3, с. 27–28]). Примерное содержание уровней [4, с. 41–42]:

– вещественный, социальный уровень – это синтетический уровень, он объединяет политические, экономические, культурные процессы. Эти процессы можно классифицировать как обмен веществом, энергией, информацией, все эти процессы имеют определённый физический субстрат. Например, информация кодируется знаковыми системами и передаётся техническими средствами. Современная жизнь показывает, что для прогнозирования необходимо учитывать субъективные, психические и ментальные процессы, субстрат которых современной наукой не определён, но их воздействие явно ощущается;

– энергоинформационный, структурно-энергетический уровень. Содержит психоэмоциональные, психоэнергетические отношения: межэтнические, военно-стратегические, религиозные отношения; психоэнергетические потенциалы стран и народов, а также городов;

– информационно-семиотический уровень наполняется энергией мысли: культура, наука, образование, философия, национальные миссии и цели, мировоззрение, система права и т. п. Этот уровень обеспечивает общее поле для обсуждения проблем, возможность решения проблем, достижения компромиссов по мировоззренческим вопросам.

В связи с выделенными уровнями необходимо констатировать, что цивилизация, как мы её понимаем, существует на социальном (социально-экономическом) уровне, а глобальное сознание формируется не столько на этом уровне, сколько на своём собственном – информационном.

Моделирование процессов сети

Моделирование процессов сети может касаться каждого из трёх выделенных уровней отдельно или только субъективной жизни сетевой цивилизации. До сих

пор моделирование касалось материальных, т. е. цивилизационных процессов. Однако всё большее значение приобретает субъективная жизнь людей и её изменения, последствия и реакция на те или иные события, в том числе на действия властей на том или ином уровне. Отсюда вырастает проблема моделирования субъективной жизни сети. Такое моделирование находится в начале своего развития, здесь широкое поле исследования и экспериментов.

Сама цивилизационная сеть может выступать в нескольких вариантах: 1) мировая сеть практических всех населённых пунктов; 2) сеть, соединяющая столицы государств, тогда каждый узел сети будет представлять государство с его потенциалами – экономическим, политическим, военным, культурным; 3) мировая сеть, в которой показаны её основные структурные единицы, включая стратегические треугольники, политические, экономические, военные объединения, а также сверхцивилизации (сферы влияния, экономические, валютные зоны). Такая модель позволит моделировать динамику развития государств, их объединений в региональном и глобальном масштабах.

Рассматривая узлы сети, констатируем следующие потенциалы, которые должны характеризовать узлы сети: экономический, политический, культурный; отдельно необходимо разработать экологический потенциал, показывающий качество отношений города и окружающей среды (пример расчёта индексов для нейронной сети городов можно посмотреть в статье [19]); а также индекс (показатель) субъективной жизни, показывающий её психоэнергетический и интеллектуальный потенциал. Трудности определений этих потенциалов преодолимы и открывают широкое поле исследований и математических экспериментов. В качестве примера проникновения субъективных факторов в политическую жизнь отметим важность личных отношений между главами государств. Они могут как улучшить отношения государств, так и испортить их. Примером может служить основной геополитический треугольник антигитлеровской коалиции (И. Сталин,

Ф. Рузвельт, У. Черчилль времён Второй мировой войны и последующего за ней периода холодной войны). В настоящее время изучаются субъективные стороны геополитики, например, исследуется взаимосвязь геополитики и тревоги (субъективного фактора) [14]. Так субъективные факторы входят в повседневную жизнь государств и межгосударственных отношений.

Концепция мировой цивилизационной сети является не только теоретической конструкцией. Одновременно эта модель является эмпирическим обобщением, отвечающим современным реалиям и протекающим процессам. Формирование глобальной сети разумной цивилизации является итогом всего предыдущего развития биосферы и истории человечества, и, одновременно, исходной точкой для всего последующего развития. Основные концепции глобального мира, кратко перечисленные в начале работы, хотя и носят системный и глобальный характер, всё же учитывают не все основные происходящие в мире процессы. Эти концепции выделяют некоторые стороны мира в ущерб другим.

Отметим, что в настоящее время концепция сетевой цивилизации касается в основном информационных и коммуникационных процессов [12; 16]. Элементом нейросети или социальной сети являются единица сознания – отдельный человек. Сеть представляет для отдельного человека нечто объективно существующее, от чего он зависит и на что хочет влиять. Такая модель рассматривает информационные, социальные и культурные отношения, что является недостаточным для моделирования глобальной цивилизации. Наиболее близкой к представленной нами является концепция коннектографии Параг Ханна. Исследователь рассматривает сеть мегаполисов, в которых происходят основные изменения. Связи между такими городами преодолевают границы между странами, создавая новую реальность. Концепция обращает внимание на сетевую структуру мира, постепенную децентрализацию, экономические сети поставок, формирование хабов, информационные потоки. Т. е.

Параг Ханна делает упор именно на связи между городами, организациями, людьми. В нашей концепции узлы имеют такое же важное значение, как и связи. Сетевые структуры мира, т. е. горизонтальные связи, приобретают всё большее значение, однако иерархические властные структуры (национальные государства) по-прежнему остаются главными участниками мировых процессов. Здесь мы солидарны с концепцией Н. Фергюсона об иерархических и сетевых структурах власти.

Качественная модель мировой цивилизационной сети позволит разработать математическую модель для расчёта вариантов развития мировой цивилизации. Для этого необходимо учитывать основные уровни самоорганизации взаимодействий в мировой сети: вещественные, энергетические, информационные; необходимо учитывать и исследовать объективные и субъективные характеристики и процессы функционирования.

Узлы сети имеют двойственный субъект-объектный характер, сочетающий объективный потенциал на основе положения и связей в сети и его субъективную составляющую, энергоинформационную сущность, использующую этот потенциал в той или иной степени, меняющую его.

Основой самоорганизации сети являются двусторонние отношения городов и стран. Однако единицей самоорганизации мировой цивилизационной сети необходимо считать геополитические треугольники, поскольку это наименьшее множество, аналогичное большей структуре. На модели геополитических треугольников возможно разработать методы определения потенциалов, математический аппарат для расчёта его структуры и динамики отношений. Разработанная модель может быть применена к исследованию возможных нормальных и критических вариантов функционирования геополитических треугольников и самой сети в региональном и глобальном масштабах. Предложенная модель позволяет также исследовать способы повышения устойчивости функционирования национальной цивилизационной сети, её проти-

водействия внутренним, внешним угрожающим факторам и внешним воздействиям.

Исследование цивилизационной сети в общем и геополитических треугольников в частности требует определённого общесистемного аппарата, а также естественнонаучного и математического описания. Такой аппарат может быть сформирован в рамках меосферно-энергетического, сетевого и системно-синергетического подходов. Так, Д. Мадео и Ч. Мокенни исследуют взаимодействие людей в социальных сетях [17], учитывая конфигурацию сети и процессы самоорганизации. Здесь проявляются два фактора: объективный (сеть с её нормативным поведением и принуждением) и субъективный – личное решение человека, его сила отстаивать свою точку зрения. А. Делниц, В. Реддер анализируют власть в социальных сетях [13]. В этой статье так же, как в предыдущей, проводится различие между структурой сети, которая жёстко определена, и действиями субъектов (акторов), которые могут реализовать потенциал узла, в котором находятся, а могут и не реализовать – в зависимости от личных усилий, способностей и т. п. Потенциалы узлов рассчитываются с помощью представлений об энтропии, которая здесь выступает мерой организованности. И хотя используемые примеры относятся к взаимодействиям людей, любая новая модель начинается с простых и частных случаев.

Представляется, что моделирование субъективной составляющей нужно усложнить и констатировать, что акторы могут усиливать потенциал узла, оставлять его неизменным или ослаблять его. В результате динамика сети в такой модели может дать представление о реальных процессах, различных сценариях событий. Можно утверждать, что цивилизационная сеть будет в скором времени исследоваться достаточно сложными методами, учитывающими как объективные, так и субъективные факторы, и так будет сформировано новое научное направление.

Рассматривая динамику мировой цивилизационной сети, ещё раз отметим, что ноосферный энергетизм представляет мир

человека объединением двух миров: информационного мира сознания и мысли и мира социальной реальности. Сознание и социум соответствуют друг другу. Их синергия такова, что они взаимоопределяют друг друга: сознание выстраивает нужные для своего выражения социальные формы, а сами эти формы определяют содержание сознания, его направленность. В результате мировая сеть представляет не только цивилизацию, но и её сознание. Социальная организация должна приобрести такие качества организованности, чтобы проводить новые энергии – планетарные по своему масштабу и качеству, способные вместить глобальное сознание человечества и его энергии.

Процессы самоорганизации мировой цивилизационной сети

Рассмотрим основные направления самоорганизации мировой цивилизационной сети. Используя диалектику, выделим несколько уровней. Во-первых, это уровень единства мировой цивилизационной сети как целого. Это единство образуется связями каждой страны с каждой, т. е. парными отношениями. Уровень находит своё выражение в Организации Объединённых Наций, в её Генеральной Ассамблее, в равенстве участников. Другой тип единства – качественный – образуется за счёт энергоинформационных взаимодействий глобальной цивилизации и глобального сознания: благодаря этим взаимодействиям они взаимосвязаны, определяют друг друга. Этот тип единства формируется на локальном и глобальном уровнях. Сознательное использование энергоинформационных взаимодействий, психической энергии открывает новые перспективы развития цивилизации, оно необходимо для развития сознания на всех уровнях – индивидуального, группового, глобального сознаний.

Следующий уровень – отношения трёх стран, формирование треугольников. Среди них один является стратегическим, это треугольник *Россия – США – Китай*. Существует ряд других треугольников, многие находятся на стадии формиро-

вания (подробнее о геополитических треугольниках см. [5]). Далее, следуя диалектической схеме (1 – 3 – 7 – 12) и эмпирическим данным, следует G7, семёрка развитых стран. Как известно, это развитые страны западного мира. Уже примерно пятьдесят лет как страны Востока начали просыпаться после нисходящей ветви своего исторического цикла, они образуют (вместе с Россией) новые объединения, такие как ШОС и БРИКС. Пятёрка стран БРИКС дополняет семёрку развитых экономик западного мира, являясь зародышем нового миропорядка. К настоящему времени (июнь 2023 г.) целый ряд стран выразили намерение вступить в эти объединения.

Следующая ступень – двенадцать цивилизационных зон, которые постепенно выделяются в современном глобальном мире. Среди них есть устоявшиеся цивилизационные зоны и страны. Так, Д. А. Дегтярев, М. С. Рамич называют шесть основных центров силы в современном мире: Россия, ЕС, Индия, Китай, США, Япония [2, с. 34]. С. Хантингтон выделил девять основных цивилизаций, одним из главных критериев выделения которых является религия как один из важнейших факторов цивилизационного развития. Среди сложившихся объединений стран следует назвать ЕС, среди развивающихся – АСЕАН (с центром в Индонезии как главной экономике и геополитической силе региона юго-восточной Азии), ЕАЭС (объединение на постсоветском пространстве). Объединения в Африке, Латинской и Центральной Америке пока далеки от необходимой интеграции. Перечислим двенадцать цивилизационных зон: ЕС (Франция, Германия – системообразующие страны), англосаксонская (США, Англия, Австралия (АУКУС) плюс Новая Зеландия), Российская (страны СНГ, ЕАЭС), Китай, Индия, Япония, Юго-Восточная Азия (АСЕАН), зона Арабских государств, страны северной и центральной Африки, Южная Африка, Латинская Америка (Бразилия), возможно, страны Карибского бассейна образуют двенадца-

тую зону. Концепция мировой цивилизационной сети позволяет моделировать развитие этих регионов, а также их взаимодействие в глобальном масштабе. Ряд исследователей считают, что внутри регионов будет своя валюта, особенности экономики, свои социальные сети, культурная и религиозная общность и т.д. Глобальный мир к середине века будет представлять собой не просто объединение наций-государств, но целый ряд цивилизационных зон или регионов, каждый со своими особенностями. Часть регионов имеют явно выраженного лидера (Россия, США, Индонезия, Бразилия), некоторые регионы состоят из одной страны (Индия, Китай, Япония). В некоторых регионах нет одного явного лидера, как, например, в ЕС. Так постепенно в современном мире складывается многополярность, развивающаяся по нескольким направлениям: ООН как выражение единства человечества и равенства стран; стратегический треугольник, семёрка развитых западных стран, пять стран БРИКС – сторонники нового миропорядка; двадцатка плюс – несколько десятков наиболее развитых стран мира; формирующиеся десять-двенадцать цивилизационных зон; ряд политических, экономических, военных союзов.

Исходя из концепции мировой цивилизационной сети, следует отметить, что движущие силы самоорганизации включают как объективные причины (экономические, политические, культурные), так и субъективные (психоэнергетические и ментальные особенности населения). Трудность моделирования развития современной цивилизации состоит как раз в трудностях оценки субъективных факторов развития.

Заключение

В результате сформулирована концепция мировой цивилизационной сети. Она состоит из узлов, которые символизируют поселения (города), линии между ними показывают вещественные, энергетические, информационные связи. Субстратом си-

стемы сети является совокупность всех поселений на планете, структуру образуют связи между ними, информационные потоки образуют системообразующее свойство мировой сети. Узлы имеют двойственную субъект-объектную природу, узел символизирует не только поселение, но и его объединённое сознание. Сеть моделирует структуру современной глобальной цивилизации, а также процессы формирования глобального сознания. Разрабатываемая концепция имеет синтетический характер, открывает возможности математического моделирования динамических процессов современного глобального мира. Информационные потоки объединяют в коллективный разум индивидуальные умы, коллективные разумы городов, формируют национальные сознания, а также сверхцивилизации с общими культурными кодами.

Предложенная модель мировой цивилизационной сети является одной из эффективных моделей глобальной цивилизации, состоящей из сети городов, взаимосвязанных силовыми линиями потоков вещества – энергии – информации. Эта модель позволяет изучать динамические объективные и субъективные изменения в глобальной системе, т. к. любое возбуждение единичного элемента сети или их связи приводит к волнам возбуждения силового каркаса сети, вызывает локальные и глобальные изменения.

Глобальная сеть цивилизации, соединяющая узлы-города, является моделью глобального социума и одновременно моделью сетевого глобального сознания. Информационные потоки объединяют не только индивидуальные умы, но и общественное сознание (коллективный разум) городов, а также национальные сознания отдельных стран и сверхцивилизаций, объединяющих ряд стран с общими культурными и религиозными кодами. Происходящие изменения вызываются возбуждением связей или отдельных узлов, откуда изменения распространяются на окружающие узлы и по всей сети. Поскольку глобальная сеть находится в планетарном поле эволюции, изменения охватывают весь возможный

спектр: экономику, политику, культуру, международный терроризм, природные и техногенные катастрофы, эпидемии, экологические и другие глобальные проблемы, а также психическое и ментальное состояние населения.

Необходимо проведение исследований для поиска надёжных критериев сравнения информационных, энергоинформационных и энергетических процессов, выработки показателей (индикаторов) и способов их расчёта. В результате станет возможным математическое моделирование глобальной цивилизации, исследование различных сторон её развития, различных сценариев обобщённого развития мировой цивилизационной сети. Одна из важнейших задач моделирования мировой цивилизационной сети – учёт субъективного фактора, уровня пассионарности, образованности, скорости принятия решений, волевого настроя. Эти исследования только начались, основная трудность, как представляется, состоит в определении объективных показателей субъективного развития.

Представленная модель в соединении с методами математического моделирования позволит адекватно описывать и глубже понимать происходящие революционные и эволюционные изменения в глобальном сознании и формах социальной организации, планировать и направлять общечеловеческое и национальное развитие, предвидеть риски и уменьшать возможные негативные последствия. Представляется актуальным исследование методов повышения устойчивости цивилизационной сети на национальном и локальном уровнях. Полученные результаты могут быть использованы в моделировании и прогнозировании глобального, национального и регионального развития с учётом проблем безопасности и устойчивости по конкретным параметрам экономического, политического, культурного развития.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
2. Дегтярев Д. А., Рамич М. С. Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // *Контурь глобальных трансформаций*. 2021. Т. 14. № 3. С. 23–43.
3. Дмитриевская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы. Ч. 2. Иваново: Ивановский государственный университет, 2002. 177 с.
4. Жульков М. В. Геополитические треугольники в контексте многополярного мира: системный подход // *Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология*. 2022. № 3. С. 33–49.
5. Жульков М. В. Геополитические треугольники как способ самоорганизации мировой цивилизационной сети // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2023. № 2. С. 139–152.
6. Жульков М. В. Ноосферный энергетизм: фундаментальная онтология // *Философская мысль*. 2017. № 9. С. 23–45.
7. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
8. Никитская Е. Ф., Валишвили М. А., Афонина В. Е. Цифровизация в глобальном мире: международная практика и российский опыт // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2021. № 10. Ч. 2. С. 150–159.
9. Осипов Г. В., Кара-Мурза С. Г. Общество знания: в 2 кн. Кн. 1: История модернизации на Западе и в СССР. Кн. 2: Переход к инновационному развитию России. М.: ЛИБРОКОМ, 2020.
10. Смирнов Г. С. Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново: Ивановский государственный университет, 2015. 504 с.
11. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
12. Bruning P. F., Alge B. J., Lin H.-C. Social Networks and Social Media: Understanding and Managing Influence Vulnerability in a Connected Society // *Business Horizons*. 2020. № 63 (6). P. 749–761.
13. Dellnitz A., Rödder W. An Entropy-Based Framework to Analyze Structural Power and Power Alliances in Social Networks [Электронный ресурс] // *Scientific Reports*. 2020. № 10. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-020-67542-0> (дата обращения: 10.08.2023).
14. Eberle J., Daniel J. Anxiety Geopolitics: Hybrid Warfare, Civilisational Geopolitics, and the Janus-Faced Politics of Anxiety [Электронный ресурс] // *Political Geography*. 2022. № 92. URL: <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2021.102502> (дата обращения: 10.08.2023).
15. Freeman L. C. The Development of Social Network Analysis: A Study in the Sociology of Science. Vancouver: Empirical Press, 2004. 205 p.
16. Khanna P. Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016. 335 p.
17. Madero D., Mocenni C. Self-Regulation Versus Social Influence for Promoting Cooperation on Networks [Электронный ресурс] // *Scientific Reports*. 2020. № 10. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-020-61634-7> (дата обращения: 10.08.2023).
18. Momennejad I. Collective Minds: Social Network Topology Shapes Collective Cognition // *Philosophical Transactions of the Royal Society Biological Sciences*. 2021. № 377. P. 127–144.
19. Po Hu. Evaluation Algorithm of Coastal City Ecological Civilization Development Level Based on Improved BP Neural Network [Электронный ресурс] // *Journal of Environmental Management*. 2022. № 321 (1). URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36029633> (дата обращения: 10.08.2023).
20. Spatio-Temporal Characteristics of Green Development Cooperation Network among Belt and Road Initiative [Электронный ресурс] / B. Wang, A. Sun, Q. Zheng, D. Wu // *Regions and Countries. Sustainability (Switzerland)*. 2021. № 13 (20). URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/20/11216> (дата обращения: 10.08.2023).

REFERENCES

1. Vernadsky V. I. *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 271 p.
2. Degterev D. A., Ramich M. S. [Strategic Triangles and Balancing in World Politics]. In: *Kontury global'nyh transformacij* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2021, vol. 14, no. 3, pp. 23–43.

3. Dmitrevskaya I. V., Portnov A. N., Smirnov G. S. *Noosfernaya dinamika Rossii: filosofskie i kul'turologicheskie problemy. Ch. 2* [Noospheric Dynamics of Russia: Philosophical and Cultural Problems. Pt. 2]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2002. 177 p.
4. Zhulkov M. V. [Geopolitical Triangles in the Context of a Multipolar World: A Systemic Approach]. In: *Uchyonye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya* [Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philosophy. Culturology. Political science], 2022, no. 3, pp. 33–49.
5. Zhulkov M. V. [Geopolitical Triangles as a Way of Self-Organization of the World Civilizational Network]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2023, no. 2, pp. 139–152.
6. Zhulkov M. V. [Noospheric Energyism: Fundamental Ontology]. In: *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought], 2017, no. 9, pp. 23–45.
7. Moiseev N. N. *Chelovek i Noosfera* [Man and the Noosphere]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1990. 351 p.
8. Nikitskaya E. F., Valishvili M. A., Afonina V. E. [Digitalization in the Global World: International Practice and Russian Experience]. In: *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2021, no. 10, pt. 2, pp. 150–159.
9. Osipov G. V., Kara-Murza S. G. *Obshchestvo znaniya. Kn. 1: Istoriya modernizatsii na Zapade i v SSSR. Kn. 2: Perekhod k innovacionnomu razvitiyu Rossii* [Society of Knowledge. Bk 1: History of Modernization in the West and in the USSR. Bk 2: Transition to Innovative Development of Russia]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2020.
10. Smirnov G. S. *Obrazovanie noosfery: filosofsko-metodologicheskie problemy evolyucii soznaniya* [Formation of the Noosphere: Philosophical and Methodological Problems of the Evolution of Consciousness]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2015. 504 p.
11. Uyomov A. I. *Sistemnyj podhod i obshchaya teoriya sistem* [System Approach and General Theory of Systems]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 272 p.
12. Bruning P. F., Alge B. J., Lin H.-C. Social Networks and Social Media: Understanding and Managing Influence Vulnerability in a Connected Society. In: *Business Horizons*, 2020, no. 63 (6), pp. 749–761.
13. Dellnitz A., Rödder W. An Entropy-Based Framework to Analyze Structural Power and Power Alliances in Social Networks. In: *Scientific Reports*, 2020, no. 10. Available at: <https://www.nature.com/articles/s41598-020-67542-0> (accessed: 10.08.2023).
14. Eberle J., Daniel J. Anxiety Geopolitics: Hybrid Warfare, Civilisational Geopolitics, and the Janus-Faced Politics of Anxiety. In: *Political Geography*, 2022, no. 92. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2021.102502> (accessed: 10.08.2023).
15. Freeman L. C. *The Development of Social Network Analysis: A Study in the Sociology of Science*. Vancouver, Empirical Press, 2004. 205 p.
16. Khanna P. *Connectography: Mapping the Future of Global Civilization*. New York, Random House, 2016. 335 p.
17. Madeo D., Mocenni C. Self-Regulation Versus Social Influence for Promoting Cooperation on Networks. In: *Scientific Reports*, 2020, no. 10. Available at: <https://www.nature.com/articles/s41598-020-61634-7> (accessed: 10.08.2023).
18. Momennejad I. Collective Minds: Social Network Topology Shapes Collective Cognition. In: *Philosophical Transactions of the Royal Society Biological Sciences*, 2021, no. 377, pp. 127–144.
19. Po Hu. Evaluation Algorithm of Coastal City Ecological Civilization Development Level Based on Improved BP Neural Network. In: *Journal of Environmental Management*, 2022, no. 321 (1). Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36029633> (accessed: 10.08.2023).
20. Wang B., Sun A., Zheng Q., Wu D. Spatio-Temporal Characteristics of Green Development Cooperation Network among Belt and Road Initiative. In: *Regions and Countries. Sustainability (Switzerland)*, 2021, no. 13 (20). Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/20/11216> (accessed: 10.08.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жульков Михаил Вячеславович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ивановского государственного университета;
e-mail: mzh1@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhail V. Zhulkov – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy, Ivanovo State University;
e-mail: mzh1@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Жульков М. В. Мировая цивилизационная сеть: модель глобального мира // Современные философские исследования. 2023. № 4. С. 91–102.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-91-102

FOR CITATION

Zhulkov M. V. The World Civilization Network: A Model of the Global World. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 4, pp. 91–102.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-91-102

УДК 314.72

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-103-112

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ: СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ В РОССИИ

Климов С. Н., Сетин А. Н.

Российский университет транспорта (МИИТ)

127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать феномен внутренней миграции населения России с точки зрения выявления основных причин, форм проявления на российском социокультурном пространстве, рассмотрения её как угрозы национальной безопасности страны.

Процедура и методы. Методологическую основу исследования составили системный, деятельностный, прогностический подходы, метод единства логического и исторического, а также взятые в совокупности анализ и синтез.

Результаты. В исследовании сделан вывод, что бесконтрольные формы внутренней миграции в пространственно-временном континууме российской действительности, возникшие в результате политических и социально-экономических потрясений в 1990-е гг., оказывают негативное воздействие на территориально-людской дисбаланс российского общества, проявляющееся в отходе населения в центральную Россию. Это обусловлено деградацией социально-экономической составляющей, которая и формирует усиливающийся разрыв между европейской и азиатской частями страны, создаёт предпосылки, ведущие к демографическому старению, обезлюдиванию огромных территорий, способствуя образованию геополитических вызовов и угроз современной России.

Теоретическая и/или практическая значимость. В ходе работы над исследованием были выявлены актуальные проблемы, связанные с внутримиграционными процессами на «геополитическом поле» России, и необходимость в разработке и реализации на практике эффективной миграционной политики, которая бы смогла способствовать разрешению демографических и миграционных проблем.

Ключевые слова: внутренняя миграция, географическая среда, замещающая миграция, миграционная политика, миграционные установки и намерения, обезлюдивание

INTERNAL MIGRATION: THE SPECIFICS OF ITS MANIFESTATION IN RUSSIA

S. Klimov, A. Setin

Russian University of Transport (MIIT)

ul. Obraztsova 9, bld. 9, Moscow 127994, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the phenomenon of internal migration of the Russian population from the viewpoint of identifying its main causes, forms of manifestation in the Russian socio-cultural space, and its considering as a threat to the national security of the country.

Methodology. The methodological basis of the study was made up of systematic, activity-based, prognostic approaches, the method of logical and historical unity, as well as analysis and synthesis taken together.

Results. The study concludes that uncontrolled forms of internal migration in the space-time continuum of Russian reality, which arose as a result of political and socio-economic upheavals in the 90s of the XX century, have a negative impact on the territorial and human imbalance of Russian society, manifested in the departure of the population to central Russia. This is due to the degradation of the socio-eco-

conomic component, which forms the growing gap between the European and Asian parts of the country, creates prerequisites leading to demographic aging, depopulation of vast territories, contributing to the formation of geopolitical challenges and threats to modern Russia.

Research implications. During the work on the research, topical problems related to intra-migration processes in the “geopolitical field” of Russia were identified, as well as the need for the development and implementation in practice of an effective migration policy that could contribute to the resolution of demographic and migration problems.

Keywords: internal migration, geographical environment, replacement migration, migration policy, migration attitudes and intentions, depopulation

Введение

На протяжении многих веков внутри-миграционные процессы являлись неотъемлемой частью истории нашей страны. В исторической ретроспективе можно выделить два основных крупных этапа (период Российской империи и СССР), где происходила смена оседлого образа жизни населения на миграционный под воздействием ряда дестабилизирующих социально-экономических, политических и духовных факторов¹. Причины этих факторов, порождающие внутреннюю миграцию в общероссийской истории, целесообразно исследовать, опираясь на методологический принцип историзма, с помощью которого, полагаем, возможны осмысление влияния внутренней миграции населения на современное социокультурное пространство России и понимание её специфики проявления.

С момента распада СССР, где в основном происходило организованное перемещение населения из России в союзные республики, на территории Российской Федерации как самостоятельного государства возникли формы внутрироссийской миграции населения, оказавшие непосредственное воздействие на перераспределение миграционных неорганизованных потоков, которые, собственно, и сформировали контуры качественно новой ми-

грационной подвижности (возвратной и невозвратной миграции) в современной России.

Причины внутренней миграции

В числе основных причин, побуждающих население к миграции, считаем необходимым назвать:

– *экономические (производственные)*: безработица (трудности с поиском работы), низкий уровень жизни, неудовлетворённость заработными платами, выраженная межрегиональная экономическая диспропорция (территориальные различия);

– *политические*: вооружённые конфликты (введение военного положения на территориях новых субъектов РФ: в Донецкой и Луганской Народных Республиках, Запорожской и Херсонской областях), региональные конфликты (например, в Чеченской Республике 1994–1996 гг.);

– *социальные*: неудовлетворённость качеством жизни, неразвитость рекреационно-досуговой и социальной инфраструктуры, наличие родственников в другом населённом пункте;

– *природно-климатические (экологические)*: неблагоприятные погодные условия и окружающая среда;

– *образовательные*: сокращение образовательных учреждений, отсутствие перспектив, связанных с получением образования, определённых специальностей и направлений подготовки;

– *профессиональные (трудоовые)*: поиск перспективной и высокооплачиваемой работы, невостребованность субъектов миграции на рынке труда и отсутствие ра-

¹ В качестве примера здесь можно отметить: отмену крепостного права 19 февраля 1861 г., которая способствовала высвобождению большого количества крестьян из малоземельных центральных районов Российской империи в Сибирь и Дальний Восток, что способствовало социально-экономическому развитию российского общества.

боты для узконаправленных специалистов (например, в области сельского хозяйства);

– *этнические*: различия национальной, культурной, религиозной принадлежности, дискриминация, межэтнические конфликты;

– *демографические*: изменения в возрастно-половом составе населения в разных экономических районах России (под воздействием увеличения или уменьшения рождаемости, смертности, продолжительности жизни, динамики брачности и разводимости).

Всем этим причинам присущи как субъективные (отражение в сознании субъекта миграции выталкивающих факторов, побуждающих его к смене постоянного места жительства), так и объективные черты (наиндивидуализированное массовое восприятие компонентов географической среды, сравнение и сопоставление их с последующим перемещением для достижения более высокого, ожидаемого благосостояния в новом районе вселения).

Сущность внутренней миграции проявляется в реакции субъектов миграции на совокупность всех вышеуказанных причин и факторов, которые проявляют себя в соответствии с известным принципом всеобщей взаимной связи Анаксагора «всё во всем». При этом индивидуальный мотив субъекта миграции будет растворяться в социальных запросах массы мигрирующих людей, а в социальном ожидании каждого будет присутствовать желание изменить содержание своей жизни (онтологически, аксиологически) через поиск и достижение определённой цели в соответствии с мотивами, намерениями, интересами, выступающими детерминантами смены постоянного места жительства [4, с. 78].

Абсолютно каждый потенциальный актер миграции обладает миграционными установками (желание к переезду) и намерениями (готовность к переезду), и только лишь сочетание определённых обстоятельств может побуждать к тому, что субъекты миграции даже с наименьшими миграционными установками однажды смогут стать реальными мигрантами.

Направленность внутренней миграции

Все виды возвратных и невозвратных миграций обуславливают изменение пропорций в размещении населения между основными субъектами РФ, при этом основной территорией поглощения внутренних мигрантов служат «главные центры торговли и промышленности» [6, с. 21]. В настоящее время в России наблюдается в основном стихийно-неорганизованная миграция¹ с вектором движения из регионов севера и востока страны преимущественно в западные регионы (вследствие чего формируется феномен западного дрейфа), реже – в южные.

Согласно оценке численности постоянного населения РФ, в 2022 г. из 146,5 млн человек 94 млн чел. проживало в четырёх из восьми федеральных округах (Центральном, Приволжском, Южном и Северокавказском), что является следствием более чем тридцатилетней сверхцентрализации, запустившей развитие феномена обезлюдивания регионов России, наиболее удалённых от центра страны, и большинства приграничных регионов, особенно Дальнего Востока и Забайкалья [2, с. 180].

Проанализировав официальные данные Росстата, нами было выявлено, что максимальный миграционный отток населения наблюдается в Чукотском и Ненецком автономных округах, Республиках Алтай, Саха (Якутии), а зонами притока (центрами притяжения) внутрироссийских мигрантов служат Москва, Московская,

¹ К организованным формам миграции относятся: призыв на военную службу, распределение выпускников учебных заведений, стажировки, командировки и др., – что составляет незначительную часть по отношению к общему числу внутрироссийской миграции. Так, например, согласно указам Президента РФ в 2022 г. в весенней и осенней призывных кампаниях приняли участие порядка 255 тыс. чел. См.: Указ Президента РФ от 31.03.2022 № 167 «О призыве в апреле – июле 2022 г. граждан РФ на военную службу и об увольнении с военной службы граждан, проходящих военную службу по призыву», Указ Президента РФ от 30.09.2022 № 691 «О призыве в ноябре – декабре 202 г. граждан РФ на военную службу и об увольнении с военной службы граждан, проходящих военную службу по призыву».

Ленинградская, Калининградская области, Севастополь и Республика Татарстан¹.

Города-мегаполисы выступают сегодня основными центрами сосредоточения трудовых (экономических), образовательных (молодёжных) и культурных ресурсов. Москва, например, на ежегодной основе прирастает на $\frac{3}{4}$ только за счёт внутренних мигрантов [7, с. 88]. По мнению Ю. В. Крупнова, «неостановимый и неконтролируемый рост Москвы и других городов-миллионников на фоне опустынивания, обезлюдивания и скукоживания остальной территории России превращается в главную опасность и проблему нашей страны»².

Крупные городские агломерации переживают в настоящее время этнокультурную трансформацию. Если раньше города в основном были моноэтническими, то сейчас они приобрели полиэтнический характер под воздействием социально-экономических, политических, образовательных, демографических и других факторов и форм пространственной мобильности, представляющих собой способ адаптации к постоянно меняющимся на протяжении последних тридцати лет условиям жизни через формы трудового отхода (например, маятниковая, сезонная миграции, отходничество).

Центростремительное движение населения и увеличение численности мигрантов различных вероисповеданий на социокультурном городском пространстве могут способствовать усилению межэтнической напряжённости и развитию криминализации общества под влиянием ряда причин: социально-экономических (неравенство в доходах, в имуществе, в уровне образования); этнодемографических (изменение соотношения численности народов на определённой территории вследствие миграции); экстерриториальных (террито-

риальные претензии к моноэтническому населению, «выдавливание» одной этнической группы другой и принуждение к отъезду); культурно-религиозных (различия религий и особенности поведения мигрантов) [3, с. 152].

Внутренняя миграция как угроза российскому обществу

Россия обладает колоссальным опытом совместного проживания народов различной национальной идентичности. Внутренние мигранты независимо от того, что они являются представителями разных этносов, все принадлежат к общей культурной российской среде с единым для всех языком общения (русским). На протяжении веков у народов России сформировались объединяющие их общие культурные ценности, нормы, традиции, способность к межкультурному взаимодействию – исторически сложившаяся естественная мультикультурность, обеспечивающая принцип «жить рядом и ценить друг друга», в отличие от стран Запада, где мультикультурализм проявляется лишь в качестве политического термина, а любая политическая деятельность, как нам известно, может просто «провалиться»³.

В России на государственном уровне постоянно идёт работа, направленная на профилактику прогнозирования возникновения межэтнических конфликтов, проводится мониторинг межрасовых отношений с целью предотвращения любых видов дискриминации и становления сегрегации на территории РФ⁴. Причём следует предположить, что основным источником конфликта служат не столько культурные различия, сколько борьба за рабочее место.

Одна из наиболее острых проблем, которая в настоящее время стоит на повестке

¹ Численность и миграция населения РФ в 2022 году: статистический бюллетень [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 26.07.2023).

² Россия: Массовая внутренняя миграция угрожает будущему страны [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20171016/240526196.html> (дата обращения: 26.07.2023).

³ Ангела Меркель сделала заявление, что попытки построить мультикультурное общество в Германии полностью провалилось // РИА новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20101020/287486460.html> (дата обращения: 30.07.2023).

⁴ См.: Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 года».

дня, – потеря (размытость) идентичности у субъектов миграции. Феномен централизации способствует тому, что внутренние мигранты, «вырванные» из своей социокультурной среды, проживая на чужой этнической территории и находясь в зоне контакта нескольких разных культур, со временем перестают идентифицировать себя с конкретной этнической группой. Особенно ярко это выражено у мигрантов второго или третьего поколения. Получается, что в смешанной многонациональной среде, где всё переплетено, проще потерять свою идентичность и утратить язык своих предков. Так, например, занимающиеся оленеводством чокчаевы Севера, вынуждены сокращать поголовье скота или вовсе оставить этот вид деятельности из-за постоянного усиливающегося воздействия цивилизации, а также общественных и экономических процессов, которые трансформируют их традиционный уклад жизни, побуждая уходить в другое место с социокультурного пространства, занимаемого ими на протяжении многих веков, и заниматься другим (чуждым для них) видом трудовой деятельности для обеспечения своего выживания.

Сложная демографическая обстановка, вызванная падением рождаемости, старением и многомиллионным оттоком населения, наблюдается в периферийных районах. Но более всего она ярко выражена на Дальнем Востоке, Севере и в Сибири, территории которых относятся к наиболее позднему периоду заселения и хозяйственного освоения по сравнению с другими субъектами России. Сдерживающими социальное развитие факторами в прошлом выступали удалённость от европейской части России и сложность освоения, но длительный колонизационный процесс позволил освоить и заселить бескрайние территории с экстремальными природно-климатическими условиями. Переход к рыночной экономике в 1990 г. привёл к разрушению существовавших и функционирующих экономических связей в России, кризису и деградации производства, безработице, что оказало непосредственное воздействие

на отход населения Дальнего Востока и Сибири в другие более развитые в социально-экономическом плане субъекты РФ. Эти процессы в настоящее время негативно воздействуют на геополитические позиции нашей страны, создают угрозу целостности государства, в то время как этнодемографический баланс соседних государств (например, Китая) на протяжении последних десятилетий стабильно увеличивается. К сожалению, в России сейчас нет «свободного» людского ресурса, который можно было бы отправить на Восток страны: человеческий потенциал сельских территорий, посёлков городского типа и малых городов исчерпан. Социально-экономическая составляющая городов-агломератов остаётся вне конкуренции, туда стекаются остатки трудоспособного населения, тем самым ещё более увеличивая разрежённость населения и усугубляя процесс жизнеобеспечения страны.

Происходящая трансформация «геополитического тела» России под воздействием депопуляционных и миграционных процессов способствует развитию феномена замещающей миграции посредством привлечения иностранной рабочей силы (преимущественно из бывших союзных республик), которая рассматривается в законопроекте на государственном уровне¹ как возможность восполнения недостающих трудовых ресурсов населения (вследствие его центростремительного смещения) и как путь решения демографической проблемы.

Виртуальная миграция и её специфика

Прогресс в научно-технической сфере способствует не только перемещению в географическом пространстве, но и перемещению одновременно в двух реальностях (реальной и виртуальной), примерами чего являются встраивание (интегрирование) дистанционных технологий в процесс обучения в образовательных учреждениях

¹ См.: Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года».

всех уровней, возможность работать удалённо, выполняя задачи в рабочем онлайн-пространстве и онлайн-взаимодействии с коллегами. Особенно востребованной виртуальная миграция стала во время коронавирусной пандемии COVID-19, когда невозможность передвижения в физическом плане из-за ограничений заменялась социокультурным взаимодействием в цифровом пространстве.

Современные технологии и гаджеты с момента их активного развития, на которых уже выросло целое поколение молодых людей, видоизменили их представление о «месте» как таковом. Современная молодёжь воспринимает перемещение в географическом пространстве по-другому. «Привязанность к определённому месту для них не столь важна ... теперь быть меньшим, более лёгким, более подвижным – является признаком совершенства и прогресса ... а путешествие налегке и не привязанность к тому, что считалось показателем надёжности – является теперь ценным качеством» [1, с. 20]. По мнению ряда авторов, нынешний молодой человек под воздействием цифровых устройств воспринимает этот мир совсем иначе – как экран гаджета с набором картинок и рядом опций, выбор которых можно изменить, и это не будет иметь каких-либо негативных последствий для субъекта [12, с. 95].

Миграция и молодёжь

Ряд исследователей считает, что миграционная активность у молодёжи в России намного выше, чем у более старшего населения [9, с. 6], что создаёт предпосылки для участия во многих видах миграции, к числу наиболее распространённых из них относятся: учебная, трудовая, рекреационная, которые в последующем образуют возвратные (на время) и невозвратные (смена места жительства – навсегда) потоки миграций.

В процессе анализа феномена молодёжной миграции группой авторов было обнаружено, что на протяжении двух лет (2015 и 2016 гг.) количество перемещений по

причине получения образования превосходило миграцию с целью поиска работы [11, с. 135]. Основной поток выпускников школ направлен в регионы с комфортной социально-экономической средой для возможности последующей реализации себя в выбранной профессии.

Экономический кризис, который отразился на сельском хозяйстве в 90-е гг. прошлого столетия, способствовал тому, что сельское население (ввиду не востребоваемости на своём рынке труда) было вынуждено трудоустроиваться на сезонные работы или заниматься отхожим промыслом, чаще всего в неформальном секторе экономики. По данным отечественных учёных, ежегодно сельское население сокращается на 1,5–3% [8, с. 87]. По состоянию на 2021 г., всего в сельском хозяйстве было занято 5,9% от общей суммы трудоспособных граждан (для сравнения в 2008 г. – 8,5%), средний возраст которых составляет 46 лет¹.

Массовый отток молодёжи в учебные заведения в возрасте от 16 лет и старше зачастую носит невозвратный характер, способствуя старению в большей степени сельского населения. Молодёжная межрегиональная внутрироссийская миграция (миграция из кризисных социально-экономических регионов) носит некомпенсируемый характер, а отток академически и экономически активного молодого населения создаёт дисбаланс по демографическому показателю, тем самым ещё больше усугубляя ситуацию в населённых пунктах-донорах (малые города, посёлки и деревни), которые в последующем вымирают и исчезают² [10, с. 19–20].

¹ Рабочая сила, занятость и безработица в России 2022: статистический сборник. М.: Росстат, 2022. С. 49, 75.

² По данным Министерства регионального развития РФ, с 1990-х гг. в стране исчезло 23 тыс. населённых пунктов, 20 тыс. из этого числа – деревни и посёлки. См.: [Электронный ресурс]. См.: Сколько городов и посёлков исчезло с карты России после развала СССР // RuNews24: [сайт]. URL: <https://yandex.ru/turbo/runews24.ru/s/society/22/12/2020/f66fd57e0048375142d1fc42e76ce1f1> (дата обращения: 18.07.2023).

Заключение

В последние годы наблюдается снижение социально-экономического и демографического потенциала сельских местностей, разрушение привычного сельского уклада жизни. Сельские местности остаются вне пристального внимания социально-экономических программ¹, что, как следствие, оказывает на них регрессирующее воздействие. Так, к примеру, по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. число сельских населённых пунктов без населения составляло 19,4 тыс., по данным переписи 2020 г. – 24,8 тыс.².

Только принятие общих для всей страны мер в виде повышения социально-экономического потенциала сельского населения, восстановления традиционного облика сельской жизни, создания благоприятных условий для трудовых ресурсов не только будет способствовать ослаблению миграционных установок и намерений большей части сельских жителей, но и позволит закрепить молодёжь в селе, а также, возможно, поспособствует переселению городских специалистов в перспективные, развитые в социально-экономическом плане сельские населённые пункты.

Рассматривая внутреннюю миграцию через призму исторической ретроспективы, следует отметить, что более ста лет назад великий русский статистик А. А. Кауфман писал, что учёные того

времени «не располагали полными (точными) данными, которые позволили бы учесть размеры русских переселений» [5, с. 4]. Следует подчеркнуть, что ситуация с учётом внутрироссийских переселенцев и сегодня не изменилась. В настоящее время на государственном уровне миграционная подвижность населения исследуется всероссийскими переписями населения, демографическими и статистическими ежегодниками, но тем не менее это не даёт возможности отследить всех внутрироссийских трудовых, учебных, рекреационных и других мигрантов ввиду дороговизны, бессистемного проведения исследований и длительности обработки полученных материалов.

Исследования внутрироссийской миграции полевыми методами (анкетирование, опросы, интервьюирование, использование данных пассажирского транспорта), проводимые на регулярной основе отечественными учёными, носят междисциплинарный характер, позволяя выявить примерный срез актуальных данных о количестве трудовых и образовательных мигрантов, туристов и др. в определённом населённом пункте. Из-за невозможности получения качественных данных, связанных с этим явлением, назрела острая потребность в разработке принципиально новых методов и подходов для изучения внутренней миграции как оформившегося социокультурного явления.

В России вызрела необходимость в реактивации экономической политики, ликвидации разрыва в заработных платах, создании престижных и хорошо оплачиваемых рабочих мест. Наблюдаемая в стране территориальная неоднородность может быть минимизирована только в том случае, если во всех субъектах РФ будет осуществлена реструктуризация экономического производства, что позволит трудовым ресурсам, которые из-за обвала экономики высвободились когда-то из сельских местностей и небольших городов, возвратиться обратно.

На государственном уровне также крайне важно сделать переход от планирования к разработке и реализации эффективной

¹ Так, например, в Федеральном законе от 05.12.2022 № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и плановый период 2024 и 2025 годов» особо выделены программы, направленные на реализацию и социально-экономического развития: Арктической зоны РФ, Дальневосточного федерального округа, Курильских островов (Сахалинская область), Республики Крым и г. Севастополь, в то время как для сельских местностей выделяются только лишь субсидии для комплексного развития сельских территорий, которые, основываясь на данных переписей населения, не оказывают благоприятного на них воздействия.

² См.: Всероссийская перепись населения 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 28.07.2023), Всероссийская перепись населения 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 28.07.2023).

миграционной политики¹. Любая миграция – трудовая или учебная, – проявляясь в пространственном и временном измерениях, изначально неосознанно готовит индивида к невозвратной миграции, к уходу их из основного места жительства.

Поэтому все новые ресурсы миграционной политики должны быть направлены на разрешение назревших демографических и миграционных проблем, снижение диспропорции в размещении населения, совершенствование правовой основы, направленной на регулирование миграционных процессов, обеспечение стабильности развития страны (социально-экономической и общественно-политической), повышение уровня жизни россиян, обеспечение геополитической безопасности страны (нейтрализации угроз национальной безопасности в миграционной сфере), поддержание межнационального и межрелигиозного мира в России, создание социально-экологических, социально-экономических и морально-нравственных условий, способствующих предотвращению

уменьшения числа малочисленных народов России.

Отток социально-активного населения в трудоспособном возрасте, особенно из приграничных территорий, не только является вызовом демографическому старению и опустыниванию огромных территорий нашей страны, но и создаёт угрозу исчезновения России из-за возможной тихой экспансии со стороны граничащих с нами государств, чему ярким примером является Китай.

Социально-экономическая депрессивная составляющая не только вынуждает мигрировать с целью улучшения своего положения, достижения определённых целей на протяжении своего миграционного пути, но и оказывает прямое воздействие на разобщённость семей, число разводов, снижение рождаемости, ставя, таким образом, под угрозу существование идентичности россиян как нации.

Статья поступила в редакцию 18.07.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Текущая современность / пер. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Воробьева О. Д., Рыбаковский Л. Л., Рыбаковский О. Л. Миграционная политика России: история и современность. М.: Экон-Информ, 2016. 192 с.
3. Гуриева С. Д., Хрусталева Н. С., Гриценко В. В. Предпосылки и условия возникновения межэтнических конфликтов // Теоретические проблемы этнических и кросскультурной психологии: материалы V Международной научной конференции, Смоленск, 27–28 мая 2016 г. Т. 2 / отв. ред. В. В. Гриценко. Смоленск: Смоленский гуманитарный университет, 2016. С. 147–156.
4. Касавин И. Т. Человек мигрирующий: онтология пути и местности // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 74–84.
5. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб.: Библиотека «Общественной пользы», 1905. 349 с.
6. Лисицын П. П., Степанов А. М. Новые законы миграции Э. Равенштайна // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 16–26.
7. Мкртчян Н. В. Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее // Миграция в России, 2000–2012: хрестоматия: в 3 т. Т. 1. Ч. 1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. М.: Спецкнига, 2013. С. 80–96.
8. Нефедова Т. Г., Мкртчян Н. В. Региональные различия размещения и прогноза трудовых ресурсов сельского хозяйства России // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1. С. 85–98.
9. Рыбаковский Л. Л., Маевский Д. П., Кожевникова Н. И. Миграционная подвижность населения и её измерение // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 2. С. 4–14.
10. Санникова О. В. Некомпенсируемая образовательная миграция как проблема развития российского региона // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 19–21.

¹ Президент России В. В. Путин, выступая на заседании Совета безопасности 19 октября 2022 г., отметил необходимым и крайне важным провести корректировку миграционной политики РФ. См.: Выступление Путина на заседании Совета безопасности. Главное // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1412712/2022-10-19/vystuplenie-putina-na-zasedanii-soveta-bezopasnosti-glavnoe> (дата обращения: 29.07.2023).

11. Чернышёва Н. С., Чжан Ю. Молодёжная миграция в России: обзор дискуссий // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 135–143.
12. Шашкова Я. Ю., Асеев С. Ю. Миграционные настроения и политические установки учащейся молодёжи Сибири и Дальнего Востока: Проблема соотношения // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 95–103.

REFERENCES

1. Bauman Z. Liquid Modernity (Rus. ed.: Asochakov Yu. V., transl. *Tekuchaya sovremennost'*. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p.).
2. Vorobëva O. D., Rybakovsky L. L., Rybakovsky O. L. *Migracionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost'* [Migration Policy of Russia: History and Modernity]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2016. 192 p.
3. Gurieva S. D., Hrustaleva N. S., Gritsenko V. V. [Preconditions and Conditions of the Ethnic Conflicts]. In: *Teoreticheskie problemy etnicheskikh i krosskul'turnoj psihologii: materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Smolensk, 27–28 maya 2016 g. T. 2* [Theoretical Problems of Ethnic and Cross-Cultural Psychology: Materials of the V International Scientific Conference, Smolensk, May 27–28, 2016. Vol. 2]. Smolensk, Smolensk Humanitarian University Publ., 2016, pp. 147–156.
4. Kasavin I. T. [Migrating Man: Ontology of Path and Terrain]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1997, no. 7, pp. 74–84.
5. Kaufman A. A. *Pereselenie i kolonizaciya* [Resettlement and Colonization]. St. Petersburg, Library of "Public Benefit" Publ., 1905. 349 p.
6. Lisitsyn P. P., Stepanov A. M. [New Laws of Migration by E. Ravenstein]. In: *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2022, no. 8, pp. 16–26.
7. Mkrтчyan N. V. [Internal Migration: A Great Past and a Modest Future]. In: *Migraciya v Rossii, 2000–2012. T. 1. Ch. 1: Migracionnye processy i aktual'nye voprosy migracii* [Migration in Russia, 2000–2012. Vol. 1. Pt. 1: Migration Processes and Current Issues of Migration]. Moscow, Speckniga Publ., 2013, pp. 80–96.
8. Nefedova T. G., Mkrтчyan N. V. [Regional Differences in the Placement and Forecast of Labor Resources in Russian Agriculture]. In: *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], 2018, no. 1, pp. 85–98.
9. Rybakovsky L. L., Maevsky D. P., Kozhevnikova N. I. [Migration Mobility of Population and Its Measurement]. In: *Narodonaselenie* [Population], 2019, vol. 22, no. 2, pp. 4–14.
10. Sannikova O. V. [Uncompensated Educational Migration as a Problem of Development of a Russian Region]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2015, no. 24, pp. 19–21.
11. Chernysheva N. S., Zhang Yu. [Approaches to the Studying Youth Migration in Russia: Reviewing Discussions]. In: *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2022, no. 11, pp. 135–143.
12. Shashkova Ya. Yu., Aseev S. Yu. [Migratory Emotions and Political Attitudes of Siberian and Far Eastern Students: Correlation Problem]. In: *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2023, no. 2, pp. 95–103.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Климов Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и истории Российского университета транспорта (МИИТ);
e-mail: klisn@mail.ru

Сетин Алексей Николаевич – старший преподаватель кафедры философии, социологии и истории Российского университета транспорта (МИИТ), аспирант кафедры философии, социологии и истории Российской открытой академии транспорта;
e-mail: setin_91@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey N. Klimov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof., Philosophy, Sociology and History Department, Russian University of Transport (Moscow State University of Railway Engineering);
e-mail: klisn@mail.ru

Aleksei N. Setin – Senior Lecturer, Philosophy, Sociology and History Department, Russian University of Transport (Moscow State University of Railway Engineering); Postgraduate Student, Philosophy, Sociology and History Department, Russian Open Transport Academy;
e-mail: setin_91@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Климов С. Н., Сетин А. Н. Внутренняя миграция: специфика проявления в России // Современные философские исследования. 2023. № 4. С. 103–112.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-103-112

FOR CITATION

Klimov S. N., Setin A. N. Internal Migration: The Specifics of Its Manifestation in Russia. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 4, pp. 103–112.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-103-112

УДК [101.1:316.624]314.424.2

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-113-119

СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНОЙ ПАТОЛОГИИ

Удалова Л. В.

Тверской государственный технический университет

170026, Тверская обл., г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть проблему суицидального поведения, его причины и его характерность как показателя психологического состояния социума, как одного из индикаторов социальной патологии в условиях динамичных трансформаций и кризисов, происходящих в современном обществе.

Процедуры и методы. Основное содержание исследования составляет осмысление вопросов суицидального поведения в контексте дезадаптации человека, взаимосвязанной с утратой социальной стабильности, с отчуждением институциональных ценностей, основополагающих конструкцию социальности существующей системы социума в условиях динамичных трансформаций и кризисов.

Результаты. Актуализирована значимость философской концептуализации категории *суицид*. Смысловая особенность суицида – это отклонение, девиантное поведение социальной направленности, выраженное в уходе от социальной реальности путём прекращения жизни по причине потери связи с социумом в связи с утратой человеком социального базиса, позволяющего самореализоваться и способствующего преодолению трудностей, решению проблемных ситуации. Определены критерии суицидального поведения, его характерность как показателя психологического состояния социума, как одного из индикаторов социальной патологии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Смертность от самоубийств и суицидальное поведение как девиантное поведение социальной направленности, следует рассматривать как индикаторы социальной патологии, как интегральные параметры, показатели общественного развития, которые определяют и отражают степень встраивания, адаптации человека к существующим условиям и требованиям современного социума. В анализе суицидального поведения основополагающей является такая категория, как *смысл жизни*. Наличие у человека смысла жизни определяют такие факторы, как встроенность в социум, интерес к миру и жизни, где действительность представляется рациональной, организованной, а реальность понимается и принимается как благо, несмотря на невзгоды, испытания и сложности.

Ключевые слова: личность, общество, самореализация, смысл жизни, социальная патология, социальное здоровье, социум, суицид, суицидальное поведение, человек

SUICIDAL BEHAVIOR AS AN INDICATOR OF SOCIAL PATHOLOGY

L. Udalova

Tver State Technical University

nab. Afanasiya Nikitina 22, Tver 170026, Tver region, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider the problem of suicidal behavior, its causes, and its characteristics as an indicator of the psychological state of society, as one of the indicators of social pathology in the context of dynamic transformations and crises taking place in modern society.

Methodology. The main content of the study is the understanding of the issues of suicidal behavior in the context of human maladjustment, interconnected with the loss of social stability, the alienation of

institutional values that are fundamental to the construction of the sociality of the existing system of society in conditions of dynamic transformations and crises.

Results. The significance of the philosophical conceptualization of the *suicide* category has been updated. The semantic feature of suicide is a deviation, deviant behavior of a social orientation, expressed in avoiding social reality by ending life due to the loss of communication with society explained by the loss of a person's social basis, which allows self-realization and contributes to overcoming difficulties, solving problem situations. The criteria of suicidal behavior, its specificity as an indicator of the psychological state of the society and as one of the indicators of social pathology are determined.

Research implications. Mortality from suicide and suicidal behavior, as deviant behavior of a social orientation, should be considered as an indicator of social pathology, as an integral parameter, an indicator of social development that determines and reflects the degree of integration, adaptation of a person to existing conditions and the requirements of the modern society. In the analysis of suicidal behavior, such a category as *the meaning of life* is fundamental. The presence of a meaning of life in a person is determined by such factors as embeddedness in society, interest in the world and life, where life conditions seem rational and organized, while reality is understood and accepted as a blessing, despite adversity, trials, and difficulties.

Keywords: personality, society, self-realization, meaning of life, social pathology, social health, society, suicide, suicidal behavior, person

Введение

В настоящее время мы наблюдаем повышенное внимание к проблемам здоровья человека и его поведения. Определить нормальное и девиантное поведение человека можно с помощью социальных критериев.

Динамичные трансформации, происходящие в обществе, с одной стороны, стали потенциалом для расширения функций и возможностей разного уровня социальных акторов, с другой стороны, привнесли в современное общество нестабильность, неясность, зыбкость и риски, где ответственность за общественные процессы становится характеристикой личности, такое её качество, как самореализация, – условием совершенствования и развития современного общества, а важной составной частью здоровья человека – атрибуты социальности. Актуальность темы обусловлена ещё и тем, что сегодня на передний план выходят вопросы социального здоровья и поведения человека, т. е. специфические требования к человеку уметь:

– благополучно, успешно и активно коммуницировать с трансформирующимся и развивающимся социумом;

– способствовать стабилизации целостности своей (человека) и социальной среды;

– поддерживать общее развитие, совершенствование, становление как самого себя (человека), так и общества.

Обеспечение этих параметров личностными характеристиками, которые ориентированы на устоявшиеся социальные правила и нормы, присуще стабильному обществу. Однако в эпоху динамично развивающегося общества, где грани правил и норм расплывчаты, механизмов социальной адаптации личности недостаточно. Адаптация человека в мире в таких условиях происходит за счёт его самореализации. В современных реалиях, предопределяя развитие социальной реальности, стремление человека ориентировано на преобразование себя и мира, что ведёт к увеличению масштаба личностных запросов и жизненных смыслов (право на самовыражение, достойная жизнь, расширение степени свободы деятельности) [9].

Утрата социальными институтами целостности, которая проявляется в нормативном, направляющем, комплексном влиянии на социальное поведение человека, – это те современные условия, та среда, в которой происходит развитие возможностей как самореализации личности, так и расширения свобод. Это те причины, которые ведут к нарастанию, усилению, ос-

ложению противоречий между желанием человека проявлять свою индивидуальность, быть особенным и желанием быть как все, когда рост индивидуальной свободы ведёт к рискам аномии социума (положение в разных, не связанных между собой мирах «личного» и «общественного») [3].

Изменения, происходящие в обществе, все эти глобальные тенденции ведут к изменению модели социального здоровья и поведения личности, которая существовала ранее в общественном сознании. Под социальным здоровьем необходимо понимать тот факт, когда каждый человек, каждый член общества, реализуя свой потенциал, свои потребности и цели, способен к адаптации в социуме. Осложнением процессов формирования и фиксации в социуме стабильных социальных практик послужили:

- длительная, непрерывная реорганизация и модернизация сфер жизнедеятельности человека;
- отсутствие спроса социума на определённый тип личности;
- хроническая аномия ценностей.

Всё это ведёт к дезориентации части человечества, особенно подрастающего поколения, относительно тех или иных социальных практик, норм и ценностей, которые создают условия для его социальной результативности, успешности, благополучия.

Переживая маргинализацию, ограниченную социальную активность, современное молодое поколение нередко оказывается неспособным реализовать свои потребности в полной мере по причине невозможности встроиться в существующую систему отношений, что способствует преобразованию девиантных форм поведения, перерождению их в коллективные формы, росту социальных патологий, таких как психические заболевания и самоубийства.

Суицид как социальный феномен

Смертность от самоубийств – это интегральный показатель общественного развития, который показывает степень адаптации человека к существующим ус-

ловиям социума. П. Сорокин в своих трудах отметил, что «главная общая причина роста самоубийств – это рост одиночества личности, её оторванность от общества, в свою очередь представляющая результат нашего беспорядочно организованного общества. На этой то общей почве и развивается самоубийство. Ей мы обязаны тем, что достаточно малейшей неудачи, чтобы человек свёл счёты с жизнью» [7, с. 113].

П. Сорокин, анализируя проблемы самоубийств и его причины, отмечал, что это явление рассматривается разными научными дисциплинами, где каждая отдельная дисциплина проводит исследование проблем и причин этого явления в своей сфере, «но ни одна из них не является адекватной, поскольку не может объяснить целый ряд фундаментальных свойств, таких, как тип людей, их совершающих, частота их распределения в различных обществах, периоды возрастания и убывания, и т. д.» [8, с. 163].

Общепринятым считается то, что уровень самоубийств, особенно среди подрастающего поколения, является социальной патологией, чутким индикатором разрушения, дезинтеграции, трансформации современного социума.

Суицидальное поведение как показатель психологического состояния социума и один из индикаторов социальной патологии определяется следующими критериями:

- суицид (попытка суицида) предопределяется комплексом определённых факторов, которые обуславливаются на фоне социальных конфликтов психологически и социальными кризисами личности;
- суицид совершается (в большинстве случаев) человеком психически здоровым, а не только тем, кто страдает психопатологией.

Суицид «(от лат. *sui* – ‘себя’, *caedere* – ‘убивать’) – преднамеренное лишение себя жизни, самоубийство»¹. Причины, повлёкшие человека совершить суицид, различны, однако объединяющим фактором является стремление уйти от действительной

¹ Суицид // Большой психологический словарь. Gufo.ru: [сайт]. URL: https://gufo.me/dict/psychologie_dict/ СУИЦИД (дата обращения: 10.09.2023).

реальности, беспомощность, неспособность, неумение решать свои проблемы. Как писал Ф. М. Достоевский, «истребление себя есть вещь серьёзная, слишком серьёзная вещь, стоящая неустанного наблюдения и изучения»¹.

Определений суицида существует множество, в одних определениях делается акцент на психических расстройствах, в других суицид рассматривается как индивидуальный, личный поведенческий поступок, как сознательное действие человека, осознающего, понимающего, осмысливающего «летальный исход». Э. Дюркгейм, рассуждая о суициде, отметил в нём и этическую составляющую, указав на то, что «самоубийством называется каждый смертный случай, который непосредственно или посредственно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершённого самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах» [4, с. 7]. С. Аванесов отмечает, что суицид – это целенаправленное действие человека, ориентированное на достижение смерти, действие добровольное и осознанное. При суицидальном поведении происходит переоценка такого явления, как смерть, где последняя приобретает нравственный смысл, и такое восприятие смерти превращает её в цель [1].

Из всего многообразия трактовок, дающих представления о таком социальном феномене, как суицид, можно сделать вывод, что это одна из форм девиантного поведения, чуждая, запредельная. Сложность, многоаспектность этого явления идентифицировало множество концептуальных подходов, многие из которых выделяют социальный аспект (духовно-морально-нравственный, ценностный, культурный, нормативный), осмысливая феномен суицида как форму социальной девиации (поведенческой дисфункции), появлению которой способствуют трансформации и кризисы в социуме.

Анализируя множество трактовок такого феномена, как суицид, можно предложить следующую интерпретацию этого социального явления: *суицид* – это отклонение, нарушение, девиантное поведение социальной направленности, выраженное в уходе от социальной реальности путём прекращения жизни по причине потери связи с социумом в связи с утратой человеком социального базиса, позволяющего самореализоваться и способствующего преодолению трудностей, решению проблемных ситуации.

Причины суицидального поведения

Раскрыть причины суицидального поведения в науке предпринимались неоднократно. Французский психиатр Жан-Этьен Доминик Эскироль видел в причинах самоубийства болезненные изменения психики, а суицидальные проявления индивида – симптомом психического заболевания [12].

По мнению Э. Дюркгейма, природа суицидального поведения исключительно социальная, основная причина суицидального поведения – утрата, лишение человеком уверенности, стабильности, устойчивости, стойкости к жизненным трудностям и проблемам по причине ослабления, снижения социальных связей [4].

З. Фрейд считал, что суицид – это перенаправление человеком агрессии, продиктованной импульсивной, губительной, деструктивной силой инстинкта смерти, с внешнего мира на самого себя [11].

Американский психолог, основатель современной суицидологии Н. Л. Фарберов считал, что самоубийство – это одно из направлений саморазрушающего поведения [13].

По мнению отечественного психиатра А. Г. Амбрумовой, к суицидальному действию приводит человека переживаемый им конфликт на фоне его социально-психологической дезадаптации. Суицидальное поведение – это поведенческий ответ человека в экстремальных условиях, который может определяться и как психическая норма (протест, обида, уни-

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М.: Эксмо, 2022. С. 357.

жение), и как психическая патология (психопатологические синдромы) [2]. Суицид часто связывают с такими понятиями, как неполноценность, комплекс вины, неудовлетворение базисных ценностей, всё это ведёт к экзистенциальному вакууму и становится причиной суицидального поведения [10]. Утрата смысла своего существования при воздействии тех или иных обстоятельств так же является причиной, которая способствует принятию человеком решения о самоубийстве.

В анализе самоубийств основополагающим является такая категория, как жизненный смысл. Человек не просто живёт, он стремится к тому, чтобы его деятельность, его существование имели положительный, благоприятный социальный результат, чтобы его жизнь имела ценность и смысл. Изменение человеком отношения к жизни и смерти является основным механизмом, провоцирующим акт самоубийства.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова понятие *смысл* описывается как «содержание, сущность, суть, значение чего-нибудь; цель, разумное основание чего-нибудь; разум, разумность»¹.

Смысл – это одна из основных характеристик сознания человека, это выражение значимости, актуальности, ценности отношений, действий, предметов и субъектов. Смысл даёт ответ на вопросы *для чего? зачем? ради чего?* относительно самого человека: ради чего и зачем живёт человек? какое место занимает и какую роль играет в социуме? Л. Н. Коган, рассматривая смысл жизни, описывает его как философскую категорию, содержащую как личную, так и общественную ценность, являющуюся внутренним мировоззрением человека [6, с. 233].

Смысл жизни – это не вымысел и не случайность, он не появляется из ниоткуда. Базисные, системные ценности и ориентиры человека, которые определяют смысл его существования, формируются обществом и культурой и дают ответ на вопрос

зачем жить? Смысл жизни – это эмоция, чувство, состояние; это ценностно-эмоциональное, чувственное понятие, чаще всего оно не понимается, не осознаётся, а переживается, поэтому не всегда осмысленно определяется, формируется, вырабатывается человеком.

Наличие у человека смысла жизни определяют такие факторы, как встроенность в социум, целеустремлённость, интерес к миру, где действительность представляется и воспринимается как понятная, рациональная, организованная, регламентированная, где реальность понимается и принимается, несмотря на невзгоды, испытания и сложности, как благо.

Восприятие человеком мира, реальности как абсурда, хаоса и бреда, нахождение человека в эмоциональном состоянии, сопровождающемся апатией, безучастием, депрессией, безразличием, скукой, отсутствием цели, отрыв и отрешение от мира указывают на утрату смысла жизни.

Как утверждал А. Камю, «заявить, что жизнь абсурдна, может только живой, обладающий сознанием человек, ... ведь самоубийство – это бегство от мира, или избавление от него. А согласно этому рассуждению, жизнь – это единственное подлинно необходимое благо» [5, с. 11].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что социально-психологическая дезадаптация человека, взаимосвязанная с утратой социальной стабильности, с отчуждением институциональных ценностей, основополагающих, устанавливающих конструкцию социальности существующей системы социума, является первостепенным, базовым фактором, аргументирующим, способствующим суицидальному поведению. При анализе причин суицидального поведения определяющим также следует считать и такую категорию, как *смысл жизни*, т. к. человек не просто живёт, но и стремится к тому, что бы его жизнь имела смысл, он хочет ощущать ценность своей жизни, понимать, что его жизнь и деятель-

¹ Смысл // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: А Темп, 2006. С. 737.

ность имеет социальный позитивный, действующий результат.

Проведённый анализ показывает, что современное общество с появляющимися, развивающимися и происходящими в нём динамичными, многообразными трансформациями и большой, неадекватный рост такого социального феномена, как суицид (самоубийство), особенно среди подрастающего поколения, имеют общие корни и причины. Большое число самоубийств является доказательством того, что в современном цивилизованном обще-

стве изменения и глобальные тенденции, происходящие в нём, ведут к изменению модели социального здоровья и поведения личности, которая существовала ранее в общественном сознании, и показывает всю важность и опасность этой проблемы. Суицидальное поведение как девиантная форма поведения является показателем психологического состояния социума и индикатором социальной патологии.

Статья поступила в редакцию 15.09.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов С. С. Основания философской суицидологии: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 2000. 41 с.
2. Амбрумова А. Г., Тихоненко В. А. Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности // Актуальные проблемы суицидологии: труды Московского НИИ психиатрии. Т. 82. М.: Московский НИИ психиатрии, 1978. С. 6–28.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
4. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / пер. А. Н. Ильинского. М.: Юрайт, 2023. 316 с.
5. Камю А. Бунтующий человек. Миф о Сизифе: сборник / пер. С. Великовского, Е. В. Головиной. М.: АСТ, 2022. 512 с.
6. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М.: Мысль, 1984. 252 с.
7. Сорокин П. А. Самоубийство как общественное явление // Социологические исследования. 2003. № 2 (226). С. 104–115.
8. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред. А. Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. 542 с.
9. Удалова Л. В. Развитие личности как фактор воспроизводства социального здоровья личности // Бехтерев и современная психология личности: сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции (к 135-летию организации первой в России психофизиологической лаборатории в г. Казани), Казань, 02–04 октября 2020 г. Казань: Центр социально-гуманитарного образования, 2020. С. 158–160.
10. Франкл В. О смысле жизни / пер. Л. Сумм. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 164 с.
11. Фрейд З. Печаль и меланхолия / пер. О. Ю. Донец // Суицидология. Прошлое и настоящее: проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах / сост. А. Н. Моховиков. 2-е изд., стер. М.: Когито-Центр, 2013. С. 255–269.
12. Esquirol E. Des maladies mentales: considerees sous les rapports medical, hygienique et medicolegal. Paris: J.-B. Baillière, 1838. 864 p.
13. Farberow N. L., Schneidman E. S. The Cry for Help. New York: McGraw-Hill, 1961. 398 p.

REFERENCES

1. Avanesov S. S. *Osnovaniya filosofskoy suicidologii: avtoref. dis. ... d-ra filoz. nauk* [Foundations of Philosophical Suicidology: Abstract of Dr. Sci. Thesis in Philosophy]. Tomsk, 2000. 41 p.
2. Ambrumova A. G., Tihonenko V. A. [Suicide as a Phenomenon of Socio-Psychological Disadaptation of the Individual]. In: *Aktual'nye problemy suicidologii: trudy Moskovskogo NII psixiatrii. T. 82* [Current Problems of Suicidology: Proceedings of the Moscow Research Institute of Psychiatry. Vol. 82]. Moscow, Moscow Research Institute of Psychiatry Publ., 1978, pp. 6–28.
3. Bauman Z. The Individualized Society (Rus. ed.: Inozemcev V. L., ed. *Individualizirovannoe obshchestvo*. Moscow, Logos Publ., 2005. 390 p.).

4. Durkheim E. Le Suicide (Rus. ed.: Il'insky A. N., transl. *Samoubijstvo. Sociologicheskij etjud.* Moscow, Yurait Publ., 2023. 316 p.).
5. Camus A. L'Homme révolté. Le Mythe de Sisyphe (Rus. ed.: Velikovskiy S., Golovina E. V., transl. *Buntuyushchij chelovek; Mif o Sizife: sbornik.* Moscow, AST Publ., 2022. 512 p.).
6. Kogan L. N. *Cel' i smysl zhizni cheloveka* [The Purpose and Meaning of Human Life]. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 252 p.
7. Sorokin P. A. [Suicide as a Social Phenomenon]. In: *Sociologicheskije issledovaniya* [Sociological Studies], 2003, no. 2 (226), pp. 104–115.
8. Sorokin P. A. *Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 542 p.
9. Udalova L. V. [Personality Development as a Factor in the Reproduction of Social Health of the Individual]. In: *Bekhterev i sovremennaya psihologiya lichnosti: sbornik statej VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (k 135-letiyu organizacii pervoj v Rossii psihofiziologicheskoy laboratorii v g. Kazani), Kazan', 02–04 oktyabrya 2020 g.* [Bekhterev and Modern Personality Psychology: Collection of Articles of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference (to the 135th Anniversary of the Organization of the First Psychophysiological Laboratory in Russia in Kazan), Kazan, October 02–04, 2020]. Kazan, Center for Social and Humanitarian Education Publ., 2020, pp. 158–160.
10. Frankl V. Über den Sinn des Lebens: Mit einem Vorwort von Joachim Bauer (Rus. ed.: Summ L. *O smysle zhizni.* Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2022. 164 p.).
11. Freud S. Trauer und Melancholie (Rus. ed.: Donec Yu., transl. *Pechal' i melanholiya.* In: *Suicidologiya. Proshloe i nastoyashchee: problema samoubijstva v trudah filozofov, sociologov, psihoterapevtov i v hudozhestvennyh tekstah* [Suicidology. Past and Present: The Problem of Suicide in the Works of Philosophers, Sociologists, Psychotherapists and in Literary Texts]. Moscow, Kogito-Centr Publ., 2013, pp. 255–269).
12. Esquirol E. Des maladies mentales: considerees sous les rapports medical, hygienique et medicolegal. Paris, J.-B. Baillière, 1838. 864 p.
13. Farberow N. L., Schneidman E. S. *The Cry for Help.* New York, McGraw-Hill, 1961. 398 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Удалова Лариса Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, истории и философии Тверского государственного технического университета;
e-mail: lv.udalova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Udalova Larisa Viktorovna – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University;
e-mail: lv.udalova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Удалова Л. В. Суицидальное поведение как индикатор социальной патологии // Современные философские исследования. 2023. № 4. С. 113–119.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-113-119

FOR CITATION

Udalova L. V. Suicidal Behavior as an Indicator of Social Pathology. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 4, pp. 113–119.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-113-119

УДК: 141.155

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-120-125

РОЛЬ ИНФОРМАЦИИ В ОСНОВНЫХ ЭВОЛЮЦИОННЫХ СТРАТЕГИЯХ ВЫЖИВАНИЯ: «НОМИНАЛЬНОГО БЕССМЕРТИЯ» И «БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ»

Урядов А. В.

Российский государственный социальный университет

129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить ключевые механизмы и эволюционные стратегии передачи наследственной информации, а также определить, как взаимодействие между различными уровнями структурной организации «живых» систем влияет на процессы адаптации. Объектом изучения служат «живые» системы, применяющие эволюционные стратегии «номинального бессмертия» и «быстрого реагирования».

Процедура и методы. В основу исследования легли методы диалектики, системные и эволюционные подходы. Кроме того, использованы общенаучные методы, такие как анализ и синтез.

Результаты. В работе рассмотрены основные характеристики «номинального бессмертия» и «быстрого реагирования» как эволюционных стратегий адаптации и выживания, а также роль информации в их реализации на разных уровнях структурной организации живых систем.

Теоретическая и/или практическая значимость. Значимость заключается в подготовке базы для создания онтологии живых систем.

Ключевые слова: «живые» системы, «жизнь вообще», стратегия «быстрого реагирования», стратегия «номинального бессмертия», эволюция

THE ROLE OF INFORMATION IN THE MAIN EVOLUTIONARY SURVIVAL STRATEGIES: “NOMINAL IMMORTALITY” AND “RAPID RESPONSE”

A. Uryadov

Russian State Social University

ul. Vilgelma Pika 4 bld. 1, Moscow 1129226, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the key mechanisms and evolutionary strategies for the transmission of hereditary information, as well as to determine how the interaction between different levels of the structural organization of “living” systems affects the processes of adaptation. The object of the study is “living” systems that apply evolutionary strategies of “nominal immortality” and “rapid response”.

Methodology. The methodology is based on dialectical methods, systemic and evolutionary approaches. In addition, general scientific methods such as analysis and synthesis are used.

Results. Based on the set goals, this paper examines the main characteristics of “nominal immortality” and “rapid response” as evolutionary strategies for adaptation and survival, as well as the role of information in their implementation at different levels of the structural organization of living systems.

Research implications. The theoretical significance lies in the preparation of the basis for the creation of an ontology of living systems.

Keywords: “living” systems, “life in general”, “quick response” strategy, “nominal immortality” strategy, evolution

Введение

В современном мире, где быстро меняющаяся среда и условия существования создают всё больше вызовов для живых организмов, роль информации в эволюционных стратегиях выживания становится всё более значимой. Помимо наследственной информации, роль играют и другие её формы, в частности знания человечества. В свете этого данное исследование посвящено изучению двух основных эволюционных стратегий выживания – «номинального бессмертия» и «быстрого реагирования» – и определению роли информации в их реализации.

Выделение эволюционных стратегий выживания «номинального бессмертия» и «быстрого реагирования»

Прежде всего, определимся, что мы подразумеваем под жизнью и смертью. Жизнь определим как высокоустойчивое, субъектное, эволюционирующее состояние системы, а смерть, соответственно, как лишённое субъектности, неустойчивое, неэволюционирующее состояние системы. Договорившись о терминах и методах исследования, введём понятие «жизнь вообще». Под ним мы будем иметь в виду предельно общую систему, включающую в себя все другие системы независимо от структурного уровня организации и времени существования [4, с. 511].

«Жизнь вообще» как предельно общее понятие имеет свойства системы, которые присущи всем входящим в это понятие «живым» системам. Система считается «живой», если её главной целью является выживание. И к этой цели системы могут приходить разными путями. В данном исследовании предлагаются две общие стратегии выживания: «номинальное бессмертие» и «быстрое реагирование».

В рамках первой стратегии информация используется для передачи знаний и опыта между поколениями, что позволяет организмам сохранять устойчивость и адаптивные возможности на протяжении длительного времени. В рамках стратегии

«быстрого реагирования» информация служит средством непосредственной адаптации к изменениям в окружающей среде, что обеспечивает организмам возможность быстро реагировать на возникающие угрозы и преодолевать конкуренцию.

На основе данного исследования предлагается разработать инструменты для анализа и измерения информационных процессов в эволюционных стратегиях выживания. Кроме того, данное исследование может быть использовано для разработки новых технологий и систем управления ресурсами в окружающей среде.

Деление «жизни вообще» на множество частей является эффективной стратегией выживания, особенно если эти части будут изменяться при делении, вырабатывая новые адаптации к среде. Но неудачные изменения могут привести «живую» систему к гибели, а неконтрольный рост чреват исчерпанием ресурсов в той или иной нише.

Таким образом, отсутствие изменений и сохранение существующего состояния системы – это отличный способ выжить. Эту стратегию выживания можно назвать «номинальным бессмертием», т. к. механизм саморазрушения, смерть от старости при таком подходе не требуется. Напротив, система заинтересована в максимально высоких регенеративных способностях и закрытии от информации внешнего мира, замыкаясь во внутренней. Главной проблемой для этой стратегии является непрерывное изменение среды вокруг. И эффективные или приемлемые ранее адаптации со временем становятся неэффективными или вредными. Состояние «живой» системы, приводившее её к процветанию, станет причиной её гибели. Поэтому в чистом виде эта эволюционная стратегия выживания не встречается.

Противоположной стратегии «номинального бессмертия» является стратегия «быстрого реагирования». Она заключается в том, чтобы появлялись всё более эффективные и актуальные адаптации под изменяющиеся условия среды. В эту стратегию входят быстрый рост и попытки занять все существующие экологические

ниши. Цикл «жизни» конкретной системы должен быть максимально коротким. Быстрое созревание позволяет быстро передать новые адаптации следующим поколениям, а встроенный механизм умирания «естественной смерти» необходим для того, чтобы у новых поколений «живых» систем были место и ресурсы для развития. Такой системе присуща сильная внутренняя конкуренция. Главной проблемой такой стратегии является то, что наряду с внешней средой опасность исходит и от самой системы. В системе, бесконтрольно и быстро меняющейся, неизбежно должны возникнуть несовместимые с жизнью изменения.

Стратегия «быстрого реагирования» в чистом виде так же приведёт к вымиранию, как и стратегия «номинального бессмертия». Но обе вышеописанные эволюционные стратегии выживания не встречаются в чистом виде. Обычно мы имеем дело с «живыми» системами, которые склоняются к одной из них в большей степени. Например, черепахи живут долго, неприхотливые, не занимают роль апекс-хищника (вершина пищевой цепи) в своей нише, придерживаются традиционного строения. При этом черепахи ещё не вымерли, а в кризисные для экосистемы времена имеют преимущества над теми «живыми» системами, что находятся на вершине пищевой цепи из-за своей неприхотливости.

Существуют структуры, которые «живая система» меняет с большим трудом или даже не имеет в них изменений совсем, потому что это очень опасно. Например, впервые выходя на сушу и уже адаптировавшись в значительной степени к сухопутной жизни, животные продолжали откладывать первобытные яйца в воду, т. к. для изобретения скорлупы или кожистых яиц потребовалось много времени. А что касается разнообразия полов, их всего два; уже очень давно изменения половой системы могут лишить систему возможности оставить потомство и вымереть независимо от того, насколько эффективно система находила ресурсы и отвечала на вызовы, брошенные средой.

Роль информации в основных эволюционных стратегиях выживания

Многие из акул живут достаточно долго: белые акулы и китовые – около семидесяти лет, а тигровые – несколько меньше и в среднем не доживают до пятидесяти. Но настоящим примером стратегии «номинального бессмертия» можно назвать полярную акулу. Она живёт в среднем до двухсот семидесяти двух лет, половой зрелости достигает в сто пятьдесят лет. И здесь мы, наконец, углублённо переходим к роли информации в этих стратегиях. «Живая» система в данном примере – это полярная акула. После своего рождения долгое время она не размножается, поэтому она не ограничена естественным сроком жизни, скажем, в двадцать или тридцать лет, и стремится сохранять себя, обладая хорошей регенерацией. Это достаточно надёжный выбор. Но изменения генетической информации и, как следствие, передача продуктивных и деструктивных «эволюционных идей» происходит очень редко по сравнению с теми, кто тяготеет к стратегии «быстрого реагирования».

Быстрое достижение половой зрелости позволяет быстрее передавать эффективные адаптации через передачу генетической информации потомкам. Выраженная конкуренция способствует отбору только лучших «эволюционных идей» в текущих условиях среды. Жизнь сама становится для себя средой. Все слышали про период в истории планеты, когда на суше царствовали динозавры. Они были представлены во всех сухопутных нишах и проявляли себя достойно. Динозавры занимали роль апекс-хищников, доминирующих, самых сильных и приспособленных. Но, чтобы получить множество удачных адаптаций и вырасти до гигантских размеров, прежде им приходилось быть небольшими и быстро менять поколения. Чем быстрее меняются поколения, тем быстрее передаётся информация и выше шанс накопить больше удачных решений. Если накопилось больше эффективных адаптаций, чем

у доминирующих хищников, то животное размером с ладонь со временем может сместить «деспотов» и стать гигантом (тиранозавром и т. д.).

«Живой» системе для выживания необходимо, помимо передачи информации о внутреннем устройстве системы (ДНК), коммуницировать с внешней средой. Очень полезно оказалось иметь возможность коммуникации с внешним миром, чтобы понять, где находится еда, и двинуться к ней. Для этого нужны способы сбора информации о внешнем мире. Революция в коммуникации и координации, вероятно, стала одной из причин кембрийского [3, с. 439] появления настоящих хищников и начала эволюционной гонки «хищник и жертва».

Совершенство устройства человеческих глаз долгое время, будоражило наши умы. И даже существовал тезис, что эволюция не способна создать что-то столь же совершенное [1, с. 528]. Очевидно, что глаз как сложный орган, появился не сразу; мы можем проследить развитие этого органа чувств от чувствительных к солнцу рецепторов до цветного зрения. При этом именно органы зрения развились, по эволюционным меркам, очень быстро. У древних трилобитов оно было очень хорошим [2, с. 511], о таком мы можем только мечтать. Эволюция глаза шла вместе с эволюцией маскировки. Этот пример визуализирует развитие способов сбора информации о внешнем мире и того, как система может препятствовать получению достоверной информации. Кроме того, для выживания важно повышать скорость коммуникации с внутренней и внешней средой системы. Оба подхода являются проявлением диалектического закона перехода количественных изменений в качественные.

Эволюционная гонка хищника и жертвы – это проявление закона единства и борьбы противоположностей, т. е. источник развития внутри «живой» системы. При этом такая конкуренция также является результатом коэволюции: изменения в одной части системы приводят к изме-

нениям в другой её части. Т. к. «живые» системы являются открытыми, работа с информацией учитывает информированность сопряжённых систем.

Важно отметить, что восприятие информации окружающего мира должно повышать жизнеспособность организма. Это главная цель подобно рода адаптаций, а не поиск истины как таковой. Поэтому не стоит удивляться или ждать от органов чувств полноты информации о мире. Главное, чтобы информация была полезной для выживания. И только человек определяет поиск знаний как самоцель.

Таким образом, коэволюция заставляет «живые» системы искать собственный баланс между двумя эволюционными стратегиями: «номинального бессмертия» и «быстрого реагирования».

Чтобы оценить жизнеспособность системы, стоит обратить внимание на скорость и качество сбора и передачи информации. В этом контексте интересны исследования, посвящённые изучению информационных стратегий, применяемых микроорганизмами. Для бактерий свойственен альтернативный способ передачи информации текущим поколениям. Это во многом определяет успех колоний этих «живых» систем.

Человек достаточно далеко продвинулся в другом способе передачи информации – общении. Мы обучаем друг друга и накапливаем знания. Поэтому, чтобы передать эффективную модель поведения, не обязательно ждать, пока на уровне ДНК произойдёт передача закреплённого поведения; можно просто сказать человеку, что делать.

Важным для выживания является обмен информацией между системами различных структурных уровней организации: клетками человека, самим человеком и государством.

Анализ основных тенденций к движению в сторону стратегии «номинального бессмертия» или «быстрого реагирования» позволяет прогнозировать динамику развития «живых» систем. На основе такого си-

стемного анализа можно предсказать скорость и масштабность изменений, а также традиционность системы. Повышение технических возможностей человека помогает расширить спектр применения математических моделей и компьютерных симуляций для изучения динамики биологических систем. Применение таких подходов позволяет проводить количественный анализ влияния информационных процессов на адаптацию организмов к изменяющимся условиям среды и предсказывать возможные направления путей эволюции на основе различных начальных условий.

В свете последних достижений кибербиологии становятся актуальными изучение границ между искусственными и естественными системами, а также анализ возможных механизмов адаптации искусственного интеллекта (как небологической «живой» системы) к изменяющимся условиям среды. В этом контексте примером таких систем могут быть гибридные

организмы, полученные путём интеграции биологических и искусственных компонентов, которые способны осуществлять информационный обмен и адаптацию к изменяющимся условиям среды более эффективно.

Заключение

В заключении отметим: «живые» системы имеют общее стремление к выживанию. Существовая в непрерывно изменяющемся мире, они также должны эволюционировать. С другой стороны, «живые» системы должны сохранять меняющийся уровень традиционности, чтобы не раствориться в энтропии бесконечных мутаций. В настоящем исследовании были выделены две стратегии эволюционного развития: «номинального бессмертия» и «быстрого реагирования», а также важная роль коммуникации и информации в этих стратегиях.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диаров В. О. Глобальный характер эволюции // Евразийский юридический журнал. 2021. № 10 (161). С. 527–529.
2. Диаров В. О. Онтология человеческой эволюции через диалектический анализ будущего // Евразийский юридический журнал. 2022. № 7 (170). С. 511–512.
3. Елхова О. И., Кудряшев А. Ф. Мягкий детерминизм событий виртуального мира // Евразийский юридический журнал. 2019. № 10 (137). С. 438–440.
4. Урядов А. В. Философский анализ жизни и смерти // Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 510–511.

REFERENCES

1. Diarov V. O. [The Global Nature of Evolution]. In: *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2021, no. 10 (161), pp. 527–529.
2. Diarov V. O. [Ontology of Human Evolution Through Dialectical Analysis of the Future]. In: *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2022, no. 7 (170), pp. 511–512.
3. Elkhova O. I., Kudryashev A. F. [Soft Determinism of the Events of the Virtual World]. In: *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2019, no. 10 (137), pp. 438–440.
4. Uryadov A. V. [Philosophical Analysis of Life and Death]. In: *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2022, no. 2 (165), pp. 510–511.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Урядов Артём Владимирович – старший преподаватель кафедры когнитивно-аналитических и нейроприкладных технологий Российского государственного социального университета;
e-mail: intellectual.artemka@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artem V. Uryadov – Senior Lecturer, Department of Cognitive-Analytical and Neuro-Applied Technologies, Russian State Social University;
e-mail: intellectual.artemka@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Урядов А. В. Роль информации в основных эволюционных стратегиях выживания: «номинального бессмертия» и «быстрого реагирования» // Современные философские исследования. 2023. № 4. С. 120–125.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-120-125

FOR CITATION

Uryadov A. V. The Role of Information in the Main Evolutionary Survival Strategies: “Nominal Immortality” and “Rapid Response”. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 4, pp. 120–125.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-120-125

РЕЦЕНЗИИ

НОВАЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ КНИГА ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЛЕБЕДЕВ С. А. ФИЛОСОФИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ. НАУКА: ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ. М.: ПРОСПЕКТ, 2023. 720 С.

Губанов Н. Н.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2, Российская Федерация*

NEW FUNDAMENTAL BOOK OF PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE. BOOK REVIEW: LEBEDEV S. A. PHILOSOPHY. METHODOLOGY. SCIENCE: SELECTED ARTICLES. MOSCOW, PROSPECT PUBL., 2023. 720 P.

N. Gubanov

*Financial University under the Government of the Russian Federation
prosp. Leningradsky 49/2, Moscow 125167, Russian Federation*

Занимаясь достаточно долгое время проблемами философии и методологии науки, вынуждены с сожалением отметить, что, на наш взгляд, подавляющее большинство современных книг в этой исследовательской сфере страдают одним общим недостатком: авторы монографий чётко не эксплицируют своих общих философских воззрений, с позиции которых они изучают науку и анализируют её методологию. Это касается как отечественных, так и зарубежных работ. В результате философские представления авторов сводятся в них к декларациям нескольких философских идей, никак внутренне не связанных между собой, либо вообще имплицитно подразумеваются как нечто само собой разумеющееся. Особенно, по нашим наблюдениям, это относится к работам по методологии науки.

Рецензируемая книга – необычная монография, в которой философия, методология и наука оказались внутренне взаимосвязанными между собой, где философская позиция автора является исходной для изложения его взглядов на разнообразные вопросы философии и методологии науки, но все они в итоге предстали как органично взаимосвязанные друг с другом, а также с реальной наукой и её историей. Возможно, незаурядность обсуждаемой книги обусловлена тем, что это сборка статей автора за длительный период времени и отражает весь его продолжительный и плодотворный творческий путь в науке.

Книга С. А. Лебедева «Философия. Методология. Наука: избранные статьи» состоит из семи тематических разделов, заключения и списка статей автора, использованных при написании труда. Первый раздел называется «Философия (исходные принципы и категории)», состоит из 5 глав и начинается с обсуждения самых азов – основного вопроса философии. Показана возможность разработки нового подхода к его решению на основе синтеза онтологических идей объективного идеализма и гносеологических идей субъективного идеализма. По мнению автора, объективный идеализм прав в том, что онтологически мир объективных возможностей, представляющий собой множество иде-

альных сущностей, первичен по отношению к материальному миру; субъективный же идеализм прав в том, что содержание объективного бытия (и мира объективных возможностей, и материального мира) создаётся, конструируется нашим сознанием в процессе познавательной деятельности, что делает сознание в гносеологическом плане первичным по отношению к объективной реальности.

Далее излагается разработанный автором урневый подход к описанию объективной и субъективной реальности, согласно которому объективная реальность, понимаемая как то, что находится вне сознания, имеет два уровня: уровень объективных возможностей (объективных оснований разнообразных материальных предметов) и материальный уровень (вещественная реализация мира возможностей). Наблюдаемый материальный мир в любое время представляет собой реализацию только бесконечно малой части континуума возможностей. Умопостигаемый мир возможностей в отличие от материального мира бесконечен, неизменен и тождествен сам себе. С. А. Лебедев проводит параллель между своей позицией и учением Платона о мире идей и мире вещей. Субъективная реальность, понимаемая как сознание, его продукты, их свойства и отношения, имеет также два уровня: нерелексивный (бессознательный и под-сознательный уровни сознания) и релексивный (познавательная деятельность сознания, полностью контролируемая им). В свою очередь, релексивное сознание и конструируемая им реальность состоят из четырёх типов: чувственная, эмпирическая, теоретическая и метатеоретическая. Описываются особые характеристики этих типов субъективной реальности и раскрываются отношения между ними.

Продолжая расставлять все точки над «i», С. А. Лебедев в третьей главе «Философские размышления (бытие, сознание, истина, наука, знание)» предлагает новые подходы к рассмотрению содержания основных категорий философии: бытие, объективная реальность, материя,

сознание, истина, научное знание, материализм, идеализм. Признавая истину главным элементом и целью научного познания, автор отмечает, что она «не продукт отражения сознанием объективной реальности, а результат конструирования сознанием и мышлением эталонной субъективной реальности как средства оценки с её позиций объективной реальности, структурирования объективной реальности на основе её сравнения с субъективной реальностью и последующего использования этого знания для успешной адаптации к объективной реальности и возможности её практического преобразования и использования в интересах людей»¹. Вызывают интерес также приведённые размышления по поводу наличия в человеческом сознании априорного знания. В книге этот вопрос разрешается следующим образом. Априорное чувственное знание существует и служит элементом бессознательного когнитивного уровня, а его материальным носителем является наследственная генетическая информация. А вот априорного рационального знания не существует, ибо оно «продукт конструктивной деятельности мышления и его закрепление с помощью языка и коммуникаций ... является мыслительно-конструктивным по способу своего происхождения и социальным по способу легализации»².

Последние две главы раздела посвящены, соответственно, концепциям взаимосвязи философии и науки, а также проблеме демаркации научного знания. В четвёртой главе отстаивается положение о преимуществе диалектической концепции взаимосвязи философии и науки перед альтернативными ей трансценденталистской, позитивистской и антиитеракционистской концепциями. Данная позиция подтверждается убедительной демонстрацией того, что диалектический подход позволяет синтезировать положительное содержание других концепций (эвристические возможности которых были подробно

¹ Лебедев С. А. Философия. Методология. Наука: избранные статьи. М.: Проспект, 2023. С. 41.

² Там же. С. 44.

рассмотрены в главе) и при этом избежать их недостатков. В пятой, последней, главе раздела анализируется эволюция проблемы демаркации научного знания как аксиологической проблемы философии науки. Доказан исторический характер научной рациональности и показано, что эпистемологические представления о необходимых свойствах научного знания менялись в ходе развития науки и философии. Выделены и описаны три основных общих идеала научной рациональности: классический, неклассический, постнеклассический.

В семи главах второго раздела «Философия науки (концепции, предмет, структура)» последовательно излагается система взглядов автора на современное состояние философии науки. Две центральные идеи состоят в следующем. Первая идея. В противовес классической философии науки, редуцировавшей свой предмет только к эпистемологии, предлагается понимать его гораздо шире и ставить главной задачей современной философии науки не только анализ научного познания, а разработку общей модели реальной науки как особой подсистемы культуры. Вторая идея. При построении же этой модели предписывается сознательно опираться на эмпирический материал реальной истории науки, её содержание и развитие. В свете данных базисных идей проводится критический анализ основных концепций природы науки и научного познания: эмпирико-индуктивистской, конвенционалистской, неопозитивистской, постпозитивистской, постнеклассической, диалектической.

По мнению С. А. Лебедева, наиболее универсальной парадигмой научного познания является позитивно-диалектическая концепция. Комментируя её название, автор отмечает: «позитивная» – потому что она ориентирована на структуру и динамику реальной науки, а «диалектическая» – потому что она исходит из реальной противоречивости структуры и динамики научного знания как из фундаментального факта. Универсальная диа-

лектическая модель научного познания возможна только как диалектический синтез частных моделей научного познания. При этом в каждой из них реконструируется рациональное содержание и снимается абсолютизированная форма вместе с вызываемыми ею ошибками и односторонностями в истолковании реального процесса научного познания. Указанный способ построения позитивно-диалектической концепции выводит её на более высокий уровень философско-методологического знания по сравнению с обобщаемыми в её рамках частными эпистемологическими моделями.

По нашему мнению, подлинными жемчужинами данного раздела являются главы 5 и 6, в которых приводятся кропотливо собранные автором высказывания классиков естествознания (самых знаковых представителей классического, неклассического и постнеклассического естествознания), позволяющие реконструировать разделяемые ими философские основания науки. Убедительно показано, что выдающиеся учёные упорно искали философские основания для построения своих научных теорий по двум основным причинам. «Первая заключалась в осознании ими недостаточности соответствия теории данным опыта, чтобы признать её истинной и доказанной. Второй причиной было понимание ими важности включения достижений естествознания в общую систему рационального знания общества. Такое включение возможно только через философию, с помощью нахождения философских оснований научных теорий и тем самым оправдания последних с позиций более общего рационального знания – философии, имеющей огромную мировоззренческую значимость для общества»¹.

Раздел 3 под названием «Онтология науки» будет особенно интересен представителям естествознания, т. к. там содержатся главы, посвящённые таким волнующим темам, как «Основные концепции Вселенной» (глава 3), «Онтология и фило-

¹ Лебедев С. А. Философия. Методология. Наука: избранные статьи. М.: Проспект, 2023. С. 169.

софия микромира и макромира» (глава 4). В увлекательной и доступной форме излагаются общенаучные и философские основания таких, например, подходов, принципов и теорий, как концепция холодной Вселенной, концепция горячей Вселенной (теория Большого взрыва), антропный принцип, принцип неопределённости, принцип нелокальности, теория суперструн, синергетика и т. д. Анализируются современные научные представления о следующих сферах материальной реальности: физический вакуум, субмикромир, микромир и макромир. Рассказывая об эволюции научных взглядов на природу макромира, С. А. Лебедев отмечает, что уже классическая термодинамика заставила признать хаос и «тепловую смерть» естественными и неизбежными состояниями мира. Следовательно, если бы не был найден научный подход к изучению хаоса, то научное познание мира зашло бы в тупик. Синергетика в книге остроумно охарактеризована как наука, которая смогла превратить проблему в положительный принцип и стала рассматривать хаос в качестве свободной игры факторов, каждый из которых, взятый сам по себе, мог бы показаться незначительным. Синергетика в качестве науки об открытых, неравновесных и нелинейных системах показала, что даже в макромире (а не только в микромире) вероятностные и статистические теории являются вполне объективным знанием.

В четвёртом разделе «Эпистемология» проведена важная работа по раскрытию содержания понятия научной рациональности и систематизации знаний о многообразии её проявлений в разных областях научного знания. Убедительно обоснована важность учёта сложной структуры научной рациональности для конкретного подхода к решению проблемы истинности научного знания и выработки разных критериев истинности применительно к его разным уровням и видам. Выделены следующие виды научной рациональности: культурно-историческая, отраслевая (рациональность знания в различных областях

науки: логике, математике, естествознании, социальных, гуманитарных, технических науках и междисциплинарных исследованиях), уровневая (рациональность различных уровней научного знания: чувственного, эмпирического, теоретического, метатеоретического), рациональность видов научного знания – аналитического, синтетического, априорного, апостериорного, ассерторического, аподиктического, вероятностного. Если предыдущий раздел, как отмечалось, будет особенно интересен представителям естественных наук, то этот раздел способен, на наш взгляд, вызвать большой энтузиазм у представителей математического знания. В главе 8 «Принципы математических теорий» разбираются онтологические и гносеологические основания математических теорий. Подробным образом рассмотрена интереснейшая проблема существования математического объекта и проанализированы различные варианты её решения: платонизм (Платон, Пифагор, Вейерштрасс, Кантор и др.); концептуализм (Евклид, Аристотель, Евдокс, Гаусс и др.); априоризм (Декарт, Кант и др.); логицизм (Фреге, Рассел и др.); структурализм (Н. Бурбаки и др.); формализм (Д. Гильберт и др.); конструктивизм (Гейтинг, Вейль, Марков и др.).

Самым большим по объёму разделом книги является Раздел V «Методология научного познания». Согласно С. А. Лебедеву, эта дисциплина «не имманентная часть философии, не раздел эпистемологии как философского учения о научном познании, его природе и методах, а область общенаучного междисциплинарного знания, имеющая своим эмпирическим основанием реальную науку и её историю, а предметом – описание многообразия научных методов, их возможностей и границ использования»¹. Показано, что главной чертой методологической культуры современного учёного служит понимание конструктивного и исторического характера методологического знания, а также его системно-плюралистической природы, за-

¹ Лебедев С. А. Философия. Методология. Наука: избранные статьи. М.: Проспект, 2023. С. 428.

креплённой в структуре современной методологии науки, состоящей из пяти разделов: общенаучной, отраслевой, уровневой, культурно-исторической и философской методологии. В отдельных главах раздела последовательно и подробно разобраны методы чувственного, эмпирического, теоретического, метатеоретического познания в науке. В данном разделе также присутствует глава 10 «Специфика структуры и методов технических наук», способная заинтересовать и порадовать представителей инженерного познания. В среде обывателей иногда встречается мнение, что технические дисциплины являются неким заземлённым придатком естественных наук, как более высоких по своему статусу. Против подобных мнений решительно выступает С. А. Лебедев: «Техника, будучи объектом человеческого творчества, не является простой реализацией естественнонаучных знаний: она имеет свои специфические законы развития, которые выступают главным основанием технического творчества. Более того, законы, вскрытые естествознанием, служат лишь исходной основой для технической творческой деятельности... технические закономерности отражают специфическую форму проявления природных законов, обусловленную устойчивым, целенаправленным, искусственно организованным взаимодействием природных процессов, позволяющим использовать силы природы в удобной и пригодной для человека форме»¹. А в целом техническое знание – это единство естественнонаучного, математического, социально-экономического и модельно-проективного знания².

Главной ценности научного мировоззрения – Истине – полностью посвящён Раздел VI «Научная истина». Автор исходит из того факта, что как постановка, так и решение любой научной проблемы не могут быть адекватно осмыслены вне их культурно-исторического контекста. И в этом отношении существует глубокое

сходство научного познания во всех областях научного знания: в естествознании, математике, социально-гуманитарных и технических науках. Учёт этого обстоятельства требует пересмотра классической эпистемологии и принятия следующих новых принципов³:

– и в естествознании, и в социальных науках истина всегда относительна, так как зависит от онтологически задаваемых «систем референции», от интервалов абстракции, когнитивных систем отсчёта;

– необходимость фиксирования и чёткого описания всех принимаемых предпосылок и условий постановки той или иной научной проблемы;

– любая истина теряет всякую определённую и содержательность, если не указывается, относительно какого интервала абстракции она имеет однозначный и проверяемый смысл;

– всякий предмет научного познания принципиально многослоен и многомерен, поэтому он может стать чем-то эффективно познаваемым только будучи заданным в достаточно чётком интервале абстракции относительно фиксированной познавательной ситуации;

– всякая научная истина предпосылочна и связана с каким-то конкретным измерением многомерного объекта познания; освоение объекта в том или ином интервале всегда предполагает конкретную систему понятий и особую познавательную стратегию;

– отдельные «образы объекта» не исключают, а дополняют друг друга, если мы научились фиксировать границы их адекватной применимости, а также концептуальные способы перехода от одной интеллектуальной перспективы к другой;

– диалог, конвенции и научный консенсус – это абсолютно необходимые условия достижения и утверждения истины в научном познании, ибо, только опираясь на эти средства, можно достигнуть максимальной определённости научного знания и его эффективности при применении на практике

¹ Лебедев С. А. Философия. Методология. Наука: избранные статьи. М.: Проспект, 2023. С. 572.

² Там же. С. 574.

³ Там же. С. 595.

и реализации приоритетных ценностей и целей научного познания.

Эти принципы кратко представляют содержание так называемой *конструктивно-репрезентативной концепции процесса познания*, развиваемой в монографии. В качестве одного из важнейших выводов относительно проблемы научной истины в книге утверждается: «С точки зрения современной методологии науки наиболее адекватной концепцией научной истины является синтез корреспондентской концепции истины и консенсуального характера понимания её истинности»¹.

Исследование влияния ценностных регуляторов на функционирование и динамику научного знания проводится в последнем, седьмом, разделе книги «Аксиология и праксиология науки». С. А. Лебедев выделяет два вида таких регуляторов: 1) общие цели научной деятельности, задаваемые науке наличной культурой и обществом; 2) идеалы и нормы исследования, разрабатываемые научным сообществом в соответствии с господствующим пониманием предназначения науки. На эмпирическом материале истории математики и физики показано, что оба эти вида целеполагания имеют конкретно исторический характер, их содержание меняется со временем, а также свою специфику в различных отраслях научного знания. Предложена оригинальная и детальная реконструкция ценностных оснований науки двух последних периодов её развития – неклассического и постнеклассического. Сформулированы общие закономерности развития науки и научного знания.

В третьей главе раздела «Наука и методологическая культура учёного» представлен весьма знаменательный парадокс истории науки, на который очень редко обращается внимание в других источниках по философии и методологии науки: имена творцов научных методов гораздо менее известны, чем имена тех учёных, которые их успешно применяли. А ведь именно новые методы обуславливают основной прогресс в науке.

¹ Лебедев С. А. Философия. Методология. Наука: избранные Статьи. М.: Проспект, 2023. С. 621.

«Главная ценность любой новой методологической традиции состоит в том, что она становится основой массового производства научного знания определенного рода, доступного большому числу учёных, а не только тем, кто впервые предложил новые методы науки»². Однако, история в основном помнит имена тех, кто, применив разработанные предшественниками методы, получил на основе них новые научные результаты. Эта историческая несправедливость устраняется в данной главе приведением списка создателей новых научных методов.

Последняя глава раздела и всей монографии носит название «Принципы современной государственной научно-технической политики». В ней раскрываются общие принципы современной государственной научно-технической политики в экономически развитых странах. Естественно, как человек, посвятивший свою жизнь отечественной науке и образованию, С. А. Лебедев не мог не затронуть проблему необходимости повышения качества научно-технической политики России. В главе им изложена соответствующая совокупность мер для достижения этой цели. Среди них названы такие меры: 1) существенное увеличение доли государственного финансирования отечественной науки – до 3–4% ВВП (сейчас 1,3%); 2) обеспечение оплаты труда российских учёных на среднем мировом уровне – только тогда может сократиться продолжающаяся с начала 1990-х гг. «утечка мозгов» из страны; 3) резкое улучшение материальной и, прежде всего, приборной базы российской науки, создание отдельной отрасли промышленности – научного приборостроения; 4) создание для отечественного и зарубежного капитала, вкладывающего свои средства в развитие инноваций, максимально возможных налоговых преференций.

Рецензируемая книга, имея энциклопедический характер, послужит источником идей для специалистов по истории, философии и методологии науки. Такая

² Там же. С. 685.

работа особенно полезна специалистам в период парадигмальных изменений в научном познании. Хороший литературный язык и ясный стиль изложения делают книгу С. А. Лебедева вполне доступной также аспирантам, магистрантам, бакалаврам и всем, интересующимся проблемами истории и философии науки.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Губанов Николай Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: gubanovnn@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay N. Gubanov – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Humanitarian Disciplines, Finance University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: gubanovnn@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Губанов Н. Н. Новая фундаментальная книга философии и методологии науки. Рецензия на книгу: Лебедев С. А. Философия. Методология. Наука: избранные статьи. М.: Проспект, 2023. 720 с. // *Современные философские исследования*. 2023. № 4. С. 126–132.

FOR CITATION

Gubanov N. N. New Fundamental Book of Philosophy and Methodology of Science. Book Review: Lebedev S. A. Philosophy. Methodology. Science: Selected Articles. Moscow, Prospect Publ., 2023. 720 p. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 4, pp. 126–132.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. В. БИРЮКОВА

Б. В. БИРЮКОВ – УЧЁНЫЙ И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ: ЗАМЕТКИ К ПРОШЕДШЕМУ ЮБИЛЕЮ

Прядко И. П.

*Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
(НИУ МГСУ)
129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26, Российская Федерация*

B. V. BIRYUKOV – SCIENTIST AND FACILITATOR OF SCIENCE: NOTES TO THE LAST ANNIVERSARY

I. Pryadko

*Moscow State University of Civil Engineering
Yaroslavskeye Shosse 26, Moscow 129337, Russian Federation*

19 июня 2022 г. исполнилось сто лет со дня рождения выдающегося отечественного логика, философа, историка науки Бориса Владимировича Бирюкова. В виду прошедшего столетнего юбилея автор настоящей статьи обращается к научному наследию незаурядного мыслителя, даёт оценку его вклада в методологию науки, историю логики и изучение информационной культуры.

Борис Владимирович Бирюков оставил богатое философское наследие. Его работы, посвящённые вопросам истории математической логики, применению логики в технических науках и гуманитарной сфере, отличаются глубиной проработки фактического материала, широтой тематического диапазона, оригинальностью взгляда на исследуемый предмет. Так, Борис Владимирович много внимания уделял изучению логико-математического наследия Г. Фреге, Э. Шредера, Г. и Р. Грассманов. В своих предисловиях и комментариях к переводам европейских учёных он обращал внимание на методологические проблемы философского обоснования арифметики, анализировал изменения в динамике научного поиска, осуществляющегося в век обретения логикой формализованного языка¹. Борис Владимирович стремился раскрыть связь между содержанием работ корифеев логико-философской мысли и социокультурным контекстом, определившим направление научных исследований в XX – начале XXI вв. В сферу научных интересов героя настоящей статьи также входили вопросы информатизации гуманитарного знания, история школ

¹ См., напр.: Бирюков Б. В. Жар холодных чисел и пафос бесстрастной логики. М.: Знание, 1985. 192 с.; Бирюков Б. В. Философские вопросы логической формализации и логических средств кибернетики: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1965. 55 с.; Бирюков Б. В., Геллер Е. С. Кибернетика в гуманитарных науках. М.: АН СССР, 1973. 382 с.

отечественной логики XX в., история западной и отечественной философии, современное состояние информационно- и читательской культуры.

В работе автор ставит перед собой две задачи: пролить свет на малоизвестные факты биографии учёного, показать мыслителя с иной, возможно, неожиданной для читателей стороны. Для решения этих задач автор использует биографический метод¹.

Начало большого пути.

Вехи научной биографии Б. В. Бирюкова

Будучи уроженцем Краснодара, Борис Владимирович большую часть своей жизни провёл в Москве. «Вратами учёности» для Б. В. Бирюкова стал МИФЛИ им. Н. Г. Чернышевского. Это учебное заведение в 20–30-е гг. XX в. было одной из *кузниц* отечественных гуманитариев. В 1941 г., незадолго до нападения Германии на СССР произошли структурные изменения в двух главных вузах российской столицы – МИФЛИ и МГУ: философский факультет МИФЛИ вошёл в МГУ. Так Борис Бирюков стал студентом Московского государственного университета. Заканчивать образовательный курс Борису Владимировичу пришлось уже после Великой Отечественной войны. И действительно, 22 июня 1941 г. стало переломной датой в судьбах всех советских людей. В конце 1942 г. Борис Владимирович был призван на военную службу. По окончании курса радиоспециалистов (как указывает Б. В., занятия проходили на заводе № 2 Народного комиссариата обороны на Большой

Татарской улице), получив воинское звание «младший воентехник», герой настоящей статьи был направлен в действующую армию. Артиллерийский полк, в котором служил Бирюков, действовал на ответственных участках Ленинградского и Волховского фронтов. После перевода в полк связи младший техник-лейтенант Бирюков вместе со своим подразделением «связистски обеспечивал снятие блокады Ленинграда и освобождение Эстонии»². С осени 1944 до 1946 гг., будучи начальником военно-технического снабжения батальона связи дивизии морской пехоты, Борис Владимирович проходил службу на Военно-морской базе в Финляндии. Таков был боевой путь героя статьи и его вклад в Победу над нацистской Германией.

В послевоенное время Борис Владимирович заканчивал исторический факультет МГПУ, а параллельно – философский факультет МГУ. Именно на пересечении философии и истории впоследствии работал мыслитель. История логики была областью приложения интеллектуальных усилий учёного. Реконструкция различных этапов формирования отечественных школ математической логики, анализ научного наследия и оценка заслуг выдающихся западных и российских логиков – вот направления, в рамках которых на протяжении своей жизни проводил исследования Б. В. В работах, посвящённых становлению логики, Борис Владимирович большое внимание уделял историческому контексту, определившему уровень, достигнутый логико-математическим знанием в XX в. В статье, помещённой в книге избранных работ Г. Фреге, отечественный исследователь не только рассматривает логико-математическое учение иенского мыслителя, но также в качестве фона даёт историческую справку об его *alma mater*, о процессах, происходивших в немецкой

¹ О применении данного метода в гуманитарном исследовании см.: Муханова И. Ф. Биографический метод как способ познания жизненного пути личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27. № 4 (91). С. 420–428; Ядова М. А. Биографический метод в социальных науках: специфика и проблемы // Социально-гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2023. № 3. С. 6–10; Тендрякова М. В. Биографический метод на перекрёстке гуманитарных исследований // Традиционная культура. 2022. Т. 23. № 4. С. 111–124.

² Бирюков Б. В. Трудные времена философии. Отечественная историческая, философская и логическая мысль в предвоенные, военные и первые послевоенные годы. М.: КомКнига, 2006. С. 97.

культуре, в германском общественном сознании в начале XX в.¹

В 1961 г. Борисом Владимировичем защищена кандидатская диссертация по теме «Взгляды Г. Фреге на философские проблемы логики, математики и семантики»², а спустя четыре года он получает учёную степень доктора наук, защитив диссертацию «Философские вопросы логической формализации и логических средств кибернетики»³.

Педагогическая деятельность профессора Бирюкова была тесно связана с ведущими вузами российской столицы. Сначала это был МГУ, в котором герой очерка трудился с 1960 г. В 1990-е гг. Б. В. возглавлял Центр исследования чтения и информационной культуры при МГЛУ. Одновременно он был деканом гуманитарного факультета в открывшемся в то время Международном славянском институте.

В 2000–2014-е гг. – последний период своей жизни – Б. В. Бирюков работал над серией книг «Трудные времена философии» (о чём подробно будет сказано ниже)⁴, осуществлял руководство исследованиями, проводимыми при поддержке грантов РФФИ и РГНФ. Перечислим темы, которые разрабатывал Борис Владимирович и его коллеги в этот период: «Флоренский П. А.: философско-логические идеи и математическая логика как

средство экспликации философско-теологических воззрений», «Л. Леви-Брюль и проблемы прелогического мышления», «Отечественная логика в послесталинские годы».

Заслуживает упоминания деятельность Б. В. как переводчика и историографа математической логики. В течение продолжительного периода научной биографии Бирюковым были выполнены переводы Роберта и Германа Грассманов (о них будет сказано ниже). Под его редакцией вышли первые переводы на русский язык Ю. Козелецкого, А. Моля, Х. Дрейфуса.

Кибернетические исследования периода 1960–1970-х гг.

В конце 60-х – начале 70-х гг. прошлого столетия герой настоящего очерка в должности Заместителя председателя секции «Философские (методологические) вопросы кибернетики» трудился в Научном совете по комплексной проблеме «Кибернетика» при Президиуме АН СССР. В монографиях, изданных в данный период, Б. В. Бирюков оценивает перспективы исследований в области логики, информатики и кибернетической науки, пишет он о влиянии данных наук на формирование новых направлений в естествознании и гуманитарной сфере. Всё это было и остаётся актуальным: новые виды научной и производственной практики, начиная с 1970-х гг. и по сегодняшний день, испытывают непосредственное воздействие кибернетической методологии. Попутно Бирюковым разбирался логико-методологический инструментарий, использование которого было определено институционализацией кибернетики как самостоятельной научной дисциплины. В настоящем очерке обратим внимание на две монографии, появившиеся в период работы в Научном совете, – «Кибернетика и методология науки»⁵ и «Кибернетика в гуманитарных

¹ Бирюков Б. В. Готтлоб Фреге: современный взгляд // Фреге Г. Логика и логическая семантика / пер. Б. В. Бирюкова; под ред. З. А. Кузичевой. М.: Аспект-Пресс, 2000. С. 8–62.

² Бирюков Б. В. Взгляды Г. Фреге на философские проблемы логики, математики и семантики: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М. 1961. 15 с.

³ Бирюков Б. В. Философские вопросы логической формализации и логических средств кибернетики: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1965. 55 с.

⁴ См: Бирюков Б. В. Софья Александровна Яновская. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 312 с.; Бирюков Б. В. Трудные времена философии. Отечественная историческая, философская и логическая мысль в предвоенные, военные и первые послевоенные годы. М.: КомКнига, 2006. 248 с.; Бирюков Б. В. Юрий Алексеевич Гастев. М.: Либроком, 2010. 160 с.; Юрий Александрович Петров. Борьба против профанации методологии науки / ред. Б. В. Бирюков. М.: Либроком, 2010. 256 с.

⁵ Бирюков Б. В. Кибернетика и методология науки. М.: Наука, 1974. 414 с.

науках» (вторая работа написана в соавторстве с Е. С. Геллером)¹.

В центре внимания первой из названных монографий находятся логико-методологические проблемы кибернетики. Отдельными темами в ней выступают алгоритмический процесс, информатизация научного познания, оптимизация исследований и управленческих функций, моделирование и ряд смежных с данным методом проблем. При этом автор монографии отталкивается от сформулированного им совместно с коллегами по НС тезиса, что «основным понятием кибернетики наряду с информацией является оптимальность»². Автор рассматривает влияние, оказываемое идеями, методами и результатами кибернетики на изучение процессов мышления, а также – на процессы автоматизации творческой деятельности. Затем анализу подвергаются логико-философские проблемы смысла и ценности информации.

В структуре книги «Кибернетика и методология науки» выделяются три главы. В первой, имеющей название «Принципы и понятия», автор отталкивается от философского осмысления проблем кибернетики. Ведь последняя, как подчёркивает автор книги, «открыла такую сферу явлений реального мира, в которую наука ... не имела систематического доступа: сферу управления и информации»³. Благодаря системе принципов, разработанных создателем кибернетики Н. Винером, указывает Б. В. Бирюков, структуры управления различной природы и в первую очередь процессы информационные, оказались предметом рационального познания. В первой главе Б. В. ставит задачу определить мировоззренческий смысл этого научного прорыва. Вторая глава монографии посвящена методам науки вообще и методу моделирования в особенности. Автор подвергает философскому анали-

зу методы кибернетики, рассматривает сдвиги, которые это направление исследований и технической практики породило в методологии научного познания. В третьей главе обсуждаются вопросы современной Б. В. Бирюкову теории информации, определена роль информации в процессах управления.

Монография «Кибернетика в гуманитарных науках» имеет тесную связь с темами, поднятыми в предыдущей книге. Здесь одно из центральных мест Бирюков и Геллер отводят вопросам логической формализации. Значение последней, подчёркивают авторы монографии, состоит в том, что она придала точный смысл логико-гносеологическим принципам кибернетики и «пролила свет на то, в каких случаях данные принципы выполнимы, а в каких – нет»⁴. Бирюков и Геллер указывают, что подвергающееся формализации научное содержание может быть выражено благодаря некоторой модели – хорошей формальной схеме, удовлетворяющей таким условиям, как непротиворечивость, разрешимость и полнота. Однако при использовании логических моделей (например, логики высказываний или логики предикатов) происходит упрощение, огрубление материала, т. к. модель всегда проще, примитивнее оригинала. Возможности логической формализации, таким образом, не безграничны.

Кибернетический подход к изучению науки как социального института позволил Бирюкову и его соавтору говорить о возникновении нового научного направления – *наукометрии*⁵. Наукометрия, как и кибернетический подход в целом, дают возможность оценить многообразие проводимых исследований с количественной стороны. Благодаря этим исследованиям получил подтверждение закон экспоненциального роста науки. К счастью, авторы 70-х гг. XX в. не могли даже представить, во что провозглашённое ими новое на-

¹ Бирюков Б. В., Геллер Е. С. Кибернетика в гуманитарных науках. М.: АН СССР, 1973. 382 с.

² Бирюков Б. В. Кибернетика и методология науки. М.: Наука, 1974. С. 78.

³ Там же. С. 9.

⁴ Бирюков Б. В., Геллер Е. С. Кибернетика в гуманитарных науках. М.: АН СССР, 1973. С. 43.

⁵ Там же. С. 63.

правление превратится в первые десятилетия XXI в.!

Отдельная глава книги посвящена применению кибернетики в обучении человека, где выдвигается требование алгоритмизации учебного процесса. Отправной точкой авторам монографии служит понятие *программного обучения*, т. е. обучения, осуществляемого по специальной обучающей программе, которая определяет достаточно рациональный ход обучения. Бирюков и Геллер выделяют три важнейшие черты программированного обучения. Во-первых, процесс обучения делится на элементарные, легко усваиваемые *шаги* подачи учебного материала. Во-вторых, провозглашено требование эффективного контроля усвоения обучаемым каждой *порции* информации. В-третьих, предусмотрена индивидуализация учебного процесса¹.

Б. В. как историк науки

Исследования Бориса Владимировича в области истории логики служат опровержением распространённого тезиса, что в этой науке невозможны значимые прорывные открытия. Дело в том, что герой настоящей статьи, опираясь на выводы Р. и Г. Грассманов, обосновал возможность использования рекурсивно-индуктивного подхода в точных науках. Перевод Борисом Владимировичем трудов братьев Грассманов наряду с переводами работ другого немецкого логика и математика Г. Фреге стали заметной вехой в знаком-

стве отечественного читателя с достижениями западной логико-философской и логико-математической мысли начала XX в. Здесь внимания заслуживают статьи Б. В. в сборниках работ немецких авторов, изданных на русском языке, а также работы, написанные Б. В. Бирюковым в соавторстве с Л. Г. Бирюковой и А. Ю. Туровцевой². Обнаружение в наследии Грассманов генетического и рекурсивно-индуктивного подходов – это то, что можно поставить в заслугу Б. В. как историка математической логики. Помимо этого, необходимо отметить особое внимание, которое было уделено проф. Бирюковым идеям Р. Грассмана. Ведь эти идеи для логиков последующих поколений остались в тени научных заслуг его брата. Именно идеи Р. Грассмана, по убеждению героя статьи, привели к построению логики на чисто конструктивистских основаниях. Автор настоящего очерка считает, что работы проф. Бирюкова дополняют аналогичные исследования таких представителей зарубежной историко-логической мысли, как Л. Кройзер и Хао Ван. Исследования Бирюкова представляют интерес для современного читателя не только как отдельный этап в изучении отечественными учёными наследия Грассманов, но и как пример вдумчивого анализа текстов немецких логиков, который привёл к значимому открытию в области истории логики.

Другим направлением логико-исторических исследований Бориса Владимировича стало изучение логико-математического наследия Г. Фреге. Анализ идей иенского мыслителя были посвящены уже первые работы отечественного логика и его кандидатская диссертация. Ранние работы

¹ Бирюков Б. В., Геллер Е. С. Кибернетика в гуманитарных науках. М.: АН СССР, 1973. С. 180. Отдельные аспекты программного обучения рассматриваются в работах: Борисов В. И., Вилков С. В. Системно-кибернетическая методология разработки систем управления, связи и радиоэлектронной борьбы // Теория и техника радиосвязи. 2022. № 4. С. 5–8; Гусев И. А. Построение интеллектуальных систем // Актуальные вопросы развития современной науки и технологий: сборник статей II международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 16 марта 2023 г. Петрозаводск: Новая Наука, 2023. С. 252–255; Инновационные процессы в образовании: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Щенникова, А. Г. Теслинова, А. Г. Чернявской. М.: Юрайт, 2022. 188 с.

² Бирюков Б. В., Бирюкова Л. Г. Учение о формах (величинах) Г. и Р. Грассманов как предвосхищение конструктивного направления в математике // Вопросы кибернетики. Кибернетика и логическая формализация. Аспекты истории и методологии. М.: ИС по комплексной проблеме «Кибернетика» при Президиуме АН СССР, 1982. С. 36–92; Бирюков Б. В., Туровцева А. Ю. Логико-гносеологические взгляды Э. Шредера // Кибернетика и логика. Математико-логические аспекты становления идей кибернетики и развития вычислительной техники. М.: Наука, 1978. С. 153–252.

Бориса Владимировича об учении Г. Фреге переведены на английский язык и вышли в Дордрехтском издательстве¹. Отметим также, что эти работы были высоко оценены светилом западноевропейской логики-философской мысли – швейцарским учёным И. Бохеньским, не без помощи которого состоялась зарубежная публикация советского логика.

Историко-логическим является содержание ещё одной работы Бирюкова – книги «Жар холодных чисел и пафос бесстрастной логики», написанной в соавторстве с математиком и православным публицистом В. Н. Тростниковым². Содержание данной книги, задуманной в качестве научно-популярной, вышло за рамки указанного жанра. Книга даёт представление о том, как на протяжении эпох происходила формализация рассуждений, что в итоге привело к появлению алгебры логики и институционализации кибернетики как науки. В книге Бирюкова и Тростникова дан экскурс в историю логики, а отдельные страницы этой истории представлены в неожиданном ракурсе (как, например, влияние идей средневекового схоласта Р. Луллия на универсальное исчисление Г. В. Лейбница). Книга выдержала несколько переизданий, что является свидетельством высокой степени актуальности затрагиваемых в ней тем.

Работы последних лет

Серия книг, объединённых названием «Трудные времена философии», стала последней крупной работой в творческой биографии Бориса Владимировича. Влияние социально-политических факторов на динамику школ отечественной логики, на становление философско-исторических, философско-естественнонаучных и логико-лингвистических идей в ведущих научных центрах в СССР в предвоенные, военные и послевоенные

годы, новаторские идеи отечественных философов и логиков, их диалог с представителями западной логико-математической мысли, достоинства и недостатки философского образования в советский период – вот широкий круг тем, которые поднимал в этой серии её автор. Важно отметить, что в данных книгах были использованы личный архив Бирюкова и его воспоминания. При написании книг серии и подборе материала Борис Владимировичу помощь оказывали его ближайшие коллеги – сотрудники Межвузовского Центра чтения и информационной культуры.

Содержание книг данной серии – это прежде всего разговор «о времени и о себе» на фоне перипетий отечественной гуманитарной науки и философского образования главным образом в советский период. В первой книге цикла обращено внимание на развитие исторической мысли в СССР в предвоенное время, обрисованы идеологические ориентиры, которые определили содержание подготовки философов и историков в МИФЛИ. Затем повествуется об идеологических влияниях, определивших специфику становления школ естествознания и логики в СССР в 1930 – 1950-е гг.

Книги серии, изданные в 2008–2014 гг., посвящены развитию логического знания в послевоенное время и в последующие десятилетия. Автор научной серии в своё повествование включает портреты знаковых для советской эпохи учёных: историка и этнолога В. К. Никольского, философа З. Я. Белецкого, литературоведа и логика П. С. Попова, историка философии В. Ф. Асмуса. Отдельных томов серии удостоились трое: научный руководитель Б. В. Бирюкова С. А. Яновская³ и её ученики, активно развивавшие математическую логику в нашей стране, – диссидентствующий учёный Ю. А. Гастев и методолог науки Ю. А. Петров⁴.

¹ Birjukov B. Two Soviet Studies on Frege / transl., ed. I. Angenelli. Dordrecht: Redel, 1964. 102 p.

² Бирюков Б. В., Тростников В. Н. Жар холодных чисел и пафос бесстрастной логики. М.: ЛИБРОКОМ, 2004. 232 с.

³ Бирюков Б. В. Софья Александровна Яновская. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 312 с.

⁴ Бирюков Б. В. Юрий Алексеевич Гастев. М.: Либроком, 2010. 160 с.; Юрий Александрович

Ряд глав первой книги «Трудных времён...» касается изучения проблем прелогического мышления – как данная проблема получила трактовку в работах западных и отечественных исследователей XX в. Изучение истоков логических рассуждений, генезис законов и принципов логики освещается в связи с полемикой, развернувшейся вокруг учения Л. Леви Брюля в среде отечественных лингвистов, историков, этнологов, логиков и философов в 30–50-е гг. XX в. В значительной мере изучение идей прелогизма было инициировано учеником Б. В. Бирюкова Игорем Семёновичем Верстиным.

Значительное место в серии уделено критическому анализу процессов, которые происходили в научной сфере, в философии и гуманитарном познании в советский период. Бирюков был убеждён, что господствовавшая в стране идеология была фактором торможения динамики таких сфер, как математическая логика, кибернетика, обществознание, история. Этим обусловлена достаточно низкая оценка Бирюковым достижений отечественной гуманитарной науки и философии в советский период, где значимые результаты были получены не благодаря, а, скорее, вопреки сложившимся социально-политическим условиям.

Давая довольно низкую оценку достижениям советских философов, Борис Владимирович вступал в полемику с неомарксистом, левым интеллектуалом Луи Альтюссером¹. Как и многие другие левые радикалы на Западе, Альтюссер зарекомендовал себя в качестве противника социального порядка и исторической традиции, ниспровергателя основных социальных институтов. Такие установки не могли не повлиять на его философские оценки: советские марксисты воспринимались им как единомышленники в разрушении основ буржуазного общества, а динамика

философского знания в СССР им оценивалась позитивно. Бирюков же в пору написания «Трудных времён...» придерживался иных идеологических установок, и потому результаты интеллектуальной работы отечественных философов-марксистов оценивал невысоко.

Критика Бирюковым достижений отечественной философии советского периода находится в русле аналогичных замечаний, высказываемых представителями дореволюционной школы отвлечённой мысли. Здесь следует упомянуть не только представителей Русского Зарубежья В. В. Зеньковского и Н. О. Лосского, но и жившего в СССР философа-неокантианца и правоведа И. Д. Левина, у которого довольно жёсткие оценки интеллектуальной жизни в СССР мы можем найти в дневниковых записях². Однако все перечисленные авторы писали о современном им состоянии философского знания, а критика Бориса Владимировича относилась к прошлому периоду отечественной истории, к уже свершившимся событиям социокультурной жизни.

Более взвешенный взгляд на динамику научных исследований XX в. даётся в работе «О судьбах психологии и логики в России периода “войн и революций”». Здесь Б. В. показывает, что переживаемые страной в 20–30-е гг. XX в. социальные катаклизмы определили фундаментальные изменения в отвлечённом знании и науке. По оценке Бирюкова, данные изменения были не только негативными, но и позитивными. Отвечая на вопрос, способствуют ли войны и революции появлению новых научных идей, Бирюков подчёркивает, что «каждый из возможных альтернативных ответов на этот вопрос может быть подкреплён историко-научными фактами, причём характер ответа во многом зависит от рассматриваемой научной области»³. Бирюков, в частности, констатировал, что

Петров. Борьба против профанации методологии науки / ред. Б. В. Бирюков. М.: Либроком, 2010. 256 с.

¹ Бирюков Б. В. Софья Александровна Яновская. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. С. 149.

² Левин И. Д. 1921–1931 [Дневник] // Литературное обозрение. 1996. № 5–6. С. 96–107.

³ Бирюков Б. В. О судьбах психологии и логики в России периода войн и революций // Вестник МСИ. 1998. № 4. С. 7.

настойчивый поиск схем логической неклассичности, осуществлявшийся русскими мыслителями предреволюционной эпохи (Н. А. Васильевым, П. А. Флоренским) был прерван, однако новая политическая эпоха, по убеждению Бориса Владимировича, способствовала разработкам в сфере математической и релевантной логики¹, где ощутимых успехов добились такие исследователи, как С. А. Богомолов, С. А. Яновская, А. Н. Колмогоров и ряд других.

Б. В. Бирюков подчёркивает, что гонения на логику, претензия на формальный характер её выводов стали рассматриваться как повод отказа от её поддержки в качестве научной парадигмы. Реконструкция данного периода в развитии отечественной логики в статье Бориса Владимировича Бирюкова выглядит следующим образом: «В советский период логика – под названием “формальной логики” – начала подвергаться гонениям, в полной мере развернувшимся к концу 20-х годов. Научным направлениям логической мысли была в директивном порядке противопоставлена так называемая диалектическая логика – учение, представлявшее собой ... иное название для ... диамата, т. е. марксистского гегельянства»².

Вполне взвешенным можно считать вывод, который Бирюков делает в конце разбираемой статьи: «Исторические катаклизмы и идеологическая ломка меняют характер научных исследований, и изменения эти могут быть плодотворны. Однако когда социальный переворот переходит в стадию консервативной стагнации, застывает и живая научная мысль»³.

В статьях Б. В. Бирюкова, опубликованных в первые десятилетия XXI в., внимание уделено становлению школ отечественной логики в предреволюционной России. Философ оценивает вклад

русских учёных в создание первых систем логической неклассичности. Среди ярких имён отечественной логики Серебряного века особенный интерес у Бориса Владимировича вызвали Н. А. Васильев и П. А. Флоренский.

В отношении первого из названных мыслителей – Н. А. Васильева – Бирюкову совместно с Б. М. Шурановым удалось установить, что воображаемая логика, предложенная казанским учёным, есть логика двузначная, но оперирующая суждениями трёх качеств (т. е. трёхкачественная). Вместе со своим соавтором Бирюков указывает на широкие возможности применения принципов васильевской воображаемой логики в целях исследования языковых контекстов.

Решение задачи Кэрролла и использование математической логики в целях анализа текстов религиозной направленности есть то, что интересовало Бориса Владимировича и его учеников в обширном философско-богословском наследии П. Флоренского.

Основной труд о Павла, в котором математическая логика используется как способ экспликации религиозных идей, стал предметом анализа сразу в нескольких работах Б. В., написанных как самостоятельно, так и в соавторстве с коллегами⁴. Отталкиваясь от концептуальных схем автора трактата «Столп и утверждение истины», Борис Владимирович обращается к анализу религиозной интуиции, принимая во внимание идеи не только Флоренского, но и других мыслителей русского Серебряного века.

Неокантианские и логико-методологические моменты в учении А. И. Введенского анализируются в статье об этом представителе университетской философии начала XX в. Данная статья, насколько известно автору этих строк, была опубликована при жизни Б. В. одной из последних.

¹ Бирюков Б. В. О судьбах психологии и логики в России периода войн и революций // Вестник МСИ. 1998. № 4. С. 9.

² Бирюков Б. В. О судьбах психологии и логики в России периода войн и революций // Вестник МСИ. 1998. № 4. С. 9.

³ Там же.

⁴ Напр., Бирюков Б. В., Прядко И. П. Проблема логического противоречия и русская религиозная философия // Логические исследования. 2010. № 16. С. 23–84.

Исследование пределов рационального знания приводит героя настоящего очерка к осознанию неуниверсальности инструментария логического моделирования. Это стало поводом обращения к наследию религиозной философии Серебряного века, где довольно ощутима иррациональная составляющая. В распоряжении автора настоящей статьи есть подготовленный к печати текст мистической трилогии М. В. Лодыженского с предисловием самого Бориса Бирюкова, где он, стремясь уточнить содержание термина «мистика», обращался к неординарным и лежащим поперёк интеллектуального мейнстрима идеям политического публициста и религиозного мыслителя Л. Тихомирова, фигура которого открылась широкому отечественному читателю во времена политических реформ 1990-х гг.

Заключение

Подведём итог. В небольшом очерке была упомянута лишь часть научных заслуг известного отечественного учёного, логика и историка математики советского времени Б. В. Бирюкова. Обращено внимание на такие факты биографии учёного, как работа в Научном совете по кибернетике при Президиуме АН СССР, перевод трудов Г. Фреге, изучение наследия Р. и Г. Грассманов и открытия, сделанные в ходе этого изучения. Анализ логико-математического и логико-философского наследия Грассманов стал важной вехой в изучении наследия немецких мыслителей и сохраняет своё значение в настоящее время.

Особое внимание в статье уделено последнему периоду жизни Бориса Владимировича, связанному с изучением наследия дореволюционных отечественных логиков и представителей религиозной мысли Серебряного века, социальной динамике научного исследования в советский период.

Вот уже восемь лет нет с нами Бориса Владимировича Бирюкова. Срок по историческим меркам ничтожно короткий.

Однако в год столетнего юбилея учёного в российской научной периодике не появилось даже короткой заметки, посвящённой его творчеству. Те направления исследований, в которых Б. В. Бирюков работал, тоже не получили развития. А ведь некоторые из них находятся на пересечении предметных областей технических, естественных и гуманитарных наук и могли бы привлечь внимание представителей различных сфер знания, что особенно актуально в наши дни, когда приходится отстаивать приоритет российской науки в различных областях. Следует признать, что современные авторы, которые в своих работах касаются логико-математического наследия Г. и Р. Грассманов или обращаются к исследованию вклада Фреге в семантику, логику и философию, не достигают аналитической глубины, которая отличает посвящённые данным темам труды Б. В. Бирюкова¹. Да и исследование прелогического мышления под углом зрения математической логики было прекращено после смерти ученика Б. В. Бирюкова И. С. Верстина².

Невнимание к научному наследию Б. В. Бирюкова, полное отсутствие у коллег учёного желания воздать дань памяти в год его столетнего юбилея автор настоящей статьи считает фактом весьма прикормным.

¹ Исаев Р. А. Влияние идей Г. Фреге на аналитическую философию // Неделя науки 2021: сборник тезисов, Таганрог, 19 апреля – 28 мая 2021 г.: в 2 т. Т. 2. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2021. С. 528–533; Медова А. А. Гуссерль и Фреге: траектории сравнительных исследований // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 61. С. 105–116; Chubaryan A. A., Tamazyan H. A., Tshitoyan A. S. Some Improvement of Lower Bounds for Steps and Sizes of Proofs in Frege Systems // Sciences of Europe. 2019. № 37-1 (37). С. 39–44.

² Последняя его работа на данную тему: Верстин И. С. Философско-методологические вопросы первобытного мышления // Современные тенденции развития этнофилософии: материалы научно-практической конференции, Чебоксары, 14 декабря 2018 г. Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, 2020. С. 10–14.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прядко Игорь Петрович – кандидат культурологии, доцент кафедры социальных, психологических и правовых коммуникаций Национального исследовательского Московского государственного строительного университета;
e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor P. Pryadko – Cand. Sci. (Culturology), Assoc. Prof., Department of Social, Psychological and Legal Communications, Moscow State University of Civil Engineering;
e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Прядко И. П. Б. В. Бирюков – учёный и организатор науки: заметки к прошедшему юбилею // *Современные философские исследования*. 2023. № 4. С. 133–142.

FOR CITATION

Pryadko I. P. B. V. Biryukov – Scientist and Facilitator of Science: Notes to the Last Anniversary. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 4, pp. 133–142.

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2023. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик Ю. А. Назарова
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Глузнов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.philosmgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 9, уч.-изд. л. 12.

Подписано в печать: 26.12.2023 г. Дата выхода в свет: 29.12.2023 г. Заказ № 2023/12-04.

Отпечатано в ГУП

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А